

ЕГО ЗОВУТ АНГЕЛ

АННА МИЛТОН

Annotation

Августа Вишневецкая считает себя лишней в этом мире. Она — изгой, отвергнутая обществом. Девочка жила в одиночестве, пока однажды к ним в класс не пришел новенький ученик. Мальчик со странным именем Ангел и шрамом на лице. Ангел врывается в серую жизнь Августы и приносит с собой краски. Августа пытается отстраниться от него, так как разучилась доверять людям, но вскоре понимает, что Ангел способен творить чудеса с ее жизнью.

Первая глава

Его зовут Ангел

Что такое сорняк, в самом деле? Растение, которое никто не сажал? Семечко, упавшее с пальто прохожего, то, что никому не принадлежит? Или то, что растет в неполюженном месте? Разве это не просто слово, ярлык, окруженный соответствующими суждениями — «бесполезный», «бессмысленный», «ненужный»?

Джанет Фитч «Белый олеандр»

Пролог

Каждый хочет встретить такого человека, который однажды сказал бы: «Просто будь собой». Человека, который бы поддерживал в любой ситуации, шутил, когда грустно и постоянно повторял: «Я рядом, чтобы ни случилось».

Я всегда была уверена, что моя жизнь самая ужасная на свете, что мир ополчился против меня, и я одна против всех. Я никогда не была хорошим и послушным ребенком. Я часто совершала ошибки и была капризной, эгоистичной. У меня далеко не идеальные отношения с родителями. Я не отличаюсь безупречной учебной работой в школе. Я не популярна. Не красива. Не умна. Я абсолютно точно знала, что никогда ни с кем не подружусь, вообще не подпущу к себе кого-либо, кроме мамы или папы. Еще у меня отвратительный характер... ну, так считают окружающие. Я была уверена, что у меня будет самое серое и скучное будущее, которое бы я никогда не решилась изменить и улучшить, потому что не видела смысла в этом.

Но любая система дает сбой.

Моя дала.

Однажды в моей жизни появился один человек, и все вдруг изменилось. Странно, потому что до встречи с ним я бы и сама ни за что не поверила, что могу стать другой, стать лучше. Скажу больше, я знала, что в этом отвратительном, пустом и лживом мире не существует таких людей, которые смогли бы подтолкнуть меня к изменениям.

Но странный человек со странным именем смог.

Глава первая

Утро.

Ненавижу утро понедельника... Ненавижу утро каждого дня, даже выходных, потому что это означает, что жизнь не стоит на месте, в отличие от меня.

У людей должна быть цель, мечта, чтобы просыпаться по утрам. У меня ее нет, но я все же открываю глаза. День за днем.

Это утро не становится исключением. Я слышу будильник, и мне хочется ударить его с такой силой, чтобы он сломался. Но это сделать не так-то просто. Однажды я пыталась совершить убийство этой дурацкой штуковины, и чуть не сломала себе большой палец.

Дьявольский механизм.

Писк давит на нервы. Я начинаю тихо рычать, вытаскиваю из-под головы подушку и накрываю ею лицо. Не помогает. Этот будильник даже хуже моих родителей! Я отбрасываю подушку и резко встаю. Перед глазами начинает плыть и темнеть. Я кладу руку на лоб и жмурюсь. Раз, два, три, четыре, пять. Это помогает успокоиться, и головокружение уходит. Я открываю глаза и с одновременной жалостью и злостью смотрю на будильник. Протягиваю руку и нажимаю на кнопку. Больше я не слышу никакого писка, и мне становится хорошо.

Несколько минут мне требуется, чтобы собраться с мыслями и смириться с тем, что воскресенье позади, и впереди меня ждет очередная и бесконечно долгая учебная неделя. До каникул пятьдесят три дня, и я не знаю, как доживу до них.

Я покидаю свою кровать, натягиваю школьные брюки и черную водолазку. Перед тем, как выйти из своей маленькой комнаты с глупыми темно-лиловыми обоями в полоску, где вечно царит беспорядок, я с тоской смотрю на не заправленную постель. Ладно, уберу все после школы.

Я выхожу из комнаты и иду в ванную. Она свободна, как и всегда в это время. К счастью, у меня нет ни братьев, ни сестер, — я бы не вынесла делить с кем-то свою комнату, или ванную. Я захожу внутрь, включаю свет и закрываю за собой дверь. Подхожу к умывальнику и смотрюсь в зеркало. Мое лицо невольно морщится, и я тут же опускаю глаза. Умываюсь, чищу зубы.

Я покидаю ванную через пять минут, и следующим пунктом моего утреннего маршрута по дому становится кухня. Там тихо, как и во всей квартире. Значит, мама и папа уже ушли. Хотя чему тут удивляться. Они, мне кажется, идут на работу либо в пять часов утра, либо вообще не приходят оттуда. Я редко вижу с ними. Они — заядлые бухгалтеры. Готовы променять все свое свободное время на пару лишних часов в окружении документов.

Моему взору открывается наша небольшая кухонка в мягких коричневых тонах. Я обхожу стол и останавливаюсь у холодильника. Открываю его. Там пусто. Нет даже намека на то, что там должна быть еда. Я хмурюсь и достаю масло, затем лезу в хлебницу и беру сладкий батон. Вот из-за таких завтраков всухомятку я заработала себе гастрит и много прочей ерунды, связанной с желудком.

Я не тороплюсь, так как до выхода из дома остается еще двадцать минут. У меня все спланировано — долгие годы тренировок. Пять минут на то, чтобы привести себя в порядок... ну, точнее, постараться сделать это. За минуту я одеваюсь. Десять-пятнадцать минут на завтрак. Сорок семь секунд уходит на то, чтобы надеть и завязать кроссовки. И, наконец, дорога до школы занимает десять минут.

Я доделываю бутерброды и сажусь за стол. Когда подношу ко рту кружку с чаем и делаю глоток, мой язык обжигает горячая жидкость, и я выплевываю все, что находится во рту.

— Вот блин, — бормочу я и встаю, чтобы взять тряпку.

Процесс вытирания стола является незапланированным делом, поэтому я теряю две минуты, и из-за этого мои дальнейшие действия придется перестраивать так, чтобы все успеть. Я начинаю нервничать, бросаю тряпку в раковину и бегу в свою комнату за рюкзаком.

Перед тем, как покинуть дом, я смотрю на время.

Без пятнадцати восемь. Вроде успеваю.

Все, что есть в моей жизни, мне ненавистно.

Во-первых, мои родители. Законченные эгоисты и вечные трудоголики. Они любят свою работу больше, чем меня — свою единственную ночь. Не то, чтобы я слишком страдаю от дефицита родительского внимания, но все же иногда моя потребность в них бывает чрезмерно высокой, а их, как всегда, нет рядом.

Школа. Ад переместился из подземного мира и воплотился именно в том месте, где я учусь.

Дом. Обычно, родные стены должны служить успокоением и местом, где человек может отдохнуть от внешней суеты. Но только не мой дом. Это эпицентр семейных кошмаров и невероятной угнетающей пустоты.

Люди, которые меня окружают. Мне даже нечего сказать по этому поводу. Люди есть люди. Они жестоки и несправедливы. Этим все сказано.

Мое имя. Ужасное имя — Августина, или сокращенно Августа. И как только родители догадались назвать меня так? За это я ненавижу их вдвойне.

Я, в конце концов.

Мне не нравятся мои волосы. Они тусклые, на концах ломаются и походят на солому, пепельного оттенка до лопаток. Полгода назад я красилась в красный цвет и жалею об этом до сих пор, потому что они стали ужасно лезть и испортились. Не прошло и месяца, как я снова стала «собой». Больше я никогда не буду красить волосы.

Глаза. Они совершенно непонятного оттенка. То ли зеленые, то ли желтые. И это мне не нравится. Но прикольно, что они становятся янтарными на свету.

Губы. Толстые и бесформенные, как я считаю, но мама говорит, что иметь пухлые губы очень хорошо. А среди людей бытует мнение, что пухлые губы идеальны для поцелуев... Я, во всяком случае, пока не убеждена в этом лично.

Нос. Чуть вздернутый и с маленькой горбинкой. Я ненавижу свой нос.

Лоб. Не знаю, что с ним не так, но он мне все равно не нравится.

Мои руки, плечи, туловище и ноги. Я не толстая, но и худой меня тоже нельзя назвать. Я вешу на несколько килограмм больше своих одноклассниц, и за это уже могу твердо назвать себя толстухой и жирной. Вот такие вот дела.

Я ненавижу цвет своей кожи. Я очень бледная, но мама говорит, что я не альбиноска.

Я не люблю то, что вижу из окна своей комнаты. Я стараюсь не подходить к нему, чтобы не разочаровываться лишний раз. Тусклости, серости и грязи и так хватает в моей жизни.

Я не ребенок, но и взрослой себя не считаю. На данный момент я середина. Я подросток, а это самый тяжелый период в формировании личности человека. Мне пятнадцать, и у меня ужасный характер.

Я не знаю ни одной вещи в этом мире, которая может мне понравиться. И с людьми тоже самое.

Я не дружелюбный человек.

Я социопат.

Мой любимый цвет черный, и серый, но это не говорит о том, что я ходячая Депрессия. Может быть, именно такой я для всех и кажусь, но я-то знаю, что не такая. Если я не улыбаюсь, не смеюсь и не болтаю обо всех несущественных глупостях подряд, это не значит, что я не нормальная. Я просто по-своему смотрю на этот мир. Я реалистка.

У всех на уме любовь, дела, учеба, друзья и веселье. Похоже, только я одна не понимаю, что творится в моей голове, и что я хочу от этой жизни.

Все ненавидят меня. Что ж, взаимно. Я тоже ненавижу всех.

У меня нет желаний. Вообще. Ну, разве что тихо прожить свою жизнь, чтобы все оставили меня в покое. У меня нет надежд. Стремлений. Я некая субстанция, ничего не воспринимающая и зацикленная на том, что люди приносят одни проблемы. Я во всем вижу только плохое, потому что хороших сторон, на самом деле, не существует.

Я живу, закрыв на все глаза, и меня это полностью устраивает. Лучше не видеть мир. А если все-таки увижу его, то определенно у меня случится инфаркт, что вполне возможно из-за врожденного порока сердца.

Жизнь проходит мимо меня, но я в порядке. Серьезно.

Неважно, что будет в будущем. Оно, определенно, все равно меня разочарует. Я всегда и точно знаю, что будет завтра, потому что все дни похожи друг на друга, как близнецы. Бесчисленное количество близнецов...

Мне сразу становится нехорошо, когда я подхожу к зданию школы. Посещают мысли о побеге, которые приходят в голову каждое утро, и я вполне могу осуществить свой идеальный план, пока меня никто не видит.

А, нет. Уже не могу.

Я замечаю на себе насмешливый взгляд своей одноклассницы Камиллы, которая со своими подругами из десятого класса стоит на лестнице. Я фыркаю сама себе и кидаю ей озлобленный взгляд в ответ. Эта самодовольная девчонка с глупой кукольной внешностью перестает улыбаться и отворачивается. Теперь улыбаюсь я. То-то же.

Мои одноклассники меня терпеть не могут, как и я их. Они напоминают мне стадо баранов. Серьезно. Все до тошноты однообразные. Они даже внешне чем-то похожи. Вероятно, одинаковый образ жизни и ход мыслей делает их такими. Я сильно отличаюсь от них, и за это они презирают меня. Из-за своей непохожести я во многом ограничена. Не так взглянула, не так шевельнулась, не правильно вздохнула, не вовремя появилась... И все сразу ополчаются против меня. Только дай им повод. Но, по правде говоря, меня это не сильно заботит. Я не жалею, что отделена от коллектива и не могу принимать участие во многом.

За этим миром лучше только наблюдать.

Я дохожу до лестницы и поднимаюсь, прохожу мимо Камиллы. Я не смотрю на нее, но отчетливо ощущаю, как ее пристальный взгляд упирается мне в спину. Как только я отдаляюсь от Камиллы на приличное расстояние, то слышу, как она со своими подругами начинает смеяться. И не нужно быть гением, чтобы понять, что причиной их внезапного приступа безудержного веселья являюсь я.

Уверена, многих посещало такое желание просто щелкнуть пальцами, и все люди, которые тебя раздражают, исчезнут. Это было бы просто идеально. Но, боюсь, если это желание исполнится, то как минимум три четверти учеников из моей школы бесследно пропадут.

Я усмехаюсь своим мыслям и захожу в школу. Меня начинает тошнить, так как в холле слишком много учеников. Они суетятся, кричат, и весь этот гул и голоса смешиваются в один неясный оглушительный звук. Мне хочется закрыть уши и зажмурить глаза, а затем

убежать. Но я не могу так поступить, потому что, во-первых, у меня будут проблемы, если я пропущу занятия, во-вторых, меня и так считают сумасшедшей. Хотя второе почти не является для меня реально тревожащей причиной, но я все равно не могу сбежать.

Жизнь так сурова.

Я вздыхаю, зацепляюсь большими пальцами за лямки рюкзака и иду к расписанию, стараясь ни на кого не наткнуться, чтобы лишний раз не навлечь на себя неприятности. Я останавливаюсь у стенда и ищу глазами расписание уроков 9 «Б». Нахожу. Первым будет алгебра. Я кривлюсь, потому что ненавижу алгебру, и геометрию, и большую часть школьных предметов. Но всем будет плевать на то, что мне нравится, а что нет, даже если я закричу об этом на всю школу.

Я отхожу от расписания и собираюсь идти к лестнице, но на кого-то натыкаюсь и отлетаю назад. Мое сердце падает вниз, как и я. Через пару секунд, которые кажутся мне целой вечностью, я больно ударяюсь копчиком, но падение смягчает рюкзак. А затем я слышу смех. Громкие противные смешки со всех сторон доносятся до меня и как бы говорят, что я полнейшее ничтожество. Ох, я и так знаю об этом.

Я медленно прихожу в себя, и меня волной накрывает чувство стыда. Я неуверенно поднимаю взгляд, чтобы увидеть того, на кого наткнулась. И когда мои глаза натыкаются на знакомое лицо, сморщившееся от смеха, я вжимаюсь в пол.

Я полностью лишена права голоса в этой жизни. Я не популярна. Я изгой и часто являюсь предметом насмешек. Но я никого из тех, кто ополчается против меня, не боюсь. Пожалуй, кроме одного человека. Дизеля. Ученик из параллельного класса. Так его прозвали в честь актера Вина Дизеля. А на самом деле зовут его Андрей Морозов. Ужасный тип. Грубый, невоспитанный, неотесанный. Таких, как он называют качками. Этот парень лишен каких-либо извилин. По его мнению, он отличный спортсмен. Но такие огромные мышцы у него вовсе не из-за усердных тренировок, я так думаю. Конечно, это дает свои результаты, но не так быстро, потому что прошлой весной Дизель был худым. Все дело в биодобавках, которыми парень явно злоупотребляет. В конечном итоге это не закончится ничем хорошим. Умрет от внезапной остановки сердца, как многие спортсмены, употребляющие допинг.

Так вот, я боюсь не его самого, а то, что он может сделать. Дизель огромный и совершенно не отдает отчет в своих действиях. Я уверена, что он может ударить меня, если захочет, и никто не сможет помешать ему. И теперь понимаю, почему мне показалось, будто я врезалась в бетонную стену, когда столкнулась с ним.

— Смотри, куда идешь, — перестав смеяться, произносит Дизель своим хриплым голосом, от которого вянут уши. — Дура. Совсем видеть разучилась?

Стараясь не обращать внимания на то, что на меня все смотрят, я собираю волю в кулаки и начинаю подниматься. Я встаю на ноги и отряхаюсь. Дизель по-прежнему стоит напротив, я вижу его белые кроссовки. Почему не уходит? Неужели что-то задумал? Если так, то мне придется худо, потому что Дизель любит издеваться над теми, кто физически слабее его. В эту категорию попадают почти все ученики этой школы. И я, конечно же.

— Не слышу извинений, — насмешливым тоном произносит он.

Я продолжаю делать вид, что стряхиваю несуществующую грязь с брюк, и не смотрю на него.

— Алле! Ты оглохла, что ли? — Дизель не отстает. — Эй, как там тебя? Ты здесь вообще? Отвечай, когда с тобой разговаривают!

Я молчу и пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь другом.

— Ты реально того? — не получается, потому что я все еще слышу его противный голос. Мне надо уходить отсюда.

Не поднимая головы, я поправляю рукой рюкзак и иду в бок, молясь, чтобы Дизель оставил меня в покое.

— Чокнутая! — кричит он мне вслед, и все вокруг смеются. — Тебе лечиться надо! Неважно, что он говорит. Главное, он не додумался донять меня.

Я делаю огромную дугу и поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Когда мне остается сделать несколько шагов до кабинета алгебры, звенит звонок, и я срываюсь с места и бегу, что есть силы. Я рывком открываю дверь и вижу Надежду Павловну. Она стоит лицом к классу, но услышав, что я открыла дверь, поворачивает голову в мою сторону. Ее глаза становятся узкими, и мне это не нравится. Я слабо дрожу от страха и волнения. Я опоздала, а Надежда Павловна не прощает опозданий, даже самых малейших.

Судя по ее взгляду, я попала.

— Звонок уже был, — отчеканивает учительница механическим голосом.

— Я...

Но женщина не дает мне даже шанса оправдаться.

— Закрой дверь, — резко обрывает она меня.

Мне ничего не остается делать, как послушно кивнуть и отступить. Прежде, чем я закрываю дверь, я слышу смешки своих одноклассников. Плевать на них. И на учительницу. Ужасно, что если кто-то опаздывает, то получает двойку в журнал. И сейчас в ряду с моей фамилией будет красоваться кривой лебедь. Замечательно.

В школе становится тихо с началом первого урока. Я сажусь на лавочку у кабинета алгебры и прижимаюсь затылком к бледно-голубой стене. Сначала я сижу с закрытыми глазами и вспоминаю недавнюю стычку с Дизелем. Он мне определенно это припомнит. Затем начинаю заниматься изучением трещин на желтеющем потолке. Их двадцать семь. Десять крупных, и семнадцать мелких, извилистых. Директору давно пора позаботиться о ремонте, а то скоро школа просто-напросто развалится.

Свободное время, которое у меня есть благодаря помешанной на пунктуальности учительнице алгебры, я трачу на повторение фрагмента из «Слова о полку Игореве», которое нам задали выучить наизусть. За минуту до звонка с урока я убираю потрепанный учебник и спускаюсь к расписанию. Дальше у нас литература. Не теряя времени, я направляюсь в левое крыло школы и останавливаюсь у двадцать пятого кабинета.

Через пару минут дверь распаивается, и из класса бурным потоком вываливаются, толкаясь, пятиклассники. Снова становится шумно. Я вновь хочу заткнуть уши, но нельзя. Мне нужно потерпеть. Всего лишь несколько часов, и я буду свободна. От всего.

— Здравствуй, Августа, — от мыслей меня отвлекает голос нашей классной руководительницы.

Я перевожу на нее взгляд и вижу приветливую улыбку. Мне хочется улыбнуться в ответ, потому что Светлана Александровна хорошая. Она добрая, не кричит по пустякам и не закатывает истерик со слезами, как это делает, например, учительница по физике. Вообще, я считаю, что людям с неуравновешенной психикой опасно вести такие предметы, как физика, или химия. Мало ли что может случиться. Моя классная руководительница, вероятно,

единственный человек в этой школе, которому все равно, какую роль я играю в обществе. Хотя она не раз выражала свое беспокойство относительно того, что я не дружу со своими сверстниками. И каждый раз я ничего ей не отвечала.

— Здравствуй, Светлана Александровна, — бормочу я, так и не улыбнувшись.

Больше она ничего не говорит и закрывает кабинет на ключ. Я тут же выдыхаю весь воздух, что есть в легких. Учительница уходит. Кабинет будет закрыт все перемену. Значит, я не смогу находиться здесь. Мне нужно уйти. Уйти туда, где тихо и спокойно. В школе существует только одно место, сочетающее в себе эти критерии.

Библиотека.

Все перемены школьных будней я отсиживаюсь там. Это идеальное место, чтобы скрыться ото всех — там нет ни единой живой души, кроме меня... хотя, думаю, моя душа не в счет. Я вообще сомневаюсь, что она у меня есть. Ведь что такое душа? Что-то материальное, имеющее цвет и вес? Если да, то где именно она находится?

Наверно, моя самая большая проблема в том, что я слишком много думаю. Это реально усложняет жизнь. Если бы не привычка все анализировать и критиковать, возможно, я бы сумела стать нормальным человеком. Таким, как все остальные.

Библиотека находится на третьем этаже. Она уже открыта. Я, как всегда, здороваюсь с Галиной Михайловной, нашей пожилой библиотекаршей, которая тоже, кстати, добрая женщина, и прохожу в самый конец, сажусь за последний стол и тяжело вздыхаю. Первая перемена длится десять минут. Пять уже прошло, остается пять.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках отвлечения. Мое внимание привлекает журнал «Вокруг света». Я беру его и начинаю бездумно листать, рассматриваю яркие картинки и совершенно не вчитываюсь в текст.

Со звонком я покидаю библиотеку, где все это время сижу одна, и бегом спускаюсь на первый этаж. Светлана Александровна никогда не кричит за опоздания, тем более она знает, где я сижу все перемены, и сколько времени примерно уходит на то, чтобы спуститься с третьего этажа. Тем более я не спортсменка... далеко не спортсменка. И у меня серьезные проблемы со здоровьем, мне нельзя делать резких движений и еще много чего.

Когда я захожу в кабинет, то думаю, что уже начался урок. Точнее я надеюсь на это. Но учительницы нет на месте, и все ученики галдят. Они громко разговаривают и спокойно ходят по классу. В воздухе летают ручки, скомканные вырванные листки из тетрадей и даже чей-то портфель. Все как обычно.

Как бы сильно я ни желаю остаться незамеченной, меня все же замечают. Все резко замолкают и поворачиваются в мою сторону, думая, что это учительница. Но это всего лишь я. Когда они понимают, что нет никакой опасности, снова начинают кричать и бегать.

— Чего встала, чучело! — кричит мне Костя Давыдов. — Дверь закрой! Ты нас палишь!

Я понимаю, что стою, широко раскрыв дверь, и из-за этого гул голосов из кабинета слышит весь первый этаж. Я прочищаю горло, пару раз кашлянув, и делаю неуверенный шаг вперед. Меня не должны волновать ужасные прилагательные и существительные, которые мне приписывают одноклассники, но я все равно краснею от стыда и обиды.

«Плевать» думаю я.

Мне просто не надо думать об этом.

Я делаю глубокий вдох и решительно иду к своему месту. Хорошо, что я сижу за предпоследней партой в самом дальнем ряду. А еще мне повезло с соседом. Егор Романов такой же изгой, как и я. Он тихий, всегда молчит, а еще он самый умный в классе, и к нему

на каждой контрольной или проверочной обращаются за помощью. И он помогает им, потому что если не поможет, ему этого не простят и обязательно сделают много гадостей в отместку. Вот такие мои одноклассники.

Я сажусь на стул, достаю из рюкзака учебник по литературе, открываю «Слово о полку Игореве» и напряженно смотрю на Егора, потому что чувствую на себе его взгляд. Он тут же отворачивается и поправляет узкие прямоугольные очки в тонкой черной оправе. Егор склоняется над книгой и что-то беззвучно произносит. Я только вижу, как шевелятся его потрескавшиеся губы.

Учительница все не приходит. Я нервно тереблю в руке свой старенький смартфон и думаю включить музыку.

— Ну, как все прошло? — слышу я голос Малининой Алины.

Она светловолосая, худая и симпатичная. Она и Света Лазарева сидят передо мной.

— Ужасно, — грустно отзывается Света.

У Светы длинные темные волосы средней густоты. И чтобы придать им дополнительный объем, она каждый день завивает их плойкой, думая, что от этого кажется красивее. Но на самом деле ей лучше с прямыми волосами.

— С ним невозможно ни о чем разговаривать, — продолжает жаловаться Света. Она и Алина сидят боком, и я вижу их профиль.

Как можно наносить столько косметики? Опять же, это их совсем не красит, но мальчикам нравятся ухоженные девочки. Я определенно не такая. Я не слежу за собой, потому что не вижу в этом смысла. Не вижу смысла нравиться другим. Если они не воспринимают меня такой, какая я есть, то мне не о чем говорить с ними.

— Он такой невнимательный, — вздыхает Света. — Вот зашли с ним вчера в магазин. Ну, помнишь, тот, где мы видели с тобой огромного белого медведя?

Алина энергично кивает и улыбается.

— Так я пытаюсь намекнуть ему, чтобы он подарил мне его, — говорит Света, — а он вообще меня не слушает! Все сидит в своем телефоне! — она обиженно поджимает губы и скрещивает руки. — Может, мне бросить его? Все равно от него никакого толка!

Я не хочу становиться свидетелем их разговора, но у меня нет выбора, потому что они говорят слишком громко, будто специально. Чтобы не вникать в дальнейшие подробности этого бессмысленного диалога двух пустоголовых девиц, я наклоняюсь к рюкзаку и открываю боковой кармашек, где должны лежать наушники. Но их там нет. Я еле слышно стону и резко возвращаюсь в прежнее положение. Прекрасно, теперь мне придется слушать Свету и Алину!

Я гневно выдыхаю и складываю руки на парте. Мой усталый взгляд падает на двух кукол, сидящих впереди.

— Замути с Горевым! — восторженно произносит Алина.

Света морщит нос.

— Да ну. Он зануда, — она делает небрежный жест рукой.

Горев. Горев. Горев. Знакомая фамилия... Точно! Это же Никита Горев. Мой одноклассник.

— Но ты ему нравишься! — Алина треплет за руку Свету. — Он на тебя все время смотрит!

Лицо Светы меняется. Она слабо улыбается.

— Правда? — певуче спрашивает она.

Алина кивает, и ее улыбка становится до ушей. А я смотрю в сторону Горева. Он сидит на краю парты, жонглирует ручками и о чем-то разговаривает с другими мальчиками. Я представляю себе его и Свету, и мне хочется смеяться. Если они решат встречаться, то будут выглядеть крайне глупо. Хотя бы потому, что они одного роста, и Света всегда ходит на каблуках, отчего выше Никиты. И я уверена, что ради него она не станет носить обувь вроде балеток или кроссовок.

Я снова смотрю на Свету и Алину, ловя себя на мысли, что мне интересно, о чем они будут говорить дальше.

— Он же вроде встречается с той рыжей из «В» класса, — в голосе Светы явно звучит отвращение, но Алина этого не слышит. А вот я — да.

— Они расстались три дня назад, — молниеносно отзывается Алина.

Света вздыхает и начинает рассматривать свои длинные ногти. Они у нее ухоженные и аккуратные. Я невольно смотрю на свои ногти. У меня они короткие, я их постоянно грызу и не забочусь. Это пустая трата времени.

— Все равно, — говорит Света. — Я с Горевым встречаться не буду. Он не мой уровень, — и ее губы расплываются в улыбке.

Я задумываюсь над ее словами. Что значит, не ее уровень? Она делит людей на уровни? И на каком же находится она? А на каком Никита?

— Ладно, это неважно, — спустя мгновение отмахивается Лазарева. — Я тут недавно такое платье видела...

И я понимаю, что больше не могу слушать их бесполезную болтовню. Я закатываю глаза, кладу голову на сложенные руки, и мой взгляд упирается в бледно-бежевую стену.

Проходит еще несколько минут.

Куда запропастилась Светлана Александровна?

Вторая глава

Глава вторая

Я всегда и точно знаю, что будет завтра... Только не в этот раз.

Все меняется утром в понедельник, на уроке литературы, когда в класс после двадцатиминутного отсутствия заходит Светлана Александровна. Когда я слышу, как со слабым, но достаточно противным скрипом открывается дверь, то оживленно поднимаю голову и смотрю в ее сторону. Учительница проходит вперед, поправляя левой рукой копну коротких светлых с темными корнями волос. А следом за ней в кабинет проскальзывает мальчик... парень моего возраста. Он чуть выше учительницы, у него коротко стриженные каштановые волосы, лица я его не вижу, так как он идет с низко опущенной головой. На нем обычные темные джинсы и синяя толстовка с белой надписью «Найк». На левом плече висит рюкзак. Невозможно не заметить еще одну деталь. Он хромот. Не сильно, но в глаза это сразу бросается.

В классе проносится гул вопросительных шепотков. Боковым зрением я вижу, как Егор впервые за все время от начала урока отрывает свой взгляд от [книги](#) и смотрит в упор на парня. Все до единого в этом кабинете заинтересованы, кто же он?

Светлана Александровна доходит до середины кабинета и встает к нам лицом. Она улыбается и широким жестом руки просит парня в толстовке подойти к ней. Он так и делает. Я по-прежнему не вижу его лица и впервые чувствую зависть к тем, кто сидит на первых партах. Им, должно быть, уже ясно, красивый он, или нет.

— Итак, класс, — обращается ко всем Светлана Александровна. — Это Ангел Самарский, и теперь он будет учиться с вами.

В кабинете виснет гробовая тишина. Даже кровь в моих жилах застывает.

Ангел Самарский.

Ангел?

Так его зовут? Серьезно? Что за имя такое?

Я вижу такое же удивление на лицах своих одноклассников. Когда шок немного отходит, они начинают переглядываться друг с другом и шептаться. Света и Алина передо мной смотрят друг на друга, и их глаза ясно выражают недоумение. Я понимаю, что мое лицо, должно быть, выглядит таким же, хотя не чувствую особого интереса оттого, что пришел очередной противный парень, который быстро впишется в атмосферу нашего мини-социума и станет придурком номер двадцать пять. В классе нас двадцать шесть, а теперь двадцать семь, но я не считала себя такой, как все, да и Егор в число идиотов не вписывается. Он такой же странный и со своими заморочками, как я.

Только спустя полминуты невероятной тишины я делаю вдох, и мне кажется, что это слышат все. Не знаю, почему, но я краснею. А затем мое сердце словно срывается с цепи и начинает громко и бешено биться о ребра. Я даже незаметно прижимаю руку к груди, желая как-нибудь приглушить его сильные удары. Но как будто это поможет...

Светлана Александровна видит наше напряжение и растеряно улыбается. Она делает полуоборот к Ангелу и кладет руку ему плечо. Он вздрагивает и поднимает голову. Теперь я вижу его лицо. Все видят. Я начинаю свое небольшое изучение со лба. Он у него высокий.

Затем опускаюсь к глазам. С предпоследней парты невозможно рассмотреть, как они цвета, но точно не светлые. А затем я вижу кое-что ужасное. Правда. Это грубый бледно-розовый шрам на левой щеке: он начинается от височной доли и заканчивается чуть ниже левого уголка губ.

Я не замечаю, как открываю рот в беззвучном возгласе. А затем до меня доходят тихие и громкие охи и ахи. Все видят шрам новенького, и всех это ввергает в ужас. Парень со странным именем медленно проводит взглядом по нам, своим новым одноклассникам, и улыбается. Я приглядываюсь и понимаю, что это вовсе не улыбка, а усмешка, и не приветливая и дружелюбная, а кривая и как бы издевательская.

Я немного щурю глаза и громко сглатываю. А он симпатичный... нет, он красивый, хотя в его внешности нет ничего выдающегося. Но он стопроцентно лучше всех взятых моих одноклассников. Если бы только не шрам, который портит его чистое лицо... И взгляд у него не озлобленный и самоуверенный, а простой и изучающий. Я стараюсь не прибегать к своим замашкам психолога, но этот Ангел явно не пытается выставить себя крутым. Хотя должен. Все должны, ведь каждый хочет показать, что он из себя стоит, даже если на самом деле не является таковым.

Когда я понимаю, что непозволительно долго смотрю на новичка, я быстро отвожу взгляд к учебнику и нервно выдыхаю. На меня наваливаются вопросы. Откуда у него шрам? Почему он хромает? С ним что-то случилось? Что-то серьезное?

Время, кажется, замедляется, или вообще останавливается.

Я вжимаюсь в стул и опускаю голову так низко, как только могу.

— Проходи за последнюю парту, — произносит Светлана Александровна. Должно быть, эти слова адресованы новичку.

Я не слышу ответа и борюсь с желанием поднять голову и пронаблюдать за ним. Я делаю пару глубоких вдохов и сосредотачиваюсь на открытой книге. «Слово о полку Игореве» — последнее, о чем мне сейчас хочется думать.

Я улавливаю слухом приближающиеся шаги, и до меня доходит, что единственная свободная парта, да еще и последняя, находится за нами с Егором. Этот новенький со странным именем будет сидеть совсем рядом. Ох...

Когда... Ангел (боже, какое глупое имя) проходит мимо нашей парты со стороны Егора, я все-таки открываю взгляд от учебника и смотрю на его толстовку. Новенький лениво идет к своему месту, а затем я слышу, как падает на стол его рюкзак, слышу звук открывающейся молнии.

Я закрываю глаза и вновь пытаюсь привлечь свое внимание к пожелтевшим страницам потрепанной книги. «Слово о полку Игореве». Мне нужно думать только об этом. Но я не могу не заметить, как все до последнего поворачивают свои головы в нашу... в сторону новичка и с откровенной наглостью смотрят на него. Какое бесстыдство.

Они начинают шептаться, и мне хочется зарядить учебником в спины Светы и Алины, потому что их комментарии мне слышны лучше всех. Но я не могу этого сделать, потому что: во-первых, это будет выглядеть глупо; во-вторых, после этого безумного, но, по моему мнению, правильного поступка я огребу массу проблем, которыми я и так сыта по горло; и, наконец, в-третьих, это просто не культурно. Я, может быть, и изгой, но уж точно не из тех, кто любит совершать физические нападки на других. Наверно...

Кто-то громко вздыхает, и через секунду я чувствую, как слабый ветерок ударяется мне в спину. Я мгновенно напрягаюсь, превращаюсь в пружину, и уставляюсь на темный затылок

Светы Лазаревой. К счастью, ее лучшая подруга до жути наблюдательная, и она замечает, с каким выражением лица я смотрю на Лазареву. Алина «незаметно» толкает в бедро подругу и едва заметно кивает острым подбородком на меня.

Мне надо отвернуться. Отвести взгляд. Спрятаться. Исчезнуть.

Я успеваю опустить голову до тех пор, когда Света поворачивается ко мне и смотрит на мою макушку. Я начинаю воспаляться от стыда до самых кончиков пальцев ног. В ушах звенит, сердце томительно колотится в груди, щеки горят, как после нескольких проведенных часов в бане.

Я вижу, как спустя несколько секунд Света и Алина отворачиваются от меня, и вздыхаю с облегчением.

— Даю вам пять минут на повторение отрывка из «Слова о полку Игореве», — громко заявляет Светлана Александровна.

Кто-то стонет, кто-то злобно шипит, а кто-то продолжает с интересом разглядывать новичка.

Кстати, о новичке.

Сразу после объявления учительницы кто-то тычет в мою спину ручкой. Это не может быть Егор, потому что он сидит рядом — это раз, и он бы никогда так не сделал — это два. Я молюсь, чтобы мне показалось, что в меня тычут ручкой, потому что я не хочу оборачиваться, не хочу разговаривать с новеньким. И для этого существует масса причин. Наверно, самая главная заключается в том, что этот... Ангел может оказаться таким же неприятным типом, как и все. Мало ли кто знает, что у него на уме. Может, он уже приготовил какую-нибудь жестокую шутку, и собирается...

— Эй, — слышу я шепот позади себя.

Я не отвечаю. Может, это не мне? Или вообще показалось?

Я вижу, как искоса смотрит на меня Егор. Значит, не показалось, и он тоже слышал.

— Эй, — доносится снова.

Я боюсь оборачиваться, но мое тело отзывается быстрее, чем разум, и вот я обнаруживаю, что мой подбородок прижат к правому плечу, и глаза смотрят на улыбающееся лицо со шрамом. Я понимаю, что не должна разглядывать длинный бледно-розовый рубец, но ничего не могу с собой поделать. Любопытство захлестывает меня, и мои глаза просто-напросто приклеены к левой щеке новичка.

— Не подскажешь, на какой странице находится отрывок, который вы должны были выучить? — вежливо спрашивает он меня.

Я, наконец, отрываю взгляд от его шрама и перевожу на большие глаза теплого коричневого оттенка. Я была права. Они у него не светлые. А какие длинные ресницы! Я много раз слышала, как девчонки говорили, что хотят такие ресницы, и специально наращивают их.

Я еще никогда и никому так долго не смотрела в глаза. Но новичок выглядит спокойным, словно нет ничего странного и ужасного в том, что я так откровенно разглядываю его. Я же не красивая! И лицо у меня всегда такое, словно я когда-то проглотила кирпич. И почему меня вообще заботит, какого мнения обо мне новенький? Мне должно быть все равно. На всех. И на этого паренька тоже.

— Что? — спрашиваю я, делая вид, что не расслышала его в первый раз.

Новичок щурит глаза и улыбается. Я громко сглатываю и приказываю себе вести себя нормально, ну, или хотя бы приблизительно к адекватному состоянию.

— Я говорю, не скажешь, на какой странице находится отрывок, который вам задали выучить наизусть, — весело повторяет он.

Я бросаю краткий взгляд на его парту и вижу старый учебник литературы.

Я немного хмурюсь и поднимаю взгляд.

— Тринадцатая страница, — отвечаю я и ужасаюсь, потому что мой голос звучит ужасно. Как будто я не говорила несколько дней. Хотя, это почти так и есть. Я мало разговариваю.

— Большое спасибо, — потягивая слова, благодарит Ангел, и я хмурюсь сильнее, гадая, издевается он, или говорит серьезно.

Должно быть, издевается. Да, точно. Издевается. Наверно, думает, что я слабоумная, или что-то в этом роде. Ну, даже если он пока так не считает, то в скором времени неизбежно изменит свое мнение. И в этом ему с радостью помогут мои замечательные одноклассники, которые в ярких красках объяснят, что я сумасшедшая и тихоня, чучело, уродина, немая... Уверена, они найдут слова.

— Все, время вышло, — говорит Светлана Александровна.

Я пользуюсь моментом и отворачиваюсь. Закрываю глаза, делаю глубокий вдох, избавляюсь от страхов, назойливых мыслей и непонятных сомнений, и встряхиваю головой. Нужно сосредоточиться на литературе. Только это имеет значение. Только это.

— Может, кто-нибудь хочет рассказать по желанию? — спрашивает учительница.

Все молчат. Так всегда. Светлана Александровна, сузив глаза, смотрит на нас и улыбается.

— Ладно, если желающих нет, то пойдем по списку, — говорит она и опускает взгляд к журналу. — Астафьев. Давай к доске.

Я усмехаюсь так тихо, чтобы никто не мог услышать. Астафьев Сережа никогда не выйдет к доске и на «отлично» расскажет отрывок из «Слова о полку Игореве». Он никогда не напишет хорошо сочинение, или решит задачку по геометрии, сложное уравнение по алгебре. Сережа ненавидит физику, химию, физкультуру и, возможно, все уроки.

Я перевожу взгляд на него. Астафьев вальяжно сидит на стуле, откинувшись на спинку, за третьей партой на первом ряду и с наглой ухмылкой смотрит на учительницу.

— Я не готов, — заявляет он, и это никого не удивляет.

Этот персонаж типичный двоечник. Удивляюсь, как он вообще умудрился доучиться до девятого класса. С такой успеваемостью ему место в школе для особо... непонятливых и отстающих. Сережа мог бы учиться хорошо, но он в седьмом классе попал в плохую компанию, и скатился до двоек, хотя до этого учился на тройки и даже четверки.

— Правда? — с наигранным удивлением произносит Светлана Александровна и с издевкой смотрит на Астафьева. — И что случилось на этот раз?

— У бабушки был день рождения, и я не успел подготовиться, — все еще усмехаясь, отвечает Сережа.

Его друг — Капкан, а иначе Колосов Антон — начинает смеяться.

Светлана Александровна приподнимает брови и вздыхает.

— День рождения шел целую неделю, да, Астафьев? — спрашивает она.

— Я выучу на следующий урок, — обещает Сережа.

— Мог бы придумать отговорку поинтересней, — Светлана Александровна качает головой и опускает голову к журналу. — Ставлю точку, — предупреждает она. — Но если ты не подготовишься, то будет двойка. Понял?

— Угу, — лениво отвечает Астафьев.

— На твоём месте я бы всерьёз задумалась об оценках, Сережа.

— Конечно.

Учительница хмурится и смотрит на класс.

— Арбатова, — произносит она.

Арбатова Камилла — кукла номер один в этом классе. И она тоже не готова. Это стопроцентно. Её мало заботят такие вещи, как подготовка домашнего задания по литературе. Гораздо важнее то, что она видит в отражении зеркала, когда смотрится в него.

Камилла перестаёт накручивать на палец локон темных волос.

— А я тоже не готова, — невинным голосом произносит она.

— Правда? Что, тоже бабушка отмечала день рождения? — иронизирует Светлана Александровна.

Я не могу сдержать довольной улыбки. Все же, я злорадная.

— Ну... — мямлит Камилла, но её перебивает учительница.

— Если не готова, так и скажи.

Я не вижу лица Камиллы, но могу представить, как она сейчас фирменно закатывает глаза.

— Я не готова, — бормочет Арбатова.

— И выплюнь жвачку, — говорит Светлана Александровна.

Камилла встает и модельной походкой направляется к урне. Большинство мальчиков смотрят ей вслед. Конечно, она стройная и высокая. Даже Егор поднимает глаза и достаивает её своим вниманием. Ха-ха. Наверно, я единственный человек в этом классе, кого совершенно не заботит фигура Арбатовой. Мне даже жаль её, потому что у неё есть только внешность, а вот мозгов она лишена. Должно быть, тяжело быть пустоголовой.

— Вишневская, — произносит учительница, и я замираю.

Она только что назвала мою фамилию. Вот черт. Я вижу, что Егор смотрит на меня, и Светлана Александровна, и ещё несколько человек. И я краснею. Я всегда краснею, когда на меня смотрят. Глупо, но неисправимо, к сожалению.

Я знаю, что готова. Я учила этот отрывок два вечера подряд. Но сейчас все слова вылетают из моей головы, и та остается пустой. Я все забываю. Я теряюсь. Не могу пошевелиться и сделать вдох. Волна паники окутывает меня, и я начинаю бесследно тонуть в ней.

У меня много проблем. Одна из них заключается в том, что если я теряюсь, то не могу собраться. Ну, а если могу, то делаю это очень долго.

— Ты готова? — спрашивает у меня Светлана Александровна.

Я открываю рот, чтобы ответить, но тут звенит звонок. О, этот спасительный звонок. Как никогда вовремя.

Все начинают собираться и покидать свои места. Когда учительница отворачивается и говорит классу, что будет спрашивать отрывок из «Слова о полку Игореве» на следующий урок, я закрываю глаза и накрываю ладонью лоб.

Я такое ничтожество.

Все, чего я хочу, это убежать как можно дальше отсюда и больше никогда не

возвращаться. Но у меня еще три урока. И я просто обязана отсидеть их, чтобы не навлечь на себя гнев учителей и родителей. Они вспоминают о моем существовании только тогда, когда я делаю что-то плохое. А так... их словно не существует в моей жизни.

Сейчас химия. И я терпеть не могу этот предмет. Мои тетради по геометрии, алгебре, физике и химии, в том числе, по большей части служат альбомами, где я оттачиваю свой навык художника. Неплохо, кстати, получается. Что ж, долгие годы тренировок.

Я и химия — понятия не совместимые. Как я и алгебра. Я и геометрия. Я и физика. Я и физкультура. У меня гуманитарный склад ума. Лучше всего мне дается русский язык, английский, литература, биология, история и обществознание. Последние два несложные предметы. Ну, а искусство вообще легкий предмет. Все, что требуется там, это хоть как-то уметь рисовать. И все. Да плюс к этому искусство преподает молодая девушка, которую все любят доводить до истерики, и сама она легко поддается провокациям. Ей не хватает выдержки и железных нервов. Но я думаю, потом она станет такой же суровой и злой, как все учителя. Кроме Светланы Александровны. Светлана Александровна хороша учительница. Она абсолютно не похожа на остальных. И она единственная, к кому я испытываю уважение в этой школе.

На химии меня вызывают к доске, и я готова провалиться сквозь землю, лишь бы не идти. Как и всегда, меня сопровождают колкие комментарии и слова, типа, что я дура и тупица. Что ж, я не могу не согласиться с ними, потому что я действительно не понимаю химию.

Я битый час стою у доски и смотрю то на уравнение, то в учебник. Ума у меня не прибавится, если Маргарита Степановна будет кричать на меня, и если одноклассники будут смеяться и издеваться. Я все равно не пойму.

— Позор! — пыхтит химичка. — Как можно не знать валентность кислорода!

— Я забыла, — тихо произношу я. Нет. На самом деле, я не знаю, какова валентность кислорода. Я не знаю, потому что мне это не интересно. Я не знаю этого, потому что в будущем мне вряд ли понадобится валентность кислорода. Я вообще не знаю, что ждет меня в будущем...

— Расставь коэффициенты, — говорит Маргарита Степановка и кладет руки на бока.

Я вижу, как она отворачивается к классу и качает головой, что-то бормоча себе под нос. Я ненавижу химичку, потому что она злая, потому что она никогда не задумывалась над тем, что, может быть, дело не во мне, а в ней, что это она так плохо преподает свой предмет, что я не понимаю этого. Ну, или, может быть, она просто не может понять, что я не предрасположена к этому предмету. Ведь не всем суждено быть химиками!

— Я не знаю, — вздыхаю я и закрываю учебник.

— Неудивительно, — ядовито фыркает Маргарита Степановна и начинает сверлить меня раздраженным взглядом. — Поставить бы тебе единицу! Но ладно, два. Садись.

Я швыряю мелок на учительский стол и иду к своему месту, стараясь не обращать внимания на взгляды одноклассников. Я смотрю вперед, мой взгляд упирается в светлую стену, и боковым зрением я замечаю, что на меня смотрит новенький. Я машинально перевожу взор на него. Он не улыбается и не смеется, как все остальные. Он просто смотрит на меня, и мне даже кажется, что я вижу сочувствие в его глазах и... понимание. С чего бы вдруг?

Я не замечаю на своем пути чей-то рюкзак и спотыкаюсь об него. Я лечу вперед. Время замедляет свой ход, и это позволяет мне успеть ухватиться за край парты, за которой сидят

Света и Алина. Я висну на ней и секунду спустя слышу взрыв хохота.

— Смотри, куда прешь, чучело! — возникает знакомый голос. Миша Галанов.

Я не собираюсь извиняться, потому что ненавижу его, как и всех их.

Я выпрямляюсь и стараюсь не поднимать взгляд. На глаза наворачиваются непрошеные слезы, но я не буду плакать. Только не здесь. Только не на глазах у тех, кто больше всего желает увидеть меня заплаканную, чтобы начать издеваться еще больше.

— Теперь придется покупать новый рюкзак, потому что этот ты замарала своей заразной ногой! — ворчит Миша.

Заразной? Ох, я не слишком-то удивлена, потому что обо мне говорят всякое.

Я поджимаю губы и спешу к своему месту. Я стараюсь не смотреть по сторонам. Обхожу последнюю парту своего ряда, где сидит новичок, останавливаюсь у своего стула и падаю на него. Во мне пульсирует злость и обида, но я стараюсь вернуть невозмутимость своему лицу. В этом мне нет равных. Я хорошо, почти мастерски, умею скрывать свои эмоции, или вообще отключать их. Так проще.

Остаток урока проходит в напряжении. Для меня, во всяком случае. Как только звенит звонок, я принципиально не записываю домашнее задание и срываюсь с места, первой покидая кабинет.

Сейчас у нас обед, но я решаю пропустить его и иду в библиотеку. Там мне будет спокойно.

На геометрии, последнем уроке, я узнаю, что получила тройку за проверочную работу. Ладно, хоть не двойка. Последние минуты, продолжительность которых кажется мне равной часам, я сижу, как на иголках. Я жду, когда, наконец, прозвенит звонок, и я покину это место. Я уйду от этих лиц, голосов, которые раздражают до тошноты. Я уйду и не услышу до завтрашнего утра глупые шутки, над которыми, как по мне, просто невозможно смеяться.

И все-таки, как же сильно я отличаюсь от них.

Я дожидаюсь своего спасения и чуть ли не вылетаю из класса. Я бегу к выходу из школы, я бегу от неприятностей, с которыми мне пришлось столкнуться сегодня. Этот день такой длинный. Я покидаю пределы школы и несусь домой. Я знаю, что сделаю, когда приду. Знаю, куда пойду дальше. Я знаю, что скоро смогу освободить себя от всех тягостей. Я так жду этого.

Я чувствую, как во мне начинает бурлить отголосок радости, когда я закрываю за собой входную дверь. Я снимаю кроссовки, прохожу через узкую прихожую, заглядываю в крохотную гостиную, обставленную недавно купленной мебелью. Летом родители решились на ремонт, и теперь все в нашей квартире изменилось. Кроме моей комнаты. Я сразу предупредила, что не дам менять свое убежище. А комната была для меня именно местом, где я могу прятаться, когда у меня нет возможности выбраться туда, где мне действительно становится легче.

Я захожу на кухню, включаю чайник, достаю масло и остатки батона. Затем иду к себе в комнату, бросаю там рюкзак и переодеваюсь в джинсы, футболку и черную толстовку на замке. Затем следую на балкон и вытаскиваю оттуда скоростной велосипед «Форвард». Поднимаю его (он не такой уж и тяжелый) и несусь в прихожую. Затем возвращаюсь на кухню, делаю бутерброды и быстро съедаю их.

Уроки я всегда делаю вечером, а остаток дня у меня всегда занят ничего-не-деланием.

Я снова надеваю кроссовки, выкатываю велосипед на лестничную площадку и закрываю квартиру. Я живу на шестом этаже, и хорошо, что есть просторный лифт, иначе бы я в один прекрасный день загубила себе спину, спуская и поднимая семнадцатикилограммовый «Форвард».

Когда я оказываюсь на улице, мне в лицо дует приятный прохладный ветерок. Я сажусь на велосипед, поправляю волосы и еду.

Санкт-Петербург — город прекрасных мест. И я была во многих из них. Но моим любимым является небольшой участок берега на озере Лахтинский Разлив. Оно находится в получасе езды на велосипеде от моего дома. Я бываю там каждый день. В этом крохотном по сравнению со всем огромным, но пустым миром месте во мне пробуждается призрачная возможность видеть краски. Это мой плот, блуждающий по темным волнам бескрайнего океана-жизни. Это место — моя цитадель спокойствия. Только там я чувствую себя в безопасности.

Я еду мимо домов, по тротуару, и наслаждаюсь прохладой. Солнца нет, и это хорошо. Жара сейчас некстати. То, что я люблю проводить время в тишине, на природе, еще раз подтверждает то, что я «не от мира сего». Так думает моя мама. Она часто выражает свое недовольство относительно того, что я постоянно где-то пропадаю. Ей не нравится, что я не такая, как все. Ей не нравится, что у меня нет друзей. Она хочет, чтобы я была такой же пустоголовой, как и мои одноклассницы. Мама не понимает меня. Как и папа. Они будто чужие люди мне.

На самом деле, в том, чтобы быть одиночкой, нет ничего плохого. Никто не может причинить мне реальную боль, потому что у меня нет даже фальшивых друзей. Никто настоящему не обидит меня, какие бы обидные слова мне ни адресуют, кроме родителей. К сожалению, от них я не могу себя оградить, хотя стараюсь добиться этого. Они причиняют мне боль. Своим непониманием, своим невниманием, своими словами и действиями. Но они не замечают этого. Перед ними я действительно уязвима. И это ужасно.

За своими мыслями я не замечаю, что подъезжаю к озеру. Я сворачиваю на узкую тропинку и еду до конца. Затем слезаю с велосипеда и иду в сторону деревьев по траве. Это единственный способ добраться туда, куда ни один нормальный человек не сунется. Кроме меня, конечно же.

Я иду несколько минут и вскоре выхожу на открытый участок, покрытый сочно-зеленой травой и обрамленный высокими деревьями. В центре полянки находится большой валун в форме невеликого холма. А еще отсюда открывается потрясающий вид на озеро.

Вот оно — мое маленькое райское местечко.

Я нашла мою цитадель три года назад и с тех пор бываю здесь почти каждый день. Особенно красиво здесь летом и по вечерам, когда сумерки опускаются на озеро, и все замирает, готовится ко сну. К сожалению, я не знаю, как это место выглядит ночью и на рассвете. Уверена, что так же потрясающе, как и днем.

Я оставляю велосипед и иду к воде. Она холодная, когда я окунаю в нее пальцы. Вытащив их и встряхнув кистями, я отдаляюсь от воды и иду к валуну. Сажусь и прислоняюсь к нему спиной, откидываю голову и наблюдаю, как вдали хмурое небо сливается с тонкой полосой верхушек деревьев и темной водной гладью.

Тишина. Приятная. Спокойная. Она не давит, а освобождает. Мне хорошо. Здесь я чувствую умиротворение. Здесь я могу думать обо всем на свете и быть уверенной в том, что

меня никто не потревожит. Это только мое место.

Я вспоминаю все, что произошло сегодня в школе, и останавливаю ход своих мыслей на новеньком.

Ангел.

Я фыркаю над своими мыслями. Хорошо, что меня никто не видит, а то подумали бы, что я сумасшедшая. Хотя, я почти на девяносто девять и девять десятых процента уверена, что меня и так считают малость свихнувшейся. Что ж, в любом случае, мне плевать на это.

Итак, Ангел.

Для начала мне стоит для себя уяснить, что мои родители не такие уж и странные, раз решили назвать меня Августой. До этого момента я считала, что странно, что меня назвали в честь летнего месяца. Но сейчас пальму первенства по странностям берут на себя родители моего нового одноклассника, которые решили назвать его Ангелом... Если бы я «удостоилась чести» носить подобное имя, то точно бы не покидала пределы своей комнаты. Никогда.

За весь учебный день новенький не заговорил ни с одним человеком из нашего класса, что крайне удивительно. А еще я думаю о том, откуда взяла шрам на его лице. Почему же он хромает? Избили? Упал?.. Варианты крутятся в моей голове, но все это лишь догадки. Откуда взялся этот Ангел со своим пронизывающим взглядом, вежливой улыбкой и симпатичным лицом? И почему меня вообще это заботит?

Я издаю усталый вздох и закрываю глаза. Полная релаксация. Попадая сюда, я абстрагируюсь и погружаюсь в состояние, очень близкое к трансу, но это не транс. Я думаю, это просто отдых. Здесь отдыхает как мое тело, так и мозг. Здесь нет ограничений и запретов. Здесь никто не тыкает в меня пальцами, не смеется надо мной и не говорит гадкие слова. Этому месту, в отличие от остальных, все равно, что я за человек, и какое место занимаю в обществе.

Когда я собираюсь возвращаться домой, начинается сильный дождь. К тому времени, как я выбираюсь на главную дорогу, вся моя одежда промокает. Я сажусь на велосипед и неторопливо еду в обратном направлении.

Ливень не прекращается до тех пор, пока я не подъезжаю к дому. Как назло, когда я оказываюсь в подъезде, тучи рассеиваются, и появляется радуга, но солнца так и нет. Я знаю, что родители, увидев меня в таком... мокром состоянии, начнут кричать. Точнее мама. А еще она заворчит, что от моего велосипеда постоянно остается много грязи. А папе будет все равно.

Я открываю дверь своим ключом и уже из прихожей слышу, как родители о чем-то спорят. Я стараюсь не вдаваться в подробности, потому что всех их разговоры сходятся к одному, к работе. Я снимаю тяжелую из-за сырости обувь и иду в ванную. Там беру тряпку и выхожу из квартиры. Мою колеса у велосипеда и захожу уже с ним обратно. Качу его через гостиную к балкону, а родители все продолжают спорить. Они даже не замечают меня. Когда я направляюсь к своей комнате, мама все же обращает внимание на мой внешний вид.

— Ты что, с ума сошла? — ужасается она. — Ты каталась под дождем? Совсем не думаешь?!

Я ничего ей не говорю. Пусть покричит.

— Хочешь заболеть? — мама у меня много злится, хотя внешне она красивая, с длинными светлыми волосами, голубыми глазами и стройной фигурой. Но красивые люди, как я понимаю, часто бывают злыми. — Только попробуй, в школу все равно ходить будешь!

Я киваю и иду в свою комнату, а они с папой возвращаются к спору.

Третья глава

Глава третья

Утро вторника такое же, как утро понедельника... как утро любого дня. Оно ужасное и никем нелюбимое. Прямо как я.

Я так же встаю с мыслью об убийстве будильника, затем одеваюсь и иду в ванную, а когда выхожу оттуда, то слышу в квартире тишину. В холодильнике так же нет еды, и я делаю себе бутерброды, только на этот вместо батона черный хлеб, и к маслу добавляю клубничное варенье.

И я иду в школу десять минут.

Первый урок физкультура. У меня от нее пожизненное освобождение из-за порока сердца. Доктор говорит, что мне нужно заниматься лечебной физкультурой и соблюдать специальную диету, но ни того ни другого я не делаю. Порок сердца — это классно и ужасно одновременно. Классно потому, что если бы я ходила на физкультуру, то точно бы не отличалась за особые успехи по этому предмету. А ужас в том, что иногда у меня бывают сильные сердечные боли. Я могу проснуться ночью, и иногда боли вызывают у меня слезы.

Я захожу в школу и сразу иду в спортзал, не заходя по пути в раздевалку. Там мне делать нечего. Урок должен начаться уже через минуту. Я здороваюсь с учителем физкультуры — Борисом Владимировичем — и сажусь в самый конец зала на скамейку. Чтобы не было скучно, достаю телефон и наушники (сегодня я их взять не забыла) и включаю музыку. Когда знакомые аккорды заполняют собой все пространство, и я перестаю слышать смешивающиеся в один неясный гул голоса одноклассников, все становится проще.

В спортзал заходят последние ученики, и Борис Владимирович встает перед ними, начиная что-то говорить. Когда одноклассники начинают бегать по спортзалу, я вижу новенького и все свое внимание переключаю на него. Я перестаю слышать музыку в наушниках и наблюдаю, как Ангел (все-таки нелепо произносить его имя, хоть и в мыслях) идет к учителю физкультуры. Он что-то протягивает Борису Владимировичу, а затем они начинают говорить о чем-то. На нем школьная форма: черные брюки и темно-красная рубашка, рукава которой собраны гармошкой на локтевых сгибах. Я выключаю музыку, но все равно не могу ничего услышать. Когда небольшая беседа новенького и физрука заканчивается, Ангел поворачивает голову в мою сторону и... улыбается. Да-да. Он улыбается. Мне.

Я представляю, как со стороны выглядит мое лицо, и тут же отворачиваюсь. Жар подступает к щекам, и я начинаю нервно тереть горлышко своего черного свитера. Еще одна причина, по которой мне нравится черный цвет — он стройнит.

Я старательно разглядываю рисунок скорпиона на своем рюкзаке, всем своим видом стараясь не показывать, что волнуюсь. А отчего, сама не понимаю. Я снимаю песню с паузы и пытаюсь раствориться в словах и мелодии. Моя голова опущено так низко, что подбородок касается груди. Так сидеть намного лучше и приятнее. Я не вижу мир, он не видит меня, и все прекрасно.

Как только мне удастся немного успокоиться, я чувствую, как кто-то садится рядом.

Никто и никогда добровольно не подсядет ко мне. Потому что я изгой. Потому что я

чудовище для всех, и чуть ли не каждому в этой школе хорошо известно, что я чокнутая, сбрендившая, сумасшедшая...

Я застываю. Мои пальцы правой руки впиваются в собачку молнии, которую я тереблю уже минуту. Я перестаю дышать, и, кажется, даже сердце останавливается на мгновение. Планета перестает вращаться. Мир переворачивается, и я оказываюсь в какой-то параллельной вселенной, в другой реальности, где ко мне может кто-то спокойно подсесть и заговорить, где я нормальная для всех.

Я боюсь поднять голову и посмотреть, кто сидит сейчас рядом. Я боюсь понять, что это очередной прикол моих одноклассников. Я боюсь снова потерпеть крах и опозориться перед всеми. Я боюсь всего этого, хотя могу дать отпор. Я уже делала это, но ничем хорошим мои «выходки» не заканчивались. Никогда.

Когда я вижу перед собой чью-то мелькающую ладонь, то вздрагиваю. Моя голова непроизвольно поднимается, и я не могу остановить себя. Я смотрю налево и вижу улыбающееся лицо новенького. Я вижу его шрам. Вблизи он еще больше и сильнее бросается в глаза.

Губы Ангела движутся, он что-то говорит мне. Но я не слышу его, так как в наушниках долбит музыка, и я совершенно растеряна и обескуражена происходящим, поэтому не могу додуматься до того, что ее нужно выключить.

Что этому новенькому нужно от меня? Все-таки решил поиздеваться? Но его улыбка выглядит дружелюбной, да и глаза вроде не искрят желанием напакостить мне или как-то обидеть. Если все это точно мне не видится, не является плодом моего расстроенного и взывавшегося воображения, тогда... тогда я ничего не понимаю.

Я, не сводя глаз с Ангела, ставлю музыку на паузу, и в ушах начинает звенеть.

— Ты слышишь меня? — обращается ко мне новенький.

— Я... угму, — мямлю я и мгновенно вспыхиваю.

Да что за чертовщина творится!

Я резким движением выдергиваю из ушей наушники и растерянно смотрю на Ангела.

— Хорошо, — улыбается он. — А-то я думал, что не смогу достучаться до тебя.

И он смеется. Легко, воздушно. И я снова не слышу ни намека на то, что он делает это специально, что все подстроено. Мне хочется прямо спросить у него, зачем он подсел ко мне, зачем заговорил, но я сдерживаю себя, понимая, что это будет грубо с моей стороны. Пока, на самом деле, рано делать выводы о новеньком. Ведь он еще ничего плохого мне не сделал. И что странно, мне хочется, чтобы он и в будущем не стал издеваться надо мной. Не то, что бы я хочу видеть в его лице своего друга. О друзьях не может быть и речи! У меня никогда их не было и никогда не будет. Это мой крест — всю жизнь быть одной. Такова расплата за то, кто я есть.

— Не занимаешься? — обыденным голосом спрашивает Ангел.

Я удивленно открываю рот, мои глаза округляются, и я кратко смотрю в сторону своих одноклассников, которые продолжают наматывать круги по спортзалу. Затем я снова поворачиваюсь к новенькому и хмурюсь. Он все-таки серьезно? Он хоть сам понимает, как себя подставляет, сейчас сидя и разговаривая здесь, со мной, перед всеми?! Он либо глупец, либо...

— Э-э-эй! — протягивает новенький и снова машет рукой, привлекая к себе мое внимание. — И все-таки я склоняюсь к той мысли, что ты летаешь в облаках, — он произносит это не грубо, а мягко. Эта шутка не обижает меня, а наоборот, производит

противоположный эффект. Я чувствую странное тепло и покалывание в груди.

— Я здесь, — хрипло произношу я и ужасаюсь тому, как звучит мой голос.

О, это просто кошмар.

Я разучилась разговаривать с кем-то, кроме своих родителей. И сейчас новенький ставит меня в затруднительное положение. Ему что, за весь вчерашний день так и не стало ясно, кем я являюсь?

— Так ты не ходишь на физкультуру? — спрашивает Ангел.

Я прямо смотрю на него, думая о своем. Другой бы на его место давно решил, что я слабоумная, но новенький продолжает терпеливо ждать от меня ответа.

— Нет, — в итоге решаюсь и отвечаю я. — А ты? — это идиотский вопрос. Раз он сейчас говорит со мной и не бежит с остальными, это значит, что он тоже освобожден. Интересно, по какой причине? Сейчас у меня есть шанс узнать об этом.

— Тоже, — отзывается Ангел и смотрит в сторону учителя, вокруг которого толпятся наши одноклассники. — Я скучаю по движению.

— Что? — произношу я.

Ангел вздыхает и, повернувшись ко мне, улыбается.

— Я говорю, что скучаю по движению, — повторяет он громче.

Но я прекрасно слышу его. Я не могу понять, почему он говорит мне это. Почему так общается со мной. Почему так добр. Я привыкла от всех ждать какого-то подвоха, потому что люди обязательно выкидывают всякие недобрые фокусы в мой адрес. Так что же мешает и новенькому так поступить со мной?

Я молчу и ничего не говорю в ответ.

«Из меня никудышный собеседник, так что лучше тебе бежать, пока не поздно» думаю я про себя и, естественно, не произношу этого вслух.

И только после всех этих мыслей я думаю, почему он сказал об этом? О том, что скучает по движению. Значит, раньше он занимался спортом. А сейчас ему, получается, вообще нельзя совершать серьезных физических нагрузок.

Несколько минут мы сидим и наблюдаем за остальными. Я постоянно ерзаю на месте, поправляю свою водолазку и волосы. А новичок кажется спокойным. Он лишь изредка поглядывает на меня и улыбается, а я сижу и теряюсь в догадках, почему он это делает. Ну, улыбается, я имею в виду. Я за всю свою жизнь столько не улыбалась. Я вообще забыла, как это правильно делается, но еще умею различать виды улыбок.

— Ты здесь учишься с первого класса? — интересуется Ангел.

Я выныриваю из омута раздумий и смотрю на него.

— Да, — отвечаю я.

Он вздыхает.

— Что-то не похоже, что ты в теплых отношениях со своими одноклассниками.

А этот новенький очень наблюдательный. А если он еще и умный, то должен понимать, что со мной не стоит общаться.

— Да, — снова говорю я.

— Почему?

Я щурю глаза, пытаюсь разобраться, почему его это интересует. Вежливость? Любопытство? Или вежливое любопытство? Попытка поддержать разговор?

— У нас... разные взгляды на мир, — неуверенно произношу я, гадая, поймет ли меня новенький, или нет.

Но он кивает, и этот жест я воспринимаю, как согласие.

— Это ужасно, — говорит он.

— Что? — спрашиваю я.

— То, что они так относятся к тебе, — Ангел заглядывает мне в глаза, и я всего лишь на секунду забываю, где нахожусь, и что моя жизнь — это вселенская ошибка. Цвет его глаз ассоциируется у меня с теплом, и я не знаю, почему.

Я не верю... не хочу верить в то, что новенький действительно это говорит. Может быть, он такой, как я? Такой же изгой? Но по нему не скажешь. Он симпатичный, веселый, добрый и... он просто не может быть на меня похожим. Мы разные. Определенно, так все и есть.

Я отворачиваюсь от него, делаю резкий вдох и на несколько секунд задерживаю воздух в легких, а затем медленно выдыхаю его и снова замираю. Я такая странная, а Ангел кажется приземленным. Он может вписаться в наш класс, а мне дорога туда уже давно закрыта.

Мы больше не говорим, чему я рада.

Я ухожу из спортзала за несколько минут до конца урока. Я бегу в библиотеку, но та закрыта. Я интересуюсь в учительской, будет ли она открыта сегодня, и мне говорят, что нет. И завтра тоже. И послезавтра. Библиотекарша уехала на какой-то семинар. А это значит, что на целых три дня я остаюсь без своего убежища. И что мне теперь делать?

В конце учебного дня я последняя из нашего класса покидаю школу. Когда я подхожу к воротам, то вижу Ангела. Он стоит у дороги и, по всей вероятности, кого-то ждет.

Новенький ни разу не подошел ко мне после физкультуры. На перемене между третьим и четвертым уроком я видела, как он разговаривал с Капканом, Никитой Горевым и еще несколькими ребятами, в числе которых был Астафьев и Миша Галанов. Они даже смеялись. Значит, Ангел уже в их команде, и он больше не подойдет ко мне. Никогда. Что ж, наверно, это к лучшему. Если лучше не для меня, то для него стопроцентно. Ведь никому не хочется быть изгоем.

Я поправляю рюкзак и иду в сторону Ангела, потому что путь домой лежит через то место, где он сейчас стоит. Но прежде чем я успеваю дойти до него, я вижу, как к нему подъезжает большая белая машина. Сразу видно, иномарка. По-моему, это Тойота.

Я наблюдаю за тем, как Ангел подходит к автомобилю и открывает дверцу с пассажирской стороны. Он садится в машину, и та тут же отъезжает. Я провожаю Тойоту взглядом до тех пор, пока она не скрывается за ближайшим углом. Затем я перехожу дорогу и, укутавшись в вихрь мыслей, слепо бреду к дому.

Все продолжает идти не так, как я предсказываю, хотя обычно интуиция меня не подводит, и я точно знаю, что будет завтра.

Моя система дает сбой, и я боюсь, что, в конце концов, потеряю над ней всякий контроль.

Перед историей я, как обычно, сижу, уткнувшись лицом в учебник, и делаю вид, что поглощена повторением домашнего параграфа. Егор сидит рядом и делает то же самое. В

классе нет привычного хаоса, что немного странно. Все разбредаются на маленькие группки и разговаривают о своем. К сожалению, помимо «чтения» истории мне приходится слушать очередную бессмысленную болтовню Светы и Алины. Они собирают на язык все, что только может прийти им на ум. Какой цвет лака лучше: красный, или перламутровый. Свете больше нравится красный, а Алине перламутровый. Затем они начинают говорить о колготках, о туфлях, платьях, косметики... и дальше я теряю цепь повествования.

Признаюсь, иногда у меня возникают мысли о том, что я завидую им. Но это очень редкие явления.

На следующем уроке, географии, учительница дает нам задание, которое мы должны выполнить в парах. Поскольку новенький Ангел единственный, кто сидит один, он работает так же в одиночестве. Но это для него не проблема. Он один из первых выполняет задание и получает следующее, в то время как все остальные мучаются с первым. Я не очень люблю географию, поэтому не разбираюсь в ней так, как того требует Наталья Алексеевна. А вот Егор знает абсолютно все. Я удивляюсь, как в его голове может помещаться СТОЛЬКО информации!

Я и Егор разговариваем, но только по делу. И все. Когда задание готово, мы снова молчим.

После географии идет алгебра. О, ненавистные мне точные науки.

Надежда Павловна объясняет классу новую тему, и я с трудом понимаю, о чем она говорит. Когда уже нет смысла слушать ее дальше, я начинаю рисовать в конце тетради.

Когда учительница выходит из кабинета, все начинают галдеть и разговаривать. Громче всех разговаривает Миша Галанов. Можно сказать, он главный задира в этом классе. Он многих презирает, а его «любимчиком» являюсь я. В этом классе, по крайней мере. А ведь кто бы мог подумать, что он станет таким. Помню, в шестом классе Никита Горев, Астафьев и Антон Колосов (Капкан) издевались над ним, а сейчас они чуть ли не лучшие друзья.

Миша, пользуясь отсутствием Надежды Павловны, начинает докапываться до Наташи Марковой. Она носит очки и все время заплетает забавные косички. Но она не изгой. Наташа дружит со Светой, и Алиной, и даже Камиллой. Но Камилла не дружит с ней, и ни с кем вообще. Она только использует.

Я наблюдаю, как Наташа визжит, когда Миша дергает ее за темные косы. Прямо как пятилетний ребенок. И развитие, кстати, у него тоже как у пятилетнего.

— Чтобы стать безупречным членом стада овец, нужно в первую очередь быть овцой... — бормочет Егор и едва заметно качает головой, словно разочарован в чем-то.

Я перевожу на него вопросительный взгляд, и с моих уст машинально слетают слова:

— Что говоришь?

Он слабо вздрагивает и резко поворачивает голову в мою сторону. Мое сердце начинает ускоряться, и я тяжело дышу. Вот идиотка. Конечно же, он говорил это не мне.

— Я? Да ничего, — Егор растерянно отмахивается рукой и поправляет указательным пальцем очки, а затем проводит небрежно рукой по черным волосам, и после этого движения несколько прядей спадает ему на лоб.

Я вяло киваю сама себе и возвращаю взгляд к незаконченному рисунку в тетради.

— Эйнштейн? — слышим мы с Егором позади хриловатый голос новенького.

Я снова поднимаю голову. На секунду я и Егор замираем, глупо переглядываясь друг с другом. На лице моего соседа по парте читается искреннее удивление, а я, скорее, нахожусь в замешательстве, потому что новенький с последней парты что-то сказал. А затем мы с

Егором одновременно обращиваемся. Ангел сидит, навалившись на сложенные руки перед собой, и с легкой улыбкой смотрит на Егора.

— Эээ, да, — неуверенно произносит Егор. — Как ты узнал?

Ангел улыбается шире и ухмыляется, но по-доброму.

— Похоже, я наконец-таки нашел единомышленника, — говорит он.

Егор вопросительно хмурит брови. Я сижу, смотрю то на одного, то на другого, и понимаю, что я нежеланный свидетель их зарождающегося диалога, но ничего не могу поделать со своим любопытством.

— Нечасто встретишь людей, которые цитируют Альберта, — снова усмехается Ангел.

Альберт... Эйнштейн, похоже. Но из его уст это имя звучит так непринужденно и обыденно, что можно подумать, будто он говорит о своем давнем друге.

Мой взгляд перемещается к Егору. Я вижу, как его лицо расслабляется, но удивление не покидает серых глаз.

— Да-а, — на выдохе тянет Егор и робко улыбается.

И вот сейчас я осознаю, что должна отвернуться.

Вечером у меня поднимается температура, а ночью я просыпаюсь от жуткой боли в горле. Я больше не могу спать и просто лежу, жду утра. Когда оно наступает, я вынуждена жаловаться маме на то, что заболела. Конечно, я не ожидаю от нее понимания и сочувствия. Все, что я слышу, это обвинения. Я говорю, что у меня температура (и она у меня реально есть, я не любительница претворяться больной), и мама вздыхает и говорит, чтобы я шла в больницу.

Я попадаю на прием только ближе к обеду. Горло болит просто жуть как!

Я ухожу из больницы с диагнозом ангина и застреваю дома на целых две недели.

Четвертая глава

Глава четвертая

Честно, эти дни, что я провела дома на больничном, потрясающи.

Я посещаю свой участок вечером в четверг, и врач выписывает меня. Завтра в школу.

Я не знаю, что там происходит сейчас. Но я много думаю о новеньком, о том, с кем он общается, и будет ли издеваться, как остальные, когда я приду завтра на занятия. Мне хочется надеяться, что нет. Этот парень со странным именем хороший... ну, мне так кажется. У меня было время, чтобы подумать об этом. Возможно, Ангел на самом деле не будет таким, как все мои одноклассники?

Утро пятницы кажется мне особенно противным. Может быть, это потому, что две недели внеплановых каникул с ангиной я спала почти до обеда. Но в том, что я на больничном, был один огромный минус. Я не могла выбраться из дома. Никуда. А под «никуда» я подразумеваю свое райское местечко на озере. Но ничего, сегодня после школы я планирую наведаться туда.

Меня не замечают, когда я заявляюсь в кабинет. Но это к лучшему. Пусть я буду для всех пустым местом, перестану существовать, чем потерплю еще одну жестокую шутку в свой адрес.

Сейчас должен быть русский язык. Я делаю краткий вдох и прохожу в класс, подхожу к учительскому столу и достаю справку из больницы. И когда собираюсь идти к своему месту, наблюдаю сенсационную и совершенно неожиданную для меня картину.

Егор разговаривает с Ангелом. Нет, они не просто разговаривают, а болтают так, будто являются друг другу хорошими друзьями. И Егор смеется и улыбается. Признаюсь, я впервые вижу, что мой тихий сосед по парте так откровенно веселится. Если он и улыбается, то только учителям, да и то так, словно делает одолжение, но он не высокомерный.

Я стою, как вкопанная, у учительского стола и не могу отвести взгляд.

— Здравствуй, Августа! — я подпрыгиваю на месте, когда слышу голос Светланы Александровны. — Выздоровела?

Я с трудом отрываю взгляд от Егора и новенького, который уже не является новеньким, и смотрю на учительницу.

— Здр...здравствуйте, — говорю я. — Да.

— Хорошо, — Светлана Александровна улыбается мне и садится на стул. Она берет в руки мою справку, и звенит звонок на урок.

Я заставляю себя идти к своему месту.

Когда я останавливаюсь у парты, за которой сижу, Егор отворачивается от Ангела и перестает улыбаться. Он слабо кивает мне в знак приветствия и достает из рюкзака учебник русского языка, тетрадь и синий пенал. Я не киваю ему в ответ, потому что получаю очередную порцию удивления.

— Привет, — бодро приветствует меня Ангел.

Сегодня что, день удиви-меня-как-сможешь?

— Ага, — бурчу я и плюхаюсь на стул.

Что происходит?

Егор общается с Ангелом. И наоборот. Что я пропустила? Когда они успели стать приятелями, или что-то вроде этого? Новенький... Ангел понимает, на что подписывает себя, так беззаботно болтая с Егором и приветствуя меня? Он понимает, что попадает под прицел местных хищников, и его не оставят в покое?

Уверена, дело в том, что Ангел просто еще не разобрался во всем. Пройдет какое-то время, и он все равно выберет сторону сильнейших.

Я с трудом заставляю себя сосредоточиться на уроке, потому что и так много пропустила из-за ангины.

Светлана Александровна вызывает меня к доске, и это единственный предмет, который я знаю почти в совершенстве, поэтому мне не стыдно выйти перед классом и выполнить задание. Я получаю пять, и меня называют выскочкой, когда я иду к своему месту. Я усмехаюсь, когда получаю такой комментарий. Они могут определиться с тем, кто я? Выскочка, заучка, или идиотка и безмозглое чучело? Или я являюсь для них и тем и другим сразу? Разве такое может быть?

Русский язык проходит быстро. Выходя из кабинета, я вижу, как Ангел идет с Егором. Они снова разговаривают.

Ну вот, теперь я официально являюсь единственным изгоем в этом классе, потому что у Егора уже есть потенциальный друг.

Здорово.

Сегодня по расписанию физкультура. Она последним уроком. Егор уходит домой перед началом занятия, так как он никогда не присутствует там. У него, как у меня и у Ангела, освобождение, только я не знаю, из-за чего.

Я снова занимаю место в конце спортзала и удивляюсь, когда Ангел, как и в прошлую физкультуру, подходит ко мне и садится рядом.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — говорю я зажато в ответ.

— Как дела?

У меня непроизвольно открывается рот от удивления, и я заставляю себя закрыть его, чтобы не показаться Ангелу идиоткой. Хотя, я уверена, за эти две недели, что я отсутствовала, он услышал обо мне много чего интересного.

— Эээ, нормально, — запоздало отзываюсь я. — А у тебя?

— Лучше всех, — и его лицо озаряет лучезарная улыбка.

И глядя на его улыбку, я понимаю, что шрам нисколько не портит его красоту, потому что она не зависит от этого бледно-розового рубца на всю левую щеку.

— Почему ты все время одна? — неожиданно задает он вопрос.

У меня перехватывает дыхание от прямолинейности новенького, и я хмурюсь.

— Я не все время одна, — вру я.

— Да? А вот мне кажется, что нет, — настаивает на своем Ангел. — Я наблюдал за тобой, и за все время ты ни разу ни с кем не общалась.

— Я тебе говорила, что не общаюсь с одноклассниками, — хмуро отвечаю я, чувствуя дискомфорт от этой темы.

— Да, но есть люди и в других классах, — мягко говорит он. — Неужели, ты не нашла ни с кем здесь общий язык?

Я громко выдыхаю, ощущая, как молниеносно ярость заполняет меня изнутри. Что этот новенький из себя возомнил? И какое вообще имеет право задавать мне такие вопросы? И

как может надеяться, что я буду на них отвечать?

— Это не твое дело, — огрызаюсь я, чувствуя необходимость защищаться.

Лицо Ангела вытягивается и даже бледнеет.

— Я... прости, — говорит он. — Я не хотел тебя обидеть.

И в это же мгновение вся моя решимость грубить ему, если понадобится, распадается на части. Я громко выдыхаю и опускаю плечи. Не знаю, что так растрогало меня. То, как выглядят его глаза, сколько в них плескается необъяснимой грусти. Или то, что в его голосе я не слышу ни капли фальши, и ему искренне жаль.

— Проехали, — шепчу я и отвожу взгляд в сторону.

— Не обижаешься? Точно? Я болван, — Ангел грустно усмехается. — Правда, иногда говорю всякую ерунду.

Не ерунду.

Я стараюсь выровнять дыхание, заставить дрожь уйти, но не могу перестать испытывать тяжелое жгучее волнение. Еще ни с кем в этой школе мне не приходилось разговаривать так долго, кроме учителей. Хотя нет. С ними у меня диалоги короткие.

Я изредка поглядываю на Ангела, который нервно теребит пальцами край своего пиджака. Он выглядит нерешительным и взволнованным, и его беспокойство проявляется сильнее, чем мое.

— Не знаю, почему тебя так не любят, — тихо проговаривает он.

Я закрываю глаза, встаю с лавочки и иду к выходу. Когда я дохожу до середины, мне в плечо попадает баскетбольный мяч. Удар такой сильный, что я даже отлетаю в сторону. И я бы непременно упала, если бы не стена. Я прижимаюсь к ней лицом и морщусь от боли. Когда слышу смешки, то во мне просыпается решимость сделать что-нибудь в ответ своему обидчику. Я отстраняюсь от стены и смотрю туда, откуда ко мне прилетел мяч. Я сразу понимаю, что это дело рук Галанова — его выдает самодовольная и насмехающаяся физиономия.

— Придурок! — кричу я и потираю ушибленное место.

Я не думаю, что он услышит меня, но он слышит. Его лицо становится злым.

— Повтори! — с вызовом кричит он мне в ответ.

— Да пожалуйста! — фыркаю я. — Ты придурок!

В состоянии аффекта человек может сказать и сделать многое. Вот и я бы ни за что не обозвала Галанова придурком, если бы не злость, которая бурлит во мне сейчас. Я вижу, как вспыхивают глаза Миши, и теперь мне страшно. Решимость стирается с моего лица, и я неуверенно иду к выходу, молясь, чтобы Галанов не шел за мной.

Я выхожу из спортзала в пустой коридор и не знаю, куда идти. От мяча на левой руке в районе локтя остался след от мяча. Я поднимаюсь на второй этаж и захожу в женский туалет. Там стою несколько минут и оттираю след на черной кофте ледяной водой.

На обществознании Ангел просит у меня ластик, затем ручку. На химии он подсказывает мне, как решить уравнение, хотя я не прошу его об этом. Егор продолжает общаться с ним. А я сижу в библиотеке, которая открыта уже девять дней.

Когда уроки заканчиваются, я, наконец, могу вздохнуть с облегчением. Этот бесконечный школьный день подходит к концу, а это значит, что впереди у меня поездка на

велосипеде к озеру. Жду не дождусь.

У самого выхода из школы меня догоняет Ангел, и я не могу разобраться, что чувствую: раздражение, или радость, что он после всего все-таки хочет со мной общаться.

— Рука болит? — спрашивает он.

Конечно, он видел, как мне прилетело баскетбольным мячом.

— Нет, порядок, — вру я.

На самом деле меня беспокоит ноющая боль в руке, но я стараюсь не обращать на нее внимание.

— Он сделал это специально, — говорит Ангел.

— Кто? Что? — я почему-то делаю вид, что не понимаю, о чем идет речь.

— Галанов специально кинул в тебя мяч, — объясняет он.

Я поворачиваю голову в сторону Ангела и замечаю, что он немного выше меня.

— Ерунда, — вздыхаю я, и это правда, потому что бывают шуточки жестче и обиднее.

Мимо проходят наши одноклассники и странно косятся на нас. Наверно, они ошарашены тем, что я с кем-то разговариваю... и что со мной вообще кто-то идет рядом. Обычно меня стараются обходить стороной.

— Почему ты общаешься со мной? — не выдерживаю и спрашиваю я.

— А почему я не могу общаться с тобой? — вопросом на вопрос отвечает Ангел.

— Тебе это не выгодно, — я поджимаю губы, и мы выходим на улицу.

— Глупости, — фыркает он.

Я останавливаюсь и со всей возможной серьезностью смотрю на него. Он делает то же самое, только его взгляд скорее обеспокоенный, чем серьезный.

— Осторожней, — предупреждаю я. — Разговаривая с отбросом общества, ты автоматически становишься таким же.

— Ну и плевать, — пожимает плечами Ангел. — Тем более ты не отброс.

— Я изгой. И это ясно даже дураку.

— Значит, я тоже изгой.

— Ты хочешь, чтобы над тобой начали издеваться? — кривлюсь я.

— Почему тебя это так волнует? — улыбается Ангел, и я не успеваю обидеться, как улыбка меркнет на его лице. — А если серьезно, то я сам буду решать, с кем общаться, а с кем нет. Мне гораздо приятнее разговаривать с тобой и с Егором, чем с ними.

Я собираюсь сказать, но мимо проходит Астафьев со своей свитой, среди которых есть и Камилла, и как бы невзначай толкает в плечо Ангела, что тот пошатывается назад, но удерживает равновесие.

— О чем я тебе и говорю, — вздыхаю я и смотрю вслед ребятам, которые громко смеются. — Они замучают тебя так же, как... меня. И Егора. Ты либо с ними, либо против них. Если против, то лучше тебе сразу поменять школу.

— Тогда почему ты не меняешь? — спрашивает Ангел.

Я поджимаю губы и пораженчески опускаю голову. Потому что мои родители меня не поймут, если я скажу, что одноклассники меня ненавидят. Они обвинят меня в неспособности общаться со сверстниками и скажут попытаться пойти им навстречу, сделать так, чтобы меня полюбили, стать такой, чтобы меня начали воспринимать, как свою.

Но я не буду этого делать. Не буду общаться с теми людьми, которые открыто презирают меня, и я испытываю к ним ответные чувства. Я не буду улыбаться им, при этом ненавидя. Я не буду притворно милой с ними. Никогда.

Но всего этого я не могу сказать Ангелу.

— Пока, — вместо всего говорю я и иду дальше, не дожидаясь его ответа.

Я возвращаюсь домой в плохом настроении. Все идет не так, как должно идти. Почему моя жизнь терпит изменения? Ведь мне хорошо, когда все на своих местах. Но сейчас... сейчас мир вокруг становится другим, как и я. Я чувствую в себе какое-то непонятное и совершенно новое чувство, когда в нашем классе появился парень со странным именем.

Я не хочу думать обо всем том, что связывает меня со школой. Я переодеваюсь, достаю велосипед и еду на озеро.

Этот день теплый, хотя через неделю наступит октябрь. Прохлада, исходящая от воды, успокаивает кожный зуд на нервной почве, и мне удается забыться. Я выкидываю все плохое из своей головы и погружаюсь в своеобразный транс. Я чувствую, как расслабляется каждая клеточка моего тела. И я улыбаюсь, потому что ощущаю, что свобода духа совсем близко.

Мне хочется, чтобы время замерло, как и все в этом мире, и я навечно смогу остаться здесь. Но нет. Все всегда нужно усложнять. Я вынуждена возвращаться домой, когда мама звонит и спрашивает, где я. Я так и не отвечаю, обещая, что буду через полчаса. Лучше ей не знать, где я пропадаю большую часть своего свободного времени. Тогда она меня точно убьет и начнет читать нотации о том, что мне нужно чаще бывать на людях и разговаривать, хоть с кем-нибудь.

Когда я захожу домой, то слышу удивительную тишину. Никто не кричит, не спорит... Странно. Давно такого спокойствия не наблюдается.

Я осторожно прохожу в гостиную. Папа сидит на диване с вытянутыми ногами и читает книгу. Я приглядываюсь. Детектив. Мой папа. Читает. Детектив. Я каким-то образом оказалась в другой вселенной? Папа не любит читать, он любит считать. Цифры — его призвание. В школе и институте у него были пятерки по математике. Как и у мамы. И оба не могут понять, почему я, их дочь, не дружу с точными науками.

— А где мама? — осторожно спрашиваю я у папы.

Он нехотя переводит туманный взгляд со страниц книги на меня.

— На кухне. Готовит, — отвечает он и возвращается к чтению.

Моя мама. Готовит. Очередная странность. Она заходила на кухню в последний раз перед тем, как я заболела. А все время, что я была на больничном, готовить приходилось мне, раз я бездельничаю, а родители работают (это с их слов).

Подходя к кухне, я обвиваю живот рукой, так как желудок начинает урчать. Я выглядываю из-за стены и вижу маму у плиты.

— Привет, — говорю я тихо.

Мама вздрагивает и подскакивает на месте.

— Августа! — выдыхает она и смотрит на меня через левое плечо. — Не подкрадывайся больше! Так и зайкой остаться можно...

Она отворачивается, и я прохожу на кухню, сажусь за стол и откидываюсь на спинку стула, пытаюсь расслабиться.

— Как дела в школе? — интересуется мама.

Я смотрю на ее прямую спину и отвечаю:

— Нормально.

Под этим стандартным ответом я подразумеваю то, что все как прежде, что надо мной по-прежнему продолжают издеваться. Хотя нет, все же кое-что изменилось. Теперь я ненавижу своих одноклассников еще больше. Каждый день, проведенный с ними, лишает

меня огромного количества нервных клеток, но придает больше уверенности в том, что я правильно поступаю, не подстраиваясь под них и игнорируя всеми возможными способами.

Так что да, все нормально.

— Выходные сидишь дома с папой, — говорит мама. — У меня работа. Нужно разобраться с кое-какими документами, — и я не ошибаюсь, когда слышу, что она говорит это без тяжести в голосе.

Каким-то совершенно парадоксальным образом работа является для моей мамы способом расслабления и отдыха. Там она чувствует себя как рыба в воде, а дома ее словно вытаскивают на сушу, и она начинает задыхаться.

Я наблюдаю за мамой. Она отходит от плиты и начинает резать помидоры с огурцами на доске. Затем летит обратно к сковородке, где что-то жарит, и ворчит себе под нос.

— Сделай бутерброды, — говорит она мне. — Жареная картошка на ужин отменяется.

Я вздыхаю, качаю головой и иду к холодильнику. Внезапно чувствую резкую боль в сердце и останавливаюсь... нет, я замираю, зависаю, не в состоянии шевельнуться. Боль тесно сковывает сердце и сжимает его, а затем начинает стремительно темнеть перед глазами, и я вытягиваю руки, начинаю нелепо болтать ими в воздухе, надеясь за что-нибудь ухватиться, потому что ощущаю, что начинаю падать.

Все происходит стремительно. Последнее, что я слышу, это как мама выкрикивает мое имя.

И я проваливаюсь во тьму.

Я редко падаю в обмороки, но когда это случается, и я прихожу в сознание, то чувствую себя так, словно меня переехал каток. Доктор говорит, что мне нужно как можно меньше волноваться. Родители знают, что все мои проблемы исходят из проблемных отношений с одноклассниками и, вообще, с людьми. Но ни мама, ни папа не задумывались, что мне не хватает и их. Не хватало. Не хватало больше кислорода. Но это было раньше. Сейчас мои чувства похожи на камень... но за твердой оболочкой, где-то глубоко внутри, я знаю, что есть свет.

Я не просыпаюсь весь вечер, сплю ночь и почти весь следующий день. Я пропускаю субботние занятия. Я не знаю, что родители сказали Светлане Александровне. В этот раз я ощущаю какую-то особенную слабость, когда открываю глаза, но боли в сердце больше нет. Первую секунду мне кажется, что я не дома, что я вообще не я, и это тело не мое, потому что я его не чувствую. А затем, когда зрение ко мне полностью возвращается, я вижу белый потолок своей комнаты, включенный торшер и темноту за окном. Сквозь толстый слой ваты в ушах я прислушиваюсь к окружающим звукам, но не слышу ровным счетом ничего, кроме противного звона в голове.

Я хочу встать. Ничего не получается. Мое тело сражает бессилие, но я не оставляю попыток и раз за разом продолжаю подниматься. Где-то с тридцатой попытки мне, наконец, удается оторвать голову от подушки. Волосы прилипают к лицу, и затылок обдувает приятным едва уловимым ветерком. Стараясь бороться с головокружением, я, опираясь на прикроватную тумбу, встаю. Ноги дрожат, как будто я пролежала месяц, а не сутки. Я жмурюсь, потому что мне тяжело, но не останавливаюсь. В горле вспыхивает жажда.

Я с трудом доползаю до дверей и открываю ее. Прижимаясь к стене, я бреду на кухню. В доме тихо, и я думаю, что родители на работе. Мама, по крайней мере, точно. А вот где папа я не знаю. Может быть, тоже ушел работать, ведь копаться в документах и всяких отчетах гораздо интереснее, чем провести какое-то время со своей дочерью.

Я добираюсь до кухни и наливаю себе в стакан воды. Осушаю его залпом. Наливаю еще и снова осушаю. Теперь мне лучше. Намного.

Когда я иду обратно в свою комнату, так как меня начинает клонить в сон, хоть я и так проспала огромное количество времени, я слышу чьи-то всхлипы в гостиной. Это привлекает мое внимание, и я со скоростью улитки иду в сторону гостиной.

— Успокойся, Ирина, — слышу я надломленный голос папы.

Значит, он дома. И мама тоже. А как же ее работа?

— Она так долго спит, — плачет мама.

Я замираю и пошатываюсь назад, но вовремя успеваю схватиться за стену.

— Она проснется, — говорит папа.

— Знаю, Леша, знаю. Я просто переживаю за нее. Вот почему у нее снова случился этот обморок?! Когда... когда она упала, я подумала, — мама резко замолчала, сделала глубокий вдох. — Я подумала, что это конец.

Я слышу, как папа тяжело вздыхает.

Мама плачет. Моя мама плачет. Из-за меня. Значит, ей не все равно? Значит, в ее жизни еще есть место для меня? Значит, работа еще не целиком отняла ее у меня?

Я слушаю ее горькие всхлипы, и мое сердце начинает болеть, но как-то по-другому.

Прижавшись головой к стене, я слушаю, как мои родители страдают, и хочу подойти к ним, успокоить. Но я не делаю этого.

Я просто стою и впитываю их боль в себя.

Глава пятая

В понедельник я уже чувствую себя, как обычно, но ничто не способно вытеснить из моей головы мысли о слезах мамы, которые в субботу вечером она пролиwała из-за меня.

Мне крайне сложно сосредоточиться на алгебре.

Надежда Павловна устроила проверочную работу, и сейчас уже прошло больше половины урока, а у меня даже не переписаны примеры в тетрадь. Но, по правде говоря, эта проверочная заботит меня на данный момент меньше всего.

Я чувствую, как Ангел тыкает меня ручкой в спину. Он всегда так делает, когда пытается привлечь мое внимание, а не зовет меня по имени. Я поворачиваюсь к нему и вопросительно смотрю на него.

— Ты не пришла в субботу, — говорит Ангел.

Я выгибаю левую бровь и не отвечаю, хотя удивлена, что он заметил мое отсутствие.

— Я просто...

Ангел не успевает договорить, как в наш почти-разговор вмешивается Надежда Павловна.

— Вишневская! Самарский! — громко шипит она, и словно по команде весь класс оборачивается в нашу сторону. Ох, ненавижу, когда так смотрят. — Разговариваете о чем-то интересном? Может, поделитесь со всеми? Потому что мне тоже любопытно знать, что важнее в данный момент проверочной.

Я тяжело выдыхаю и медленно отворачиваюсь от Ангела. Ну все, двойка в журнал обеспечена.

— Я спрашивал у нее совета, — говорит Ангел спокойным голосом.

Надежда Павловна не ожидает, что кто-то должен ответить. Ее вопрос был риторическим. Я вижу, как лицо учительницы удивленно вытягивается. Ну да, я бы тоже на ее месте удивилась, нет, засмеялась бы, потому что слова Ангела абсурдны. Совет на уроке алгебры? У меня? Да я хуже всех знаю этот предмет в классе!

Надежда Павловна пристально смотрит на Ангела и жаль, что я не вижу его лица. Ее глаза так суровы и холодны, что у меня невольно начинают бегать мурашки по телу. Учительница математики всегда вызывает во мне такое неприятное ощущение.

— Это не место для бесед, — наконец, произносит Надежда Павловна. — Это школа, и идет проверочная, если вы, молодой человек, не забыли. Возвращайся к работе и не отвлекайся. А если еще раз увижу, что разговариваешь с кем-то, заберу тетрадь и поставлю двойку в журнал. И тебя, — она переводит пронзительный взгляд на меня, — это тоже касается.

Когда Надежда Павловна отворачивается, я опускаю голову и не поднимаю ее до самого звонка, чтобы исключить риск столкновения моих глаз с ее черными и стальными. В конце урока я сдаю ей тетрадь, где смогла решить только один пример из пяти (да и то не уверена, что правильно, хотя все сошлось и получилось), и покидаю кабинет, который ненавижу в этой школе больше всех остальных вместе взятых. На втором месте стоит класс химии. А затем и физики...

На последнем уроке я считаю секунды до звонка. Я не успеваю первой покинуть школу, поэтому, чтобы не слиться с потоком учеников, и чтобы они меня не смогли задавить, я жду, когда коридоры опустеют, и только тогда выхожу на улицу.

Идет дождь, а у меня нет зонта. Если я снова заболею, мама меня точно убьет.

Я вздыхаю и решаю постоять несколько минут под крышей, подождать, когда дождь немного успокоится. Все равно, похоже, я не смогу сегодня поехать к озеру, так как грязно и сыро, так что мне некуда торопиться.

Тяжелая дверь открывается, и я вижу, как выходит Ангел. Разве он еще не ушел?

— Страшный ливень! — свистит он и улыбается и смотрит на меня. — Ты без зонта?

Я киваю.

— Я тоже, — вздыхает он и, хромя, идет ко мне, встает рядом. Его взгляд устремлен вперед, он внимательно вглядывается в занавес дождя и улыбается. — Люблю дождь, но не такой сильный.

Я молчу и думаю, где Егор. Они же теперь, вроде как, друзья.

— Надежда Павловна всегда такая... строгая? — интересуется Ангел.

— Угу.

Я не настроена на дружелюбную беседу, и вообще, меня по-прежнему немного смущает факт нахождения кого-либо поблизости. Я привыкла к одиночеству и тому, что разговаривают все, кроме меня.

— Она ужасная, — смеется он. — И ужасно преподает алгебру. И геометрию. Я ее вообще не понимаю. В другой школе, где я учился раньше, математику преподавала Наталья Андреевна. Она всегда разжевывала для нас тему и не приступала к изучению другой, пока мы не уясним эту, — он продолжает смотреть на дождь, но его голос становится грустным. Если он не может вспоминать без печали свою прежнюю школу, тогда зачем перевелся? Должно быть, точнее стопроцентно, у него там были друзья. И ему, наверно, жаль, что он расстался с ними. Хотя, может быть, он общается с ними. И это вообще не мое дело.

Когда ливень превращается в морозящий дождик, я выхожу из-под крыши, не говоря прощальных слов Ангелу.

— Тебе в какую сторону? — слышу я его голос за спиной.

Я не поворачиваюсь к нему, не останавливаюсь. Он, хромя, добегают до меня и переходит на шаг.

— Туда, — небрежно махаю я рукой налево.

— Ты далеко живешь?

— Не очень.

— А я вот да. С моей быстрой походкой дорога до дома занимает около часа, если не больше, — ухмыляется он, и я удивляюсь, что он может высмеивать свои недостатки. Мой взгляд невольно опускается вниз, и я смотрю на его правую ногу, из-за которой он хромяет.

— Ты быстро ходишь, — бормочу я, задумавшись.

— Только не тогда, когда нужно преодолеть большое расстояние, — вздыхает Ангел. — Нога быстро устает. И вообще, я чувствую себя стариком. Даже хуже.

Я быстро устремляю глаза на его лицо, и мой взгляд касается шрама. Мне так хочется спросить, что с ним случилось, но я закусываю нижнюю губу до боли и отворачиваюсь.

Мы выходим за пределы школы, и я иду налево. Ангел следует за мной.

— Тебе в эту же сторону? — недоверчиво спрашиваю я.

— Ага, — кивает он.

Что-то я замечала раньше, что ему в мою сторону.

Я зарываю глубоко все свои вопросы и сомнения и просто иду вперед, морщась, когда капли падают на лицо.

— А ты не очень общительная, — говорит Ангел.

Я громко вздыхаю и закатываю глаза.

— Ты только понял? — язвлю я.

— Я думаю, что на самом деле ты общительная, просто тебе не с кем поговорить, — осторожно поясняет он.

— Мне и одной хорошо.

— Никто не хочет быть одиноким, — говорит он. — Никто.

— Я хочу, — отвечаю я.

Я твердо смотрю вперед, но боковым зрением вижу, как Ангел улыбается.

— Неправда.

— Откуда тебе знать об этом? — внезапно на меня накатывает волна раздражения. Кого он из себя возомнил? Всезнающего и всевидящего? — Ты меня совсем не знаешь! И ты не знаешь, хочу ли я быть одной, или нет.

— Ты права. Я не знаю тебя, — соглашается Ангел, продолжая говорить ровным голосом. — Но это и не обязательно, чтобы быть уверенным в своих словах. Повторяю: никто не хочет быть одиноким.

— И я тебе повторяю: я хочу, — отчеканиваю я злобно.

Почему он продолжает улыбаться? Это реально начинает действовать на нервы.

— Если бы ты хотела быть одной, то не разговаривала бы сейчас со мной, — замечает Ангел.

— Ну, это просто ты такой приставучий, — стараюсь ответить я раздраженно, чтобы скрыть бурлящее волнение внутри.

— Просто ты не хочешь быть одна, — настаивает он на своем.

Я снова закатываю глаза и пожимаю плечами.

— Прекрасно, — фыркаю я. — Мне все равно. Я не буду спорить с тобой.

— Значит, я прав, — говорит Ангел.

И тут я останавливаюсь. Ангел перестает идти секундой позже и удивленно смотрит на меня.

— Почему ты идешь со мной? Почему разговаривает? — и тут я начинаю вываливать на него весь свой груз мыслей. — Почему задаешь эти глупые дурацкие вопросы? Какое тебе вообще дело, общаюсь ли я со своими одноклассниками, или нет? Какое тебе дело, хожу ли я на физкультуру, или нет? — я громко выдыхаю и заставляю себя остановиться. Я только что перешла грань вежливости и нагрубилась ему. И теперь мне стыдно за это.

Я жду, что сейчас Ангел плюнет на меня и уйдет, но он продолжает стоять на месте и смотреть на меня. Почему он не бежит, сломя голову? Почему не называет меня сумасшедшей и припадочной? Почему не начнет издеваться надо мной вместе с остальными?

— Таким, как мы, нужно держаться вместе, чтобы окончательно не заблудиться в этой жизни и, в итоге, бесследно исчезнуть, — произносит Ангел.

— Каким таким? — недоуменно спрашиваю я, стараясь унять дрожь в коленках.

— Потерянным людям. Ну, если сказать иначе, то изгоям. Тем, кого отвергло общество.

Я не сдерживаюсь и усмехаюсь.

— Ты не изгой.

— Почему ты так уверена в этом? Ты же совершенно меня не знаешь, — говорит он и робко улыбается, и я понимаю, что он искажает мои недавние слова.

Я вздыхаю и мотаю головой.

— Не усложняй себе жизнь, общаясь со мной, — я произношу это устало и грустно.

— Моя жизнь давно усложнена, — произносит Ангел.

— Все ополчатся против тебя.

— И что? Я ничего не потеряю, если не буду общаться с кучкой однотипных людей! — он вскидывает руками. — Почему тебе так сложно поверить, что ты не одна, кто не хочет общаться с... ними? Есть Егор. Он тоже такой же, как ты. И теперь есть я.

Я слушаю его и испытываю противоречивость. Мне хочется верить, но так же хочется спрятаться в непробиваемый кокон, чтобы никто не смог достучаться и добраться до меня.

— С Егором интереснее, чем со мной, — произношу я, чувствуя себя глупо. И о чем мы только говорим?

— Каждый интересен по-своему, — отзывается Ангел.

— Я — нет.

— Значит, ты себя не знаешь.

Я открываю рот, чтобы назвать его самоуверенным, раз он делает вид, что все понимает, но вовремя себя останавливаю. Чего я этим добьюсь? Еще одного врага в лице Ангела? Но я не хочу, чтобы он ненавидел меня.

Я не знаю, что творится в моей голове, и мне необходимо со всем разобраться, но...

— Я не создана для друзей, — в итоге, говорю я и стараюсь не смотреть в глаза Ангела.

— Это ты так считаешь, — говорит он.

— Неважно, — вздыхаю я. — Все это неважно... Мне надо идти. Пока.

И вот я снова убегаю. От него. От себя. От того, что я хочу на самом деле.

— Просто знай, что я бы хотел стать твоим другом! — кричит мне вслед Ангел.

Я машинально останавливаюсь, но не оборачиваюсь. В ответ я сухо киваю, но внутри чувствую необъяснимую дрожь, а затем начинаю чуть ли не бежать.

Мне нужно поехать к озеру. Мне нужно найти покой, забыться хотя бы на несколько минут. Почему все это происходит? Ведь я жила до какого-то момента тихо, никого не трогала, но все трогали меня, но мне было все равно. Мне и сейчас все равно, только новенький со странным именем решил, что способен понять меня, способен помочь. Правда, мне не нужна его помощь. И ничья вообще. И жалость тоже. Я сама по себе. Я отдельная часть этого мира, и так будет всегда.

Я не понимаю Ангела Самарского.

Потому что он нагло продолжает общаться со мной. Я веду себя с ним недружелюбно и предельно осторожно, а он ведет себя так, будто уже мой друг. Он разговаривает со мной на переменах, в столовой, он даже стал приходить с Егором в библиотеку. В МОЮ библиотеку! В МОЕ школьное убежище! Он преследует меня везде, где только возможно.

А еще хуже то, что я начинаю привыкать к его постоянным комментариям и смеху. Я начинаю понимать, что мне нравится, когда он разговаривает, и от этого я не чувствую себя такой одинокой и потерянной. Я часто вспоминаю наш разговор в понедельник, то, что он

говорил, что хочет общаться со мной.

Я сомневаюсь.

Кое-какие мои прогнозы, все же, сбываются.

Над Ангелом надсмехаются. То, что он болтается с Егором и отчасти со мной, отрицательно сказывается на его «репутации» в школе. Галанов и его друзья (а это почти весь класс и многие ребята из других классов, с которыми Ангел даже не знаком, хотя я не знаю этого наверняка) теперь тоже издеваются над ним.

Все началось с безобидных, на первый взгляд, слов в адрес Ангела. Они стали пародировать его, называть «ангелочком» и слишком мягким для парня, и все в таком роде. Затем начались очень смешные, по их мнению, приколы типа: жвачка на его стуле, пропажа пенала или рюкзака, или других вещей. Пару раз они попадали в Ангела мячом на физкультуре.

Должна признать, он держится молодцом. Я в начале своего Пути к Одиночеству заливалась горькими слезами, а Ангел ведет себя так, словно сразу прошел все стадии, через которые прошла я, и сейчас на финишной прямой. Мне потребовалось много времени, чтобы выносить издевательства с ледяным спокойствием на лице, да и то иногда я срываюсь, потому что не научилась в совершенстве контролировать свою злость. Это чувство само по себе неконтролируемое, но я не оставляю попыток обуздать весь свой гнев.

Мне требуется много дней, чтобы понять, что Ангел хороший, и он не притворяется. Он такой, какой он есть, и он не пытается понравиться другим путем жестокости и издевательств над слабыми. Он принял сторону «отбросов» и изгоев, и я уважаю его за этот выбор. Мне нравится думать, что, возможно, я все же смогу подружиться с ним. Я уверена — он хороший друг, хотя я совершенно не разбираюсь в этом чувстве, потому что никогда и ни с кем не дружила.

В четверг я прихожу в школу и вижу, что Егора нет на месте. Он никогда не опаздывает. Значит, что-то случилось. Я иду к своему месту, Ангел поднимает голову и тоскливо улыбается мне.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — говорю я и сажусь на стул.

— Егор заболел, — вздыхает он.

Я молчу, не зная, что сказать.

— Без него будет не так весело, но я не дам нам умереть со скуки!

Я смотрю на него через правое плечо.

Он что, только что сказал «нам»? Наверно, он оговорился, потому что нет никаких «нас», потому что мы не друзья... еще не друзья.

Я оставляю его последние слова без ответа и переключаю все внимание на доску. Первый урок литература, и мы будем писать сочинение. Я люблю это дело, и вообще, мне нравится выражать свои мысли на бумаге, а не словесно.

Сейчас мы проходим повесть Карамзина «Бедная Лиза». Трагическая история. Я могу уверенно сказать, что большинство из класса так и не прочло ее. Я же поглотила «Бедную Лизу» за один вечер, когда мы только стали разбирать ее.

Светлана Александровна предоставляет нам выбор тем. Я выбираю характеристику

главной героини. На самом деле, нет разницы в темах. Все равно придется задеть все стороны повести.

У меня никогда не было проблем с написаниями сочинений, поэтому я спокойно приступаю к работе и даже не открываю учебник, как это делают другие. Они думают, что это поможет им, и жадно исследуют страницы повести, даже не вникая в смысл. Кто-то поступает проще — ищет сочинение в интернете. Только вот Светлана Александровна сразу видит, когда, например, ученик, знающий литературу на два и не читающий, пишет первоклассное сочинение.

Я полностью погружаюсь в работу. Я люблю размышлять и записывать свои мысли, я знаю, что писать у меня получается куда лучше, чем говорить. Слова потоками вливаются в мое сознание, я выстраиваю их в красивые умные предложения и переносу в тетрадь. Я пишу и пишу, забыв о том, где я нахожусь, какой сейчас год и месяц. Я забываюсь, потому что увлечена, как никогда. Я заканчиваю одну сторону листа и переворачиваю его, начинаю писать на другой стороне.

Когда я, наконец, записываю вывод, то громко выдыхаю. Рука болит оттого, что я писала, не переставая, весь урок.

— Ты закончила? — шепотом спрашивает у меня Ангел.

Я довольно смотрю на свое сочинение и киваю.

— Да.

— Можно мне прочитать?

Я хмурюсь и поворачиваюсь к нему лицом. Никто еще не читал моих сочинений, кроме меня и Светланы Александровны. Ему действительно интересно, или он хочет списать?

— Не волнуйся, я не буду списывать, — словно читая мои мысли, шепчет Ангел. — Вот, — затем он протягивает мне свою раскрытую тетрадь, — давай обменяемся. Я читаю твое, а ты мое. Все честно.

Я поджимаю губы, все еще сомневаясь, и неуверенно кладу свою тетрадь ему на парту и забираю его. Отворачиваюсь и начинаю читать.

Это звучит самоуверенно, хотя я вовсе не самоуверенная, но до этого момента я была уверена, что пишу лучшие сочинения по литературе в этом классе. Теперь же мое совершенство (хоть в чем-то) стоит под вопросом, потому что, читая работу Ангела, я понимаю, что оно удивительно. Оно интересно и красочно. И мне нравятся его мысли. Они объективны и точны. Я представляю, как он говорит то, что написал, и я представляю, как он жестикулирует, и мне хочется улыбнуться.

Невозможное возможно.

Я улыбаюсь.

Я.

Мои губы растянуты в улыбке до последней строчки его сочинения.

— У тебя хорошее сочинение, — слышу я шепот Ангела. — Мне понравилось.

— Мне тоже, — шепчу я в ответ и снова поворачиваюсь к нему. — Ну, твое, в смысле.

Он улыбается мне, и я улыбаюсь ему.

Вот черт. А это приятно, оказывается. Улыбаться.

Мы сдаем свои сочинения первыми и садимся на места, ожидая звонка с урока.

В коридоре Ангел догоняет меня, и мы вместе идем в библиотеку. Я сажусь, как обычно, назад, и он следует за мной. Я беру по пути первый попавшийся на глаза журнал и сажусь за стол.

— Любишь самолеты? — спрашивает Ангел.

— Ммм? — я отрываю взгляд от гляцевых страниц и смотрю на него.

Он сидит непривычно близко. Ближе, чем обычно.

Ох...

— Я говорю, ты читаешь журнал о самолетах, — поясняет он. — Это странно для девчонки.

Я перевожу взгляд с его лица вниз и понимаю, что журнал действительно о самолетах. А я даже не заметила это, когда брала его.

— Ну, эмм, у всех свои заморочки, — бормочу я вместо того, что я не увлекаюсь самолетами и просто взяла этот журнал. Но я не говорю об этом и ощущаю, как мои щеки начинают гореть.

Да... вот спроси он меня сейчас что-нибудь о самолетах, и что мне ответить? Я же ничего не знаю!

Пожалуйста, только не спрашивай меня об этом!

— Это точно, — усмехается Ангел и больше ничего не говорит.

Я вздыхаю с облегчением. Тема с самолетами закрыта.

Мы сидим в библиотеке всю перемену и со звонком идем на физику.

Три урока проходят, на удивление, быстро. Затем нам объявляют, что учительница искусства уехала на семинар, поэтому вместо ее занятия свободное окно. И мы с Ангелом снова идем в библиотеку, откуда не выходим все время урока, которого нет.

Последней должна быть физкультура.

Ангел и я направляемся к спортзалу. У дверей стоят Галанов, Горев и еще несколько ребят. Они перестают смеяться, когда видят нас. Мне тут же хочется развернуться и идти куда угодно, лишь бы не в их сторону.

— И ты думаешь, что я когда-нибудь стану... смогу с ними общаться? — тихо говорит мне Ангел. — Если только в другой жизни, которая никогда не наступит.

Галанов и остальные, уже переодетые в спортивную форму, идут в нашу сторону. Они рассасываются по всей ширине коридора, засовывают руки в карманы и расставляют широко локти — так, что мы не сможем пройти мимо них, не задев их.

Я непроизвольно замедляю шаг, и Ангел делает то же самое.

Ну вот, мы проходим через это вместе.

Я чувствую себя смелее рядом с ним, но этого недостаточно, чтобы противостоять целой толпе. Одному человеку еще можно, а против всех... нет. Это невозможно.

Я прокручиваю в голове множество вариантов того, что может учудить Галанов со своими друзьями. Избить нас (хоть я и понимаю, что он не станет этого делать... в школе, по крайней мере, но я все равно боюсь этого), обзвать (что не так страшно), выкинуть какой-нибудь жестокий фокус в его стиле... На самом деле, от таких людей, как Галанов, можно ожидать многое, и в то же время мне кажется, что я знаю все, что может прийти ему на ум. Хотя, понятие жестокости достаточно растяжимое, так что я все равно остаюсь в неведении.

Я рассчитываю, что основной «удар» придется на меня. Но тут моя интуиция меня подводит.

Галанов смотрит только на Ангела, и это вводит меня в заблуждение. Когда они подходят достаточно близко к нам, я внутренне сжимаюсь. Я вижу, как Ангел тоже напрягается.

Ангел проходит между Галановым и Горевым. Они сильнее выставляют локти, и как бы Ангел ни пытался увернуться, он все равно задевает их и... падает вперед.

Оказывается, Галанов сделал ему подножку, и Ангел не заметил этого, так как думал, что его станут толкать в плечи.

Вот он стоит на ногах, а в следующую секунду уже на полу. Я даже не успеваю опомниться. Если бы я успела, то непременно поддержала бы его и не позволила упасть. Но я нахожусь на достаточном расстоянии. И я только наблюдаю.

Все начинают смеяться. Кроме Галанова. Он ухмыляется и, пройдя мимо, оборачивается на Ангела. Я стою как вкопанная и не могу пошевелиться. Дурацкое оцепенение! Всегда я не вовремя впадаю в ступор...

— Ой, посмотрите, наш ангелочек упал, — ехидно говорит Галанов. Его мерзкая улыбка выводит меня из себя, и я начинаю закипать изнутри. — А где же твои крылышки?

Не знаю, что происходит в этот момент, потому что я перестаю отдавать отчет своим действиям. Я срываюсь с места, бегу к Галанову и со всей силы толкаю его в грудь (он выше меня на полголовы). Удар сильный, и Миша отступает на несколько шагов назад. Все ошарашено смотрят на меня. Я гневно вдыхаю и выдыхаю. Злость бурлит в венах, и я полна решимости.

— Ты с ума сошла, чучело! — возникает Галанов, когда обретает равновесие.

— Это ты чучело, понял! — выплевываю я.

Он яростно хмурится, его скулы напрягаются. И тут ко мне начинает просачиваться страх, но он бесследно растворяется в ядовитой злости.

Галанов надвигается на меня и останавливается всего в полшаге. Он нависает надо мной, сверля гневным взглядом. Я смотрю на него с ответной ненавистью.

— Ну и что ты сделаешь? Ударить меня? Давай! — адреналин пульсирует внутри меня, и я злорадно улыбаюсь, бросая тем самым вызов Галанову.

— Не нарывайся лучше, — рычит он.

Краем глаза я вижу, как его руки сжимаются в кулаки.

— Я не боюсь тебя, — медленно и четко проговариваю я сквозь плотно стиснутые зубы. — И твоих дружков тоже. Потому что по отдельности вы никто!

И мне становится легче, когда я говорю это. Вместе с этим начинает уходить и злость и, соответственно, исчезает вся моя решимость. Воздух больше не кажется мне раскаленным, и все вокруг проясняется. Я понимаю, что только что перешла дорогу Галанову, и он мне это будет припоминать весь оставшийся год, но стараюсь не подавать виду, что мне страшно.

Галанов собирается сказать мне что-то, но тут нас оглушает звонок на урок. Он не сводит с меня пронзительного взгляда, от которого становится по-настоящему жутко, и я гадаю, что будет дальше.

— Почему еще не в зале? — нас, точнее меня спасает Борис Владимирович, идущий к нам.

Я заставляю себя оторвать взгляд от Галанова, который продолжает сжигать меня своим дотла, и вижу учителя физкультуры. Он подходит к нам и смотрит мне за спину. Точно, там же Ангел! Я разворачиваюсь к нему и вижу, что он уже встал, но прижимает руку к лицу, а сквозь пальцы сочится тонкой струйкой что-то красное.

Кровь.

Меня мутит от ее вида. В животе зарождается приступ тошноты, который поднимается по пищеварительному тракту, и уже через какие-то сотые доли секунды я чувствую, что меня

вырвет. Я плотнее сжимаю губы и с отвращением смотрю на кровь.

Кажется, Ангел разбил нос.

— Что с тобой? — Борис Владимирович подходит к нему.

— Ничего, — не убирая руку от лица, отвечает он. — Упал.

— Упал? — недоверчиво повторяет учитель и косится на Галанова, который не двигается уже очень долгое время. Ну, или мне кажется, что долго. — Уверен? — спрашивая, Борис Владимирович дает Ангелу шанс признаться, но тот упрямо кивает. Он не собирается выдавать Галанова, и я понимаю, почему.

— Да. Я упал. Запнулся о больную ногу.

Борис Владимирович хмыкает и потирает левой рукой свои темные с проседью усы.

— Ладно, — вздыхает мужчина и смотрит на ребят. — В зал, балбесы. Урок начался.

Августа, проводи его в медпункт.

Когда все уходят, я подхожу к Ангелу, борясь с желанием убежать, чтобы меня не вырвало прямо у него на глазах.

— Ты как? — спрашиваю я, хотя это глупый вопрос.

— Давненько я не разбивал нос, — ухмыляется он, запрокидывая голову.

Я морщусь, так как чувствую запах крови и говорю:

— Пойдем. Тебе надо остановить... кровь.

Он смотрит на меня, не опуская головы.

— Не переносишь вид крови? — догадывается он.

Я лишь киваю.

— Ладно. Веди меня в медпункт, мой проводник.

Я вздыхаю с облегчением, потому что Ангел не утратил оптимистический настрой. Я бы на его месте загибалась и рыдала, как маленькая, от такой боли... Ведь боль ужасная, когда ломают нос, верно?

Мы доходим до медпункта. Повезло, что он открыт, а то большую часть рабочего дня там никого нет. Я открываю дверь и придерживаю ее, чтобы Ангел зашел внутрь. Медсестра, полная женщина сорока лет, увидев нас, подпрыгивает и подходит к нему.

— Что случилось? — спрашивает она.

— Разбил нос, — отвечает он невнятно. — Может быть, даже сломал...

Медсестра берет его за локоть и ведет к кушетке. Он садится.

— Не опускай голову, — говорит она ему и скрывается в небольшой комнатке. Затем выходит оттуда с медикаментами. — Убери руку.

Он убирает.

Я не могу наблюдать за этой процедурой и говорю дрожащим голосом:

— Я подожду тебя в коридоре.

— Ладно, — отвечает Ангел.

Я вылетаю из медпункта.

Проходит несколько минут. Я брожу по коридору туда-обратно, нервно кусая ногти. Меня трясет, потому что я вспоминаю, как Ангел упал, как я чуть ли не набрасываюсь на Галанова, как его глаза стреляют молнии, глядя на меня...

Мое сердце делает бешеный толчок в груди, когда дверь медпункта открывается, и оттуда выходит Ангел. У него в ноздрях вата, а на лице улыбка. И чему он радуется?

— Ну как? — спрашиваю я.

— Перелома нет, — отвечает он, и его голос звучит забавно. — Сильный ушиб. Скажи, у

вас всегда такая медсестра?

— Какая?

— Ну... суетливая.

— Ага. Всегда. Это же ее работа — суетиться.

— Да, — кивает он. — Спасибо, кстати.

Я перевожу взгляд с его носа на глаза.

— За что?

— За то, что заступилась, — Ангел выглядит смущенным, на его щеках появляется легкий румянец.

А вот я краснею по-настоящему.

— Не ожидал от тебя такой пылкой реакции, — признается он, опуская взгляд к полу и улыбаясь.

Я и сама от себя не ожидала.

— Пойдем на физкультуру, — говорю я растерянно и разворачиваюсь в сторону лестницы.

— Эээ, может, прогуляем? — неожиданно предлагает он.

Я останавливаюсь и непонимающе смотрю на него.

— Ммм?

— Прогуляем физкультуру?

Я, наверно, смотрю на него целую вечность, широко распахнув глаза, и не могу подобрать слова.

— Это... совсем не ангельский поступок, — в итоге бормочу я.

Он смеется, и я чувствую, как где-то в районе солнечного сплетения стремительно разрастается клубок приятного тепла, вызванного именно смехом Ангела.

— Ну, так что скажешь? Согласна?

Он ждет моего ответа, и я киваю, но разумом понимаю, что мы не можем просто так взять и уйти. Ангел широко улыбается.

— Тогда пошли скорее, пока нас не заметил кто-нибудь, — говорит он.

Глава шестая

Мы переходим на спокойную ходьбу только тогда, когда сворачиваем с улицы, и школа исчезает из поля нашего зрения.

— Итак, — начинает Ангел, — почему сложилось так, что ты против всех?

Я молчу минуту, подбирая слова.

— Не всегда изгоями становятся те, кого отвергли, — наконец, отвечаю я. Я не смотрю на Ангела, но ощущаю на себе его внимательный взгляд. — Иногда люди сами отталкиваются ото всех, потому что... потому что в какой-то момент понимают, что не созданы для этого мира. Точнее, что этот мир не для них.

— Правдиво, — Ангел коротко кивает. — Значит, дело не во всех, а в тебе?

Я пожимаю плечами.

— У всех у них обостренное самолюбие, — ухмыляюсь я.

Ангел смеется.

— Согласен. Я в этой школе без малого три недели и уже жалею, что могу слышать. Иногда хочется стать глухим, потому что они болтают о реально всякой чуши!

— О да. Это они умеют делать лучше всех...

Между нами застревает ловкая тишина, которую разбавляют звуки проезжающих машин и шелест листьев, которых колышет холодный ветер. Я тяну рукава за края и натягиваю их на кулак.

— Я не люблю осень, — вдруг говорит Ангел. — Хотя осенью красиво.

Я смотрю на него и слабо улыбаюсь. Мне не нравятся все времена года, потому что они пусты, так же, как и моя жизнь. Ведь все зависит не от красоты мира в тот или иной сезон, а оттого, что происходит в это время. У меня ничего не происходит.

— Мне нравится весна, — добавляет он.

Я морщусь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Весной сплошная слякоть.

— Но зато все пробуждается после зимнего сна. Это, по-моему, прекрасно.

Моя улыбка становится шире.

— Теперь я больше уверена в том, что ты не вступишь в наш класс, — говорю я.

Он с любопытством смотрит на меня.

— Да? Почему? В смысле, я и так это знаю, но...

— Они не используют такие слова, как «прекрасно», «красиво». Они не знают, что такое вежливость. И уж точно они не говорят о том, какое время года им нравится. И не только наши одноклассники такие. Все люди... перестали быть людьми, — я низко опускаю голову и начинаю изучать асфальт.

— Я понимаю, почему ты не любишь их, — тихо говорит Ангел.

Я не сдерживаюсь и усмехаюсь.

— Не люблю? Это еще мягко сказано! Я их ненавижу, и это тоже мягко сказано, — я неуверенно смотрю на него. Он внимательно смотрит на меня, и в его глазах нет намека на

то, что он считает меня чокнутой, которая не может сдерживать свои эмоции. Но я могу! Просто, когда он рядом, это, почему-то, становится сложнее. — Такое чувство, будто все самые безмозглые кретины этого мира собрались в этой школе, в этом классе, и неудачное стечение обстоятельств и моя врожденная везучесть, — я изображаю пальцами кавычки, — привели меня к ним. Но я совсем не похожа на них, — я делаю громкий выдох, когда заканчиваю свою пылкую речь.

— Что ж, они заслуживает того, что ты так думаешь о них.

— Только такой от этого толк... Они все равно меня не слышат. Никто меня не слышит. Даже родители, — и тут я понимаю, что начинаю говорить лишнее. Просто, столько времени молчать, потому что нет достойного собеседника, и спустя долгое количество времени он вдруг появляется, и мне трудно сдержаться. — Я просто ненавижу их. И всех людей, потому что они заслуживают этого. Потому что они злы, они обманывают, они высмеивают других, они жестоки... Они совершенно не умеют слушать. Они безвольны, не имеют собственного мнения. Я могу продолжать бесконечно.

— Да, — кивает Ангел. — Я тебя понял. Люди злы. Действительно злы, и у меня не хватит слов, чтобы описать, как я ненавижу их.

Я не сомневаюсь, что он говорит искренне. Ангел не тот, кто будет лгать. Теперь я в этом безоговорочно уверена.

— А ты? — я обращаю на него свой отчаянный взор. — Почему ты их ненавидишь?

— Из-за того же, что и ты. Плюс к этому, люди имеют плохую привычку уходить и не возвращаться. А мой главный минус в том, — он грустно вздыхает, — что я продолжаю ждать их, даже если понимаю, что это бесполезно.

Я хмурюсь и вопросительно смотрю на него.

— Я любил этот мир и все, что в нем есть, — говорит Ангел, но я сомневаюсь, что он здесь, со мной, потому что его туманный взгляд говорит о том, что он далеко в своих воспоминаниях. — Я любил людей и все их недостатки. Тогда я еще мог видеть в них хорошее. До тех пор, пока однажды со мной не случилась беда.

Он набирает в легкие воздух и начинает свой рассказ.

— Я рос живым и очень активным ребенком. Мама и папа всегда удивлялись, откуда у меня берется столько энергии, — Ангел тепло улыбается. — Я, как и все мальчишки, хулиганил и совершал много ужасных проделок, из-за которых мне часто попадало дома. Но я не унывал. Я знал, что жизнь прекрасна, и все в ней такое же красивое и веселое. Можно сказать, что смыслом моей жизни был футбол. Я не мог прожить и дня без мяча. Постоянно в движении. Я не умел сидеть на месте.

Я представляю себе картину, где Ангел, маленький мальчишка с растрепанными волосами и весь чумазый, гоняет мяч во дворе с другими ребятами. Это неосознанно вызывает у меня улыбку, которую я прячу, опустив низко голову.

— Однажды все рухнуло, — голос Ангела становится мрачным. — Как карточный домик. Так легко... — он делает паузу. — Три года назад, двадцатого августа, я, как обычно, играл днем в футбол во дворе. И мяч улетел на дорогу. Я побежал за ним, так как был к дороге ближе всего. Я не был невнимательным и знал, что нельзя выходить на дорогу. Но она была пуста и, честно говоря, я совершенно не думал об опасности тогда, — Ангел горько усмехается и чешет затылок. — Дорога была пуста. Мяч лежал у канализационного люка. Я взял его в руки, и... — его голос резко обрывается, и он громко сглатывает. Я смотрю на него, насупившись от тревоги. — Я не ожидал, что может что-то случиться. Из-за угла резко

выехала черная машина. Я растерялся. Я не знал, что делать, потому что машина ехала очень быстро. Все, что я слышал, это скрип шин. А затем я крепко зажмурил глаза, и все оборвалось.

— О Боже... — шепчу я, потрясенно прижимая руку ко рту. Я понимаю, что начинаю идти очень медленно.

— Водитель скрылся на месте, — слышу я надломленный голос Ангела. — А я долгое время пролежал в больнице. У меня было куча травм. Перелом двух ребер, ушибы и растяжения, сильное сотрясение головы и открытый перелом правой ноги, — я жмурюсь, потому что не могу слышать подобное. Мне становится жутко, и я чувствую знакомый приступ тошноты. — Процесс выздоровления занял очень много времени, и, как видишь, не до конца. Врач сказал, что я никогда больше не смогу играть в футбол. Он разрушил мою мечту, смысл моей жизни. Я представлял, что в будущем стану профессиональным футболистом. Но что в итоге? Хромой и с жутким шрамом на лице, который никогда не исчезнет. И воспоминания тоже не уйдут.

— Мне жаль, — мой голос дрожит.

Ангел обращает взгляд на небо, затянутое плотными свинцовыми тучами.

— Мой ангел-хранитель меня подвел, — горько усмехается Ангел.

Я выдавливаю измученную улыбку в ответ, хотя в сердце ощущаю только острую печаль.

— Я потерял всех своих друзей, потому что им не нужно было дружить с калекой, — Ангел возвращается к своей истории. — Сначала они навещали меня в больнице, приносили фрукты и делились со мной всем, что с ними происходило. Но больше всего меня задевало то, что они говорили о футболе. Я таил в себе обиду, потому что они могли в него играть, а я нет. Больше нет. И никогда не смогу из-за своей хромоты.

Я смотрю на его правую ногу, и на глаза наворачиваются слезы.

Слезы...

Я давно не плачу. Наверно, с прошлого года. В последний раз я проливала слезы, когда мои одноклассники решили протестировать на мне свой очередной до жути смешной прикол. Только мне тогда было не смешно, и вспоминать об этом даже сейчас больно.

— Время шло. Я не ходил в школу какое-то время. Я перестал быть интересным для других, и все стали забывать меня. Я остался один. Без друзей. Меня поддерживали только родители. И я не устану благодарить их никогда, потому что они не оставляли меня, потому что они заставляли чувствовать себя еще кому-то нужным.

Мой подбородок дрожит, сердце разрывается от сочувствия.

— Я перестал общаться с теми, кого считал своими друзьями. Точнее это они перестали со мной общаться, — Ангел засовывает руки в карманы брюк и смотрит вперед. — Какое-то время я сидел дома, но мне хотелось быть среди людей. Во мне все еще билось желание любить этот мир, хоть он сыграл со мной злую шутку. Я вернулся в школу, но все оказалось совсем не таким, каким я ожидал... как я хотел, чтобы все было. Со мной не разговаривали. Меня игнорировали. На меня смотрели, как на чужого, и я копил в себе обиду от непонимания. Я думал, что попал в ад. Но ад был только впереди.

Ангел поворачивается боком, пропуская полную женщину с тяжелыми пакетами.

— Начались шутки, сначала с, казалось бы, добрым подтекстом, а потом превратились в жестокие приколы. И это делали те, с кем я дружил, с кем играл в футбол и кого уважал. Они в один прекрасный момент превратились в моих врагов. Я долго переживал, и больше всего мне было жаль родителей, а не себя, потому что они страдали вдвойне, глядя, как их

ребенок, калека, разочаровывается в жизни.

Ангел смотрит на меня и тихо говорит:

— Поверь, я знаю, что люди могут быть жестокими и злыми. Я пережил все это. У меня было время, чтобы осознать это и решить для себя, что я лучше буду один, чем стану общаться с такими людьми, как мои бывшие друзья, — он делает глубокий вдох и невесело улыбается. — К сожалению, их больше, чем я ожидал. Прошло три года, но все осталось прежним. Те же шутки, издевательства, косые взгляды... — говорит Ангел. — Изменились только игроки. И то, что с их стороны стало меньше сочувствия и больше необъяснимой злобы.

Я впитываю каждое его слово и понимаю, что ему реально пришлось нелегко. И у него были веские причины, чтобы возненавидеть людей и этот мир. Я смотрю на него и не могу представить, как он прошел через весь этот ад, что свалился на него. Я мысленно ставлю себя на его место и понимаю, что не смогла бы выбраться из той черноты. Я бы сломалась и никогда не смогла восстановиться. Я бы сдалась.

— А потом мы переехали, — немного повеселевший голос Ангела вытаскивает меня из раздумий.

— Ты родился не здесь? — спрашиваю я.

— В Москве, — кивает он.

— Ого.

— Санкт-Петербург гораздо красивее, — улыбается он. — И здесь меньше... суеты, что ли. Этот город обладает необычной атмосферой. Ты не замечала?

Я неуверенно пожимаю плечами.

— Я думаю, это лучшее место на планете. Оно идеально для тех, кто любит спокойствие во всем. Кто ценит красоту.

Мы молчим какое-то время. Ангел думает о чем-то, а я перевариваю в голове его грустную историю.

— Я думаю, что в человеке что-то умирает, когда он теряет друзей, — говорит он.

— Тогда в тебе умерло много, — грустно констатирую я.

— Но, потеряв это, я обрел новое, — Ангел снова улыбается, на этот раз тепло и без тени печали. — Ты абсолютно права. Люди лгут, предают, изменяют, толкают тебя в пропасть. Они обязательно появятся в нашей жизни в виде испытаний. Они будут использовать, обманывать, делать жизнь по-настоящему несносной. Но я верю, что появятся и такие люди, которые будут любить до такой степени, что с легкостью сумеют затмить всю боль, залечить раны, которые оставили другие.

— Возможно, ты прав, — бормочу я задумчиво.

Через минуту Ангелу звонят. Он достает свой телефон с большим экраном.

— Привет, пап, — говорит он.

Молчание. Ангел быстро смотрит на меня и тут же отводит взгляд.

— Хорошо. Пока.

Он убирает телефон.

— Кажется, мне пора домой.

Я улыбаюсь ему, хотя внутри чувствую тяжесть. Мне не хочется уходить, я хочу говорить с ним, задавать ему вопросы и слышать на них ответы. Мне хочется знать о нем все. Абсолютно.

— Мне тоже уже пора, — говорю я.

— Здорово поболтали. Правда, — говорит Ангел.

— Ага.

Мы прощаемся, и я иду домой, а Ангел остается на месте ждать своего папу.

На следующий день в пятницу Светлана Александровна, как только мы с Ангелом появились в кабинете русского языка, подходит к нам, и выражение ее лица, настороженного и сердитого, мне не нравится.

— Почему вы ушли вчера с физкультуры? — спрашивает она.

Я смотрю на нее в упор, а ее взгляд метается от лица Ангела к моему лицу. Я растеряна, и мне нечего сказать. Точно. Я совсем не подумала вчера, когда мы уходили с физкультуры, о том, что учительница обо всем узнает.

От волнения у меня ускоряется сердцебиение, и ладони становятся влажными. Я метаю испуганные взгляды в сторону Ангела, который, в отличие от меня, кажется собранным и спокойным.

— Я... упал вчера и разбил нос, — произносит он сначала неуверенно, а потом расправляет плечи и выпрямляет спину, и голос его звучит иначе. — Августа отвела меня до медпункта, и мы хотели идти в спортзал, но у меня заболела голова, и я попросил ее, — его мимолетный взгляд касается меня, а затем снова возвращается к учительнице, — проводить меня домой.

Светлана Александровна, поджав губы, смотрит на него, а затем вздыхает.

— Хорошо, — говорит она, и я думаю, можно ли мне уже вздохнуть с облегчением. — Но вы должны были предупредить меня, или Бориса Владимировича.

Ангел энергично кивает и искривляет губы в нелепой, но очаровательной виноватой улыбке.

— Простите, такого больше не повторится.

— Я тебе верю, — лицо учительницы смягчается. — Как ты себя сейчас чувствуешь?

— О, все хорошо, спасибо, — вежливо отвечает Ангел.

Я отворачиваюсь, чтобы скрыть улыбку и как раз звенит урок. Когда учительница отходит от нас, я поворачиваюсь, и мы с Ангелом обмениваемся улыбками.

На перемене после второго урока мы идем в библиотеку. Я снова беру журнал и делаю вид, что увлечена чтением.

— У Егора бронхит, — говорит Ангел.

Я поднимаю голову и смотрю на него.

— О, — все, что произношу я в ответ.

Я не могу посочувствовать в той степени, в которой сочувствует Ангел, потому что Егор не является моим другом.

На этом наш разговор заканчивается.

Весь день я вспоминаю, о чем мы говорили с ним вчера. Делает ли одна беседа нас друзьями? И интересно ли Ангелу со мной так же, как с Егором? А что будет, когда Егор вернется в школу? Будем ли мы с Ангелом общаться?

Еще несколько дней назад я была другого мнения. Я была уверена, что никогда не сумею подружиться с Ангелом, что я не хочу с ним дружить. Всю свою сознательную жизнь у меня не было друзей. И тут появляется он. Как мне себя вести? Глупо, конечно, делать

какие-либо выводы после одного нормального разговора, но все внутри меня странно бурлит.

Каждому человеку хочется быть кому-то нужным. Раньше я это рьяно отрицала, считала себя независимой и сильной. Но теперь же понимаю, что я как раз-таки больше всех нуждаюсь в человеке, способном поддержать меня. Мне нужен друг.

Ангел. Сможет ли он стать тем, кому я смогу безоговорочно доверять? С кем я смогу говорить обо всем на свете и не беспокоиться, что он станет высмеивать меня за спиной? Доверять так сложно, особенно, когда живешь среди тех, кто постоянно лжет и лицемерит.

— Ты здесь? — слышу я отдаленный голос Ангела. А секунду спустя вижу, как он машет рукой перед моими глазами.

— Что? — лепечу я растерянно.

Он широко улыбается, у него идеальные ровные зубы, как у тех людей, которые обожают посещать стоматолога.

— Ты летаешь в облаках.

— Просто задумалась, — я пожимаю плечами и оглядываюсь.

Как я пропустила тот момент, когда пришла в класс истории?

— Если постоянно думать, то можно и умереть от нервного срыва, — усмехается Ангел. — Мысли способны убивать, особенно, когда их много.

— Я не часто думаю.

— Часто. Поверь мне. Ты всегда думаешь. Дай своему мозгу немного отдохнуть.

Я тихо ухмыляюсь и наклоняюсь, чтобы достать из рюкзака учебник по истории и тетрадь. Затем, когда выпрямляюсь, ловлю на себе внимательный взгляд девочке. Камилла, Света, Алина и Наташа стоят кружком у дверей кабинета и смотрят в мою сторону. Они видят, что я заметила их, но не отворачиваются. Я не собираюсь отводить взгляд и смотрю на них. Первой сдается Камилла. Она, как и всегда, выглядит безупречно, и я бы непременно завидовала ей, если бы еще помимо красоты она имела хоть какие-то мозги. Камилла наклоняется в кружок и что-то говорит остальным девочкам, а затем они начинают хихикать. Я закатываю глаза и отворачиваюсь.

Мы пишем тест по истории.

Благодаря тому, что у меня есть свободное время, которое все остальные тратят на прогулки с друзьями, я на все вопросы отвечаю правильно, и у меня единственная пятерка в классе. Конечно же, все начинают возмущаться. А что они хотят? Ничего не учить и получать хорошие оценки? Ну, так они не в сказку попали. Я, чтобы получить пять за коротенький тест по истории, в котором девять вопросов, читала и конспектировала параграфы чуть ли не до полуночи несколько вечеров подряд.

У Ангела четверка, но он ничуть не расстроен. Он единственный, кто порадовался, что я получила пятерку.

— Ты будешь сдавать историю на экзаменах? — спрашивает он, когда мы последние выходит из кабинета.

В школьных коридорах всегда так шумно, и я морщусь.

— Не знаю, пока не решила, — отвечаю я.

— Как? — искренне удивляется Ангел.

Я пожимаю плечами.

Я стараюсь не думать о предстоящих экзаменах в конце этого учебного года. Я стараюсь не думать о том, что буду делать дальше. Уйду учиться в какой-нибудь техникум, или

останусь в школе? Перспектива уйти после девятого класса кажется соблазнительной, потому что в таком случае я больше никогда, возможно, не увижу своих одноклассников. Но я не знаю, в какой техникум идти. Я не знаю, какую профессию хочу получить. Мои родители настаивают, чтобы я училась одиннадцать классов, но я не уверена, смогу ли потянуть. Хотя бы причина в том, что я стопроцентно завалю алгебру и геометрию. Но я так же знаю, что мама подыскивает мне хорошего репетитора. Она сделает все, чтобы подтянуть меня по этим предметам. Но даже если предположить на секунду, что я все-таки сдам математику, я по-прежнему не знаю, хочу ли учиться одиннадцать классов.

Все так сложно.

— А ты решил, что будешь сдавать? — спрашиваю я, когда мы подходим к библиотеке.

— Физику и химию, — отвечает Ангел.

Я морщу нос. Брр.

— Ненавижу физику и химию, — говорю я.

— Да, — смеется Ангел, — я это уже понял.

Сегодня в библиотеке не пусто. Там сидят первоклашки и несколько второклашек. А с ними их учителя. Библиотека, когда в ней кто-то есть, кроме меня, или Ангела и Егора (к их присутствию я отношусь более-менее спокойно) больше не кажется мне местом, где я могу спокойно провести перемену. Даже если здесь сидят дети, которые не знают меня, и им неважно, кто я в этой школе.

— Ты бы могла сдать литературу и, к примеру, английский, — говорит Ангел, проходя к самому дальнему столу библиотеки, за которым мы сидим обычно.

Я медленно иду за ним и поглядываю на шумных детей.

— Или историю и обществознание, — предлагает он. — Многие будут сдавать обществознание, потому что это легко.

— Все предметы легкие, если ты знаешь их, — говорю я.

— Ну, так-то да.

— Кто кроме тебя будет сдавать физику и химию? — спрашиваю я.

Ангел усмехается.

— Сложный вопрос. Никто, наверно.

— Да. Потому что это противные и нереально сложные предметы.

Он смеется.

— Мне нравится химия, но физику я просто обожаю!

Я изображаю, как меня тошнит, и Ангел смеется громче.

— Физику я еще хоть как-то понимаю, — вздыхаю я, — а вот химию... Но хуже этого может быть только алгебра и геометрия. Я так далека от точных наук.

— У тебя гуманитарный склад ума.

— Ага. А ты прекрасно ладишь как с устными предметами, так и с точными науками.

— У меня было время, чтобы полюбить все предметы, — тихо усмехается Ангел.

Я поджимаю губы и думаю, как бы быстро перевести тему. Но проблему решает звонок.

— Они могли бы сделать перемены длиннее, — жалуется Ангел и выходит из-за стола.

Я вздыхаю.

— Не могу не согласиться.

Когда уроки заканчиваются, я выхожу из школы, и следом за мной идет Ангел.

— Ты от меня так просто не отвяжешься, — весело говорит он мне, когда я, услышав его, останавливаюсь и жду. — И я только что разговаривал с Галановым.

Мое лицо вытягивается от удивления и, кажется, даже бледнеет. И Ангел замечает это и спешит меня успокоить.

— Все нормально. Он просто извинился.

Я выпячиваю глаза.

— Что он сделал?! — то, что я начинаю кричать, выходит непроизвольно.

Все, кто находится в радиусе нескольких метров, поворачиваются в нашу сторону.

— Извинился, — повторяет Ангел.

Я борюсь с желанием рассмеяться, потому что это звучит неправдоподобно.

— Это невозможно, — я качаю головой. — Галанов никогда и ни перед кем не извиняется.

— А передо мной извинился, — Ангел натягивает на лицо широкую улыбку. — Ну, точнее, он извинился не по собственной воле. Я заставил его сделать это.

— Как? — мое удивление растет с геометрической прогрессией.

— Сказал, что если он не попросит прощения, то я расскажу всем правду.

— Ого... А он что?

— Сначала угрожал, а потом извинился, но не при своих друзьях. Мы отошли в сторону, где он еле слышным шепотком сказал, что не хотел ставить мне подножку и так далее и тому подобное, — Ангел закатывает глаза.

Я потрясенно качаю головой.

— Сначала, конечно, он назвал меня стукачом и девчонкой, что я не умею держать язык за зубами и разобраться с ним по-мужски, — рассказывает Ангел. — А я ему сказал, что он мне не друг, чтобы я покрывал его. В общем, слово за слово, и мы во всем разобрались. Без кулаков. Дипломатия и шантаж рулят.

Я улыбаюсь и думаю про себя, что он невероятный.

— А еще я сказал, чтобы он больше не лез к нам, — добавляет Ангел. — Никаких шуток в нашу сторону. Никаких бранных слов. Никаких приколов.

— И он тоже послушал тебя? — верится мне с трудом.

— Куда денется! У меня есть на него компромат, так сказать.

Я вопросительно вскидываю брови.

— Это долгая история.

— Не хочешь рассказывать?

— Настоящий профессионал никогда не раскрывает свои карты, — подмигивает Ангел.

Я не могу обидеться, потому что мы еще не перешли к стадии друзья-на-век. Не хочет говорить — его дело. Я все равно потрясена тем, что он сумел выбить из Галанова извинения и еще путем шантажа заставить его отстать от нас. Разве этот человек не удивительный?

— Так что о нападках со стороны Галанова ты можешь навсегда забыть, — заверяет меня Ангел.

— Спа...спасибо? — неуверенно благодарю я.

— Всегда пожалуйста, — он наклоняется передо мной в шуточном поклоне, как это делали в восемнадцатом веке, и я смеюсь.

Мы идем прогулочным шагом домой (Ангелу ведь в мою сторону) и едим шоколадное мороженое в вафельном рожке.

— Мне больше нравится фисташковое, — говорит Ангел.

— Почему тебя зовут Ангел? — спрашиваю я. — Это... необычное имя.

— Шутишь? — хрюкает он, когда усмехается, и я начинаю хихикать. — Мои родители — чудаки! Вот назови мне хоть одних нормальных родителей, которые додумаются назвать своего ребенка Ангелом! Но я все равно люблю их, какими бы сумасшедшими они ни были.

Я смотрю себе под ноги и думаю о своих родителях. Думаю, никогда не настанет момент, когда я буду отзывать о маме и папе с такой же теплотой в голосе, как Ангел. Я не знаю его родителей, но по его словам, они замечательные. А мои? Постоянно на работе, я почти не слышу от них похвалы, постоянные обвинения. Могли бы сделать скидку, что у меня больное сердце, и хоть как-то проявить сочувствие. Воспоминание о недавних слезах мамы все-таки дает мне надежду, что они не потеряны для меня.

— Кто твои родители? — спрашиваю я тихо.

— Мама домохозяйка, а папа работает в крупной фирме заведующим отделом маркетинга, — отвечает Ангел. — Отцу пришлось из-за меня поменять место работы. Мы ведь жили в Москве, и там он получал больше денег, чем здесь. Да и место ему нравилось... Но мама настояла на переезде, потому что видела, что мне нелегко находиться там, где все напоминает об аварии, и где я постоянно натываюсь на своих бывших друзей. Папа согласился. Мой старик классный.

— Повезло, — шепчу я.

— А твои?

— Бухгалтеры.

— Оба?

— Оба. Постоянно пропадают на работе, — я затыкаюсь, так как не уверена, что стоит продолжать.

— Ты редко видишься с ними, — это он говорит утвердительным тоном, а не вопросительным.

Я вяло киваю.

— И все же, почему тебя решили назвать Ангелом? — возвращаюсь я к изначальной теме.

— Когда мама родила меня и впервые увидела, она сказала, что я ангел. Ну, а потом ей в голову пришла идея именно так меня и назвать. Ангел, — он ухмыляется и откусывает кусочек рожка. — Ты не представляешь, сколько проблем у меня было из-за имени, — он начинает смеяться. — И мои новые одноклассники далеко не оригинальны в своих шутках. Их я слышал еще задолго до нашего знакомства.

— Дай-ка угадаю, у тебя были клички.

— В десятку! Я все не помню, но каждый звал меня по-разному.

— Например?

— Гелик...

— Гелик? — перебиваю я, смеясь.

Ангел улыбается и кивает.

— Кто-то так и звал: Ангел. На самом деле, кличек было много.

— Ты не стыдишься своего имени, — говорю я.

— А чего стыдится? У меня особенное имя, и я горжусь этим, — он говорит это твердо и уверенно, и я ни на секунду не сомневаюсь в его серьезности. — Быть таким, как все скучно, — Ангел доедает свое мороженое и громко хрустит, что это невольно вызывает у меня очередной смешок. Что-то я слишком много улыбаюсь в последнее время. — Нужно этому миру хоть что-то оригинальное! Иначе сума сойти можно от однообразия лиц и поведения!

— И поэтому появились мы — изгой, — вяло констатирую я. — Для забавы мира.

— Да. Именно, — охотно соглашается он, энергично кивая. — Вот я, Ангел, а ты Августа. У тебя тоже оригинальное имя.

— Ненавижу свое имя, — морщусь я.

— А зря, — Ангел смотрит на меня сверху-вниз. — Мы особенные, и я не стыжусь этого. Мне нравится, как меня зовут. Это необычно.

— Имя подчеркивает своего обладателя, — бормочу я с мороженым во рту.

И только потом я понимаю, что сказала это вслух.

— Ты считаешь меня необычным? — искренне удивившись, спрашивает Ангел.

Мои щеки становятся красными, и я смущенно опускаю голову.

— Угу, — мямлю я едва слышно.

— Надеюсь, это не плохо, — нервно усмехается он.

И я резко поднимаю взгляд. Его слова, по какой-то необъяснимой причине, обижают меня.

— Я никогда не считала тебя плохим, — говорю я чересчур воодушевленно, но ничего не могу с собой поделать. — Наоборот, я... — мне нужно набраться смелости и сказать это. Почему так сложно? Я не собираюсь произнести ничего сверхъестественного... наверно. — Я никогда не встречала таких хороших людей, как ты.

Ангел молчит какое-то время, и я теряюсь в догадках, о чем он думает?

— Спасибо, что так думаешь, — говорит он. — И, кстати, если хочешь знать, я тоже считаю тебя хорошей. Правда.

Неосознанно на моем лице расплзается улыбка. Ангел улыбается в ответ, и от этого мне становится вдвойне приятнее.

— Спасибо, — шепчу я. — Мне никто не говорил о том, что я хороший человек... что я вообще человек, — на меня наваливается грусть, и я отвожу взгляд в сторону. — Мне приписывают другое название. Изгой, — невеселый смешок слетает с моих губ.

— Конечно, — фыркает Ангел, — изгой же не являются людьми. А я и забыл...

Я хихикаю, и Ангел начинает смеяться. Потом смеюсь я. Мы смеемся вместе.

— Правда, Августа, — я глупо вздрагиваю, когда он называет меня по имени, — я рад, что сумел найти такого друга, как ты.

Я спрашиваю себя, друзья ли мы?

И что вообще такое дружба? Настоящая дружба, которую я всю жизнь считала мифом. Почему мифом? Потому что такую дружбу, которую я вижу постоянно у других людей, я не считаю настоящей.

По-моему дружба — это когда людям не нужно меняться, чтобы понимать друг друга. А вокруг одно притворство...

Но Ангел не похож на остальных. Он действительно особенный. И его необычное имя подходит ему, как никогда. Он настоящий. Он не боится своих эмоций, он не боится давления общества, он не похож на того, кто будет претворяться, чтобы угодить другим.

Он может стать тем, кто подарит мне настоящую дружбу. С таким другом, как он, мне не страшно пустить это чувство в свое сердце. Мне не страшно довериться.

Поэтому на вопрос, друзья ли мы с Ангелом, я отвечаю да.

Мы друзья.

— И я, — отвечаю я запоздало.

Я слишком долго смотрю на него, и чтобы отогнать неловкость, которая уже прокрадывается в нашу атмосферу, отвожу взгляд в сторону.

Глава седьмая

В воскресенье в два часа дня я собираюсь на прогулку. С Ангелом.

Моя первая вылазка из дома не в одиночестве.

Сначала я битый час стою и думаю, что надеть. Большинство вещей из моего гардероба черного цвета, и почему-то только сейчас мне это кажется действительно угнетающим. Мне хочется других оттенков.

Я очень волнуюсь, и из-за этого у меня болит сердце. Но я выпила таблетку, так что, думаю, во время прогулки со мной ничего страшного не случится.

После изнурительных раздумий я выбираю простые джинсы и темно-сиреневую кофту.

Когда я выхожу из комнаты, у меня на пути появляется мама. Она удивленно смотрит на меня, а затем спрашивает:

— Куда собралась?

— Гулять, — отвечаю я.

Она вздыхает.

— Снова одна, — и это звучит не как вопрос. — Слушай, я не хочу, чтобы ты гуляла одна. И дело не только в том, что тебе пора с кем-нибудь подружиться... — она поджимает губы и тихо добавляет: — Причем давно пора, — затем начинает говорить громче. — Я волнуюсь за твое здоровье.

Мои брови удивленно ползут вверх, но я молчу.

— Вдруг, тебе снова станет плохо, а рядом никого не окажется, — ее голос суров и холоден, но в глазах плескается искреннее беспокойство.

— Ничего не случится, — говорю я.

— Ты не можешь быть уверена в этом. И никто не может.

Я вздыхаю и закатываю глаза.

— Я иду гулять не одна, — признаюсь я.

— О... правда? — я не понимаю, недоверие это, или изумление.

— Правда.

Мама тут же оживает, и я впервые вижу улыбку на ее лице такой легкой и доброй.

— С кем идешь? — интересуется она.

— Устроишь допрос с пристрастием позже, — бормочу я, глядя на настенные часы. — Я опаздываю.

И я мчусь в прихожую, мама бежит за мной.

— Когда будешь дома? — она прислоняется к стене и скрещивает руки на груди.

— Вечером, — отвечаю я. — Как обычно.

— Ладно. Хотя бы имя назови того, с кем идешь, — вздыхает она.

— Ангел, — говорю я.

— Что?

— Ангел. Это имя того, с кем я иду гулять, — я выпрямляюсь, когда заканчиваю завязывать ботинки, и тянусь к куртке.

Я вижу недоумение на лице мамы и усмехаюсь.

— У нас новенький в классе, — поясняю я. — И его зовут Ангел.

— Серьезно? — мама растерянно улыбается.

Уау. Две улыбки за несколько минут — это что-то за рамки вон выходящее!

— Да.

— Значит, это мальчик? — уточняет она.

Я издаю раздражительный стон и киваю. Мама смеется, но у меня нет времени, чтобы лезть от этого на стену от удивления.

— Закройся за мной, — говорю я и выскакиваю в коридор.

— Только осторожно! — кричит мне мама вслед, когда я уже преодолеваю один лестничный пролет.

Мы встречаемся на перекрестке улиц проспекта Королева и Долгоозерной. Когда Ангел замечает меня, то начинает махать рукой. На нем джинсы и куртка. Темные волосы забавно торчат в разные стороны. Я улыбаюсь, когда иду к нему.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — отвечаю я.

— Сегодня прохладно, — жалуется он и вздыхает. — Куда пойдём?

Я пожимаю плечами.

— А куда ты обычно ходишь гулять?

Я поджимаю губы.

— Ты же не сидишь все время дома? — он ожидающе смотрит на меня. — О, Господи, только не говори, что ты...

— Есть одно место, — произношу я неуверенно.

Но это только мое место. И я никогда никого туда не приводила. Но ведь Ангел — это не все. И я могу показать ему, где чувствую себя в безопасности. И я уверена, что это место понравится ему, потому что оно не может не понравиться.

Мы идем туда пешком и разговариваем обо всем, в прямом смысле, обо ВСЕМ. И с ним мне так легко говорить, как будто мы дружим уже много-много лет. И это очень приятное чувство. Я не ощущала себя так комфортно рядом с кем-то, как с Ангелом.

— У меня нет определенного любимого жанра, — отвечаю я на вопрос о том, какие фильмы я люблю смотреть. — Я смотрю то, что нравится. Но все же больше, наверно, склоняюсь к ужастикам.

— Ужастики, — довольно повторяет Ангел. — А я обожаю смотреть документальные и научные фильмы.

— О. Ух-ты.

— Еще мне нравятся фильмы, типа «Однажды эта боль принесет тебе пользу», «А в душе я танцую», «Человек дождя», «Пока не сыграл в ящик», «Пролетая над гнездом кукушки», «Обыкновенные люди».

— Мне нравится «Пока не сыграл в ящик», — говорю я, потому что это единственный фильм из перечисленных им, который я смотрела.

— А! Еще «Адвокат дьявола», «Изгой»...

— Изгой, — повторяю я сама себе. — Это про то, где мужчина выживал один на острове и разговаривал с мячом?

— Ага. Бедняга.

— Ну, я бы лучше разговаривала с мячом на острове, чем общалась с теми, с кем учусь в одном классе.

Ангел понимающе улыбается.

— Что тебе нравится из ужастиков?

— Ну, эмм, я больше люблю фильмы, снятые до 2000-ых. Мне кажется, тогда умели снимать ужастики. Особенно «Живая мертвечина», — я кривлюсь, вспоминая кадры из этого кино. Я помню, что мама запрещала мне смотреть его, но я все равно посмотрела... и поняла, что надо было послушать маму. — Ты смотрел?

— Нет.

— И не надо.

Он усмехается.

— Да, название жуткое.

— Хотелось бы мне стереть из памяти это кино, — признаюсь я, смеясь.

— Что? Так ужасно? — Ангел криво улыбается.

— Не то слово.

— Черт. Теперь я просто обязан его посмотреть.

— Этот фильм уничтожит все твои нервные клетки.

— Уверен, я справлюсь.

Мы обмениваемся улыбками.

— Ты слышала о Стивене Хокинге? — спрашивает Ангел.

Я хмурюсь и говорю:

— Гму, ну, это, вроде ученый?

— Да. Английский физик, космолог и немножко мечтатель, — он усмехается. — Гениальный человек, но он не Эйнштейн, — усмешка превращается в улыбку. — Я люблю его, но не как Эйнштейна. Но моя любовь к Эйнштейну далека от той, которую проявляет Егор к нему, — улыбка становится шире. — Мне нравятся документальные фильмы Хокинга. Смотрела когда-нибудь?

— Я смотрела фильм о нем, его еще играл Бенедикт Камбербэтч. Он еще играет Шерлока Холмса.

— Да-да. Я знаю, — кивает Ангел.

Какое-то время мы разговаривает о Стивене Хокинге. Ангел выражает свое уважение к тому, чем занимается этот человек, но признается, что не хотел бы оказаться на его месте, во-первых, потому, что Стивен Хокинг болен боковым амиотрофическим склерозом (попростому, парализован); во-вторых, иметь такой интеллект, как у него, проблематично, потому что, если не справиться со всей этой информацией, то можно запросто сойти с ума, поэтому лучше ограничить свои знания, хотя, опять же, знание — сила (это рассуждения Ангела).

Но Эйнштейна Ангел все равно любит больше.

Из фильмов, созданных этим ученым, Ангелу нравится «Великий замысел: Создал ли Бог вселенную?». Он рассуждает о Господе, и я думаю, мало, кто способен говорить об этом с таким интересом, как он. И мало кто может слушать так, как я.

— Так ты не веришь в Бога? — спрашиваю я.

— Я атеист наполовину, — с улыбкой отвечает Ангел.

— Как это?

— Я целиком и полностью верен науке, но не отрицаю существования Всевышнего, потому что на свете есть такие вещи, которые не поддаются логическому и научному объяснению. Есть что-то необыкновенное, и это может являться тем, что создал Бог. Возможно, через много-много лет этим необъяснимым вещам найдут ответы, которые полностью исключают возможность причастия Бога, а пока... пока что я думаю, что существует нечто Божественное.

— Твоя мама верит, раз назвала тебя Ангелом, — догадываюсь я.

— Да, — смеется он. — И она говорит, чтобы я меньше искал ответы и просто позволил себе поверить. Потому что, по ее словам, наша жизнь скучна и мрачна без волшебства.

— Может быть, твоя мама права.

— Она у меня замечательная, — кивает Ангел.

Потом мы начинаем болтать о книгах, которые он любит читать, и я замечаю, что половина пути пройдена. Ему по душе научная фантастика, а я не знаю, какой жанр мне нравится больше. В общем, ситуация та же, что и с фильмами. Я читаю помимо учебников то, что нахожу интересным, будь то даже книги, к примеру, по квантовой механике (хотя, конечно же, я никогда не стану читать о квантовой механике). Вот последняя книга, которую я брала в руки, называется «Ярмарка тщеславия» Уильяма Теккерея. Это было почти год назад.

Дальше разговор заходит о футболе, и я вижу, как сияют глаза Ангела, когда он говорит об этом.

— В начале своего дворового футбольного пути я был голкипером, — мы проходим мимо небольшого хозяйственного магазинчика, и Ангел засматривается на витрины. — Когда стал постарше, начал играл в роли полузащитника, и, наконец, все закончилось, когда я был нападающим. Ну, а вообще, я был то там, то тут, — он пожимает плечами.

Я задаю ему вопрос о том, кто его любимый футболист.

— Их несколько. Бэкхем, Роналдо, Торрес, из русских Акинфеев.

Я знаю только первых двух и Акинфеева.

— Из зарубежных футбольных команд я болею за «Реал Мадрид», а из русских за «ЦСКА».

Он смотрит на меня и смущенно улыбается.

— Видела бы ты себя сейчас со стороны, — говорит он.

Я растерянно моргаю и встряхиваю головой.

— Извини. Просто футбол не моя тема, — бормочу я.

— Понимаю, — вздыхает он. — Девчонки не любят футбол.

— Нет, не то, что я не люблю... Раньше я болела за «Зенит». Мой папа их преданный фанат. Был, — добавляю тише. Потом его с головой поглотила работа. — Со временем интерес к футболу остыл, в общем.

Он спрашивает меня, какие виды спорта мне нравятся. Я снова пожимаю плечами, и он начинает смеяться над этим.

— Ты уже почти все знаешь обо мне, а я о тебе только то, как тебя зовут, сколько тебе лет, и что ты независимая личность. Может, расскажешь что-нибудь о себе?

На выдохе я произношу протяжное громкое «Ууу», и Ангел снова смеется. Что я могу рассказать о себе? Моя жизнь неинтересна, в ней нет событий, которыми бы хотелось поделиться с кем-нибудь. Мои родители обычные заикленные на работе люди, которые редко уделяют мне должное внимание. Они, как и другие родители, обвиняют меня в том,

что я плохо знаю математику, и что я должна обязательно подтянуть предметы, которые мне ненавистны больше всего. Что еще... Про то, что окружающий мир для меня не более, чем декорации, среди которых я обязана СУЩЕСТВОВАТЬ. Но об этом, я думаю, Ангел уже знает.

— У меня порок сердца, поэтому я не могу ходить на физкультуру, — произношу я вслух свои последние мысли.

Ангел останавливается, и я вынуждена сделать то же самое. На его лицо черным по белому написано удивление. Я глупо улыбаюсь, потому что он реально выглядит нелепо.

— Ты сейчас бледнее снега, — говорю я.

— Порок сердца, — произносит он.

Я киваю. Вот примерно такое же выражение лица было у моей мамы, когда она узнала об этом диагнозе.

— Это не смертельно, так что переживать не из-за чего, — я равнодушно пожимаю плечами, хотя, на самом деле, болезнь доставляет мне неудобства, и продолжаю идти дальше.

Он тут же догоняет меня.

— Это же серьезно, — Ангел громко сглатывает и расстегивает замок куртки до уровня солнечного сплетения. — Как... ты живешь с этим?

— Точно так же, как ты со своей хромотой, — отвечаю я.

— Моя проблема меркнет перед твоей, — бормочет он растерянно.

— Да ерунда...

Он собирается сказать что-то еще, но я выбираю момент и опережаю его.

— Мы почти пришли, — объявляю я, когда мы останавливаемся перед дорогой.

Ангел переводит встревоженный взгляд с моего лица и смотрит перед собой.

— Мы у...

— Да, — киваю я, понимая, что он хочет спросить.

— Так это место находится на озере, — это он произносит так, словно обращается сам к себе.

— Да. Пошли.

Мы ждем, пока проедет машина, и переходим дорогу. Затем идем по тропинке, доходим до конца и сворачиваем с нее. Я веду его через деревья и вывожу к родному берегу с каменным холмом в центре.

— Теперь я на сто пятьдесят процентов убежден в том, что ты другая, — его голос сливается с сильным порывом ветра, и я едва слышу его.

— Почему? — спрашиваю я и поворачиваюсь к нему.

Он смотрит вдаль, на озеро.

— Потому что никто не сумел бы найти такое прекрасное место, как это, кроме тебя. Потому что они не заметили бы этой красоты и прошли мимо. А ты заметила. Здесь потрясающе. Правда.

Глава восьмая

Однажды утром я просыпаюсь и, как обычно, смотрюсь в зеркало. Я застываю, не могу пошевелиться. Я долго смотрю на человека в отражении, и до меня не сразу доходит, что это я. Со мной что-то не так. В моей внешности что-то изменилось, но в то же время все осталось прежним. Лицо... Изменения видны в глазах. Да. Они блестят. Никогда прежде я не видела, чтобы мои глаза так сияли. Странно. Отчего вдруг? Может, что-то не так с освещением?

С этой жизнью определенно становится что-то не так.

Все меняется.

Мир переворачивается с ног на голову прямо на моих глазах, и я имею к этому непосредственное отношение.

Потому что меняется моя жизнь. Потому что переворачивается мой мир, где я главный герой.

Начинается моя история, которая, как я всегда считала, никогда не начнется.

Место у меня внутри, которое называют душой (и я по-прежнему не до конца верю, что она может существовать), теперь наполнено не только пустотой. Там зарождается что-то новое, неизведанное, но заставляющее меня жить. Именно ЖИТЬ, а не существовать в качестве какой-то заблудшей тени.

Мы снова приходим на озеро в понедельник после школы. Сегодня третье октября, и погода просто прекрасная.

Я прохожу вперед, сажусь у валуна и снимаю куртку.

— Когда ты нашла это место? — спрашивает Ангел, присаживаясь рядом.

Я пожимаю плечами.

— Три года назад, по-моему, — говорю я. — Я просто гуляла, каталась на велосипеде, и оказалась здесь.

Ангел громко вздыхает и откидывает голову назад, подставляя лицо осенним лучам солнца.

— Это место навевает ощущение покоя, — говорит он.

Я киваю, хоть он и не видит этого.

— Поэтому мне здесь и нравится, — признаюсь я. — Потому что здесь я чувствую себя... в безопасности, — я неуверенно кошусь на Ангела и поджимаю губы. Могу ли я рассказывать ему об этом? Потому что это слишком личное... для меня. Но он поймет, я думаю. Он все понимает. — Весь мир, когда я здесь, становится второстепенным. Я ограждаю себя от него и просто отдыхаю.

— Душой и телом, — добавляет Ангел, не открывая глаз.

— Да.

— Ты часто здесь бываешь?

— Стараюсь приходить как можно чаще. Летом не проходила и дня, как я бывала здесь. Но учебный год лишает меня единственной возможности побыть вдали от всего, что угнетает.

Ангел затихает на целых десять минут. Я все это время смотрю на него с любопытством.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, когда он, вдруг, улыбается.

— Представляю, мечтаю, — говорит он, не открывая глаз.

— О чем?

Ангел пожимает плечами. Я не выдерживаю и усмехаюсь.

— Как так ты не можешь знать, о чем мечтаешь?

— Просто, — легко отзывается он. — Для того чтобы мечтать, не обязательно знать, о чем именно. Я просто представляю.

— Хмм, — только и тяну я задумчиво.

— Попробуй тоже, — советует он меня спустя еще одну бесконечную минуту тишины.

— Мечтать, не зная о чем? — я хочу произнести это с сарказмом, но не получается.

— Ага.

— И как я буду это делать?

— Очень просто, — он, наконец, открывает глаза и смотрит на меня. — Расслабься.

Я немного расправляю плечи, размышляя над серьезностью этой идеи, и делаю резкий выдох.

— Ладно. Расслабилась. Что теперь? — спрашиваю я.

— Закрой глаза, — его голос становится тише.

Я делаю то, что он говорит.

— А теперь просто представляй, — Ангел и вовсе переходит на шепот, который подхватывает легкий свистящий ветерок, но я отчетливо слышу его голос.

— Что представлять? — тем же шепотом уточняю я.

— Все, что угодно. Просто расслабься, — а шепот Ангела продолжает стихать, и вскоре вовсе растворяется в воздухе, как сахар в горячем чае.

Я долго молчу, вижу перед глазами разные картинки, которые, удивительно, действуют на меня расслабляюще. Представляя, я перемещаюсь в другие места, которые сами собой вырисовываются в моем сознании. И когда я открываю глаза и смотрю вокруг, все кажется мне другим. Появляются краски, которых раньше не было. И этот крохотный уголок Земли становится для меня по-настоящему волшебным.

— Это место просто создано для того, чтобы мечтать, — произносит шепотом Ангел.

Я смотрю на него. Он все еще сидит с закрытыми глазами.

Да, теперь я это понимаю.

— Ты ненавидишь того, кто сбил тебя? — тихо интересуюсь я.

— Не знаю, — честно отвечает Ангел и распахивает глаза. Он некоторое время смотрит на ясное небо, затем опускает взгляд. — Я думаю, то, что я чувствую по отношению к этому человеку, который сломал мне жизнь, и которого я ни разу не видел, сильнее ненависти.

— Что может быть сильнее ненависти?

— Смирение, прощение, сочувствие, — перечисляет он.

— Хочешь сказать, ты простил этого человека, смирился и испытываешь к нему сочувствие? — недоверчиво спрашиваю я.

— Нет. Я никогда не смогу простить, но смириться — да. Я уже смирился. И да. Ему

можно посочувствовать. Представь, что он испытывает, зная, что, возможно, убил ребенка, то есть меня?

— Но он сам виноват в этом. Не нужно было уезжать, а помочь тебе.

Ангел ничего не говорит в ответ.

— Как ты понял, что смирился? — спрашиваю я.

Он пожимает плечами.

— Не могу объяснить. Просто в какой-то момент ты начинаешь отпускать боль, гнев и все сожаления. Нет, конечно, полностью это никуда не уходит, но жить все же становится проще.

Я вздыхаю.

— Не знаю, смогла бы я когда-нибудь смириться с этим.

— И не узнаешь, пока не переживешь, — спокойно говорит Ангел. — Но я не хочу, чтобы ты пережила это когда-нибудь. И никто другой. Это ужасно, поверь мне.

— Верю.

— Ты думал когда-нибудь о смерти? — спрашиваю я спустя минуту.

— О смерти? — его голос звучит удивленно.

— Ну, да, о смерти.

— Почему я должен думать о ней?

Я пожимаю плечами и закусываю нижнюю губу. Чувствую себя ужасно неловко, потому что это странный вопрос, но все равно жду ответа.

— Нет, — произносит Ангел неуверенно. — А ты?

— И я.

— Врешь.

Я напрягаюсь и стараюсь не смотреть на него.

— Если бы не думала, то не спрашивала бы меня сейчас об этом, — говорит Ангел.

Я закрываю глаза и вслушиваюсь в тяжелые удары своего сердца.

— Я думала, но не в смысле, что хочу умереть, — пытаюсь объяснить я. — Я просто думала о смерти. Что это такое? Как люди умирают? Что их ждет после? Есть ли та сторона? Рай? Или ад? Или после смерти наступает пустота? Может ли человек переродиться?

— Да. Мне тоже интересно знать это, — соглашается Ангел. — И... я думал об этом, — он переходит на шепот. Я немного склоняюсь к нему ближе, чтобы лучше слышать. Большие коричневые глаза Ангела смотрят прямо на меня. — О смерти. Своей. О том, что мог умереть тогда.

Я вздрагиваю и чувствую щемящую боль в груди.

— Я думал о том, почему выжил, — говорит Ангел. — Думал о том, что бы было, если бы я все-таки умер. И иногда я думал, что хотел бы... умереть.

Я пошатываюсь назад, слыша последние слова, и мои глаза округляются от шока.

— Ты хотел... умереть? — изумленно произношу я.

Легкий румянец касается его щек, и он не смотрит мне в глаза, когда кивает. Я медленно отворачиваюсь от него и начинаю глубоко дышать, потому что паника, смешанная с тревогой, застревает в горле, перекрывая доступ к кислороду.

Сердце ускоряет свой темп, и я начинаю чувствовать знакомую боль.

— Тебе тяжело это понять, — говорит Ангел измученным голосом, отчего мне становится еще больнее. — Я и сам себя не понимал, когда думал об этом.

— А сейчас? — я перевожу на него растерянный взгляд. — Сейчас ты думаешь о... том,

что хочешь умереть?

— Нет, — сразу отвечает он, и я верю ему. — Все стало налаживаться. Мысли о смерти посещали меня тогда, когда я не видел ни в чем смысла, когда все отвернулись от меня, и я думал, что все навсегда останется таким, каким оно было тогда. Но время залечило раны. Время изменило мой мир, оно изменило меня и привело туда, где я сейчас. Ты понимаешь? Сейчас все иначе. Я знаю, что все налаживается. Я начинаю снова видеть смысл. У меня есть друзья, — уголки его губ, подрагивая, приподнимаются. — Все по-другому.

Боль в сердце постепенно уходит, и я облегченно выдыхаю.

— Тебя это пугает? — спрашивает он неуверенно.

Я вопросительно смотрю на него.

— Смерть, — поясняет он.

— Конечно, — не раздумывая, отзываюсь я. — Кого она не пугает?

— Наверно, — Ангел пожимает плечами, — того, кто уже встречался с нею.

Я понимаю, что он говорит о себе.

— Ты не боишься ее? — спрашиваю я.

— Нет... да... не знаю, — бормочет он. — Тогда не боялся, а сейчас... — Ангел вздыхает и прижимается спиной к валуну. — Я думаю, когда есть, что терять, нужно бояться смерти. И сейчас я боюсь, потому что жизнь обретает новые краски, и я не хочу, чтобы это исчезло. Все исчезло, — Ангел печально улыбается. — На самом деле, если присмотреться, то можно увидеть, что мир не так уж и плох, — говорит он приободрившимся голосом. — Что есть на свете что-то хорошее.

Я хмыкаю, потому что напряжение начинает уходить.

— Что, к примеру? — спрашиваю я и заставляю себя расслабиться.

— Природа, — сразу бросает он.

— И все. На этом список прекрасных вещей заканчивается, — усмехаюсь я.

— Нет, почему же. Еще есть пластинки.

Я удивленно смотрю на него.

— Пластинки?

Он кивает.

— Ну да. Музыкальные пластинки.

Я смотрю на Ангела еще какое-то время и начинаю смеяться. Громко. Ну все, сейчас он подумает, что я точно сумасшедшая.

— Что смешного? — немного обижено спрашивает Ангел.

— Пластинки, — отвечаю я, все еще смеясь.

— И что?

Я успокаиваюсь и спрашиваю:

— Что прекрасного в музыкальных пластинках?

— Музыка, — Ангел улыбается.

— Ну, музыка еще есть на кассетах, дисках. И, вообще-то, сейчас все люди слушают музыку в интернете.

— Ну, вот тебе и ответ. Они не видят красоты в пластинках. И я не как все, забыла?

Я вздыхаю и криво улыбаюсь.

— Точно. Чудик.

— Как и ты, — он шутливо пихает меня в бок локтем.

— Да. Как и я. Но... почему пластинки? Никогда бы не подумала, что они могут кому-

то нравиться. Ну, в смысле, я думала, что они есть только у стариков, дедушек и бабушек, — я закатываю глаза, чувствуя себя идиоткой.

— Я коллекционирую их, — признается Ангел.

— О. Ого.

— Ты обязательно должна увидеть и послушать их. Я покажу тебе как-нибудь.

— Договорились, — улыбаюсь я, напоминая себе, что теперь мне не нужно бояться его. Он мой друг. И я хочу, чтобы так было всегда. С ним я чувствую себя легко, и мне нравится это ощущение. Я не знаю, каково это — потерять друзей, и знаю, что Ангел сталкивался с этим. Я могу лишь предположить, как это больно. По-настоящему больно.

У Ангела Самарского заразительная улыбка. И я поняла это только спустя недели нашего знакомства.

Однажды я просто по-новому посмотрела на него, без всяких сомнений и только с добрыми мыслями. Я всегда думаю о нем только хорошо, потому что он и есть такой — хороший, отзывчивый и понимающий. А еще у него превосходное чувство юмора, его шутки многие слышат и не понимают, а я понимаю, и это еще раз доказывает, что мы мыслим на одной волне.

Ангел Самарский (нелепо звучат вместе его фамилия и имя) невероятно умный для своих почти-шестнадцати лет. Он так умен, что по сравнению с ним многие взрослые, с которыми я знакома (через родителей) кажутся мне простыми и, возможно, глупыми в каких-то моментах.

Ангел Самарский не просто идеальный друг, он идеальный человек, каких, наверно, больше не существует в этом мире. И, думая о нем, я, официально неверующая, допускаю мысль о существовании Бога, потому что не могу объяснить факт своего знакомства с Ангелом, потому что мир огромен, и в нем живет семь миллиардов людей. Но он встретился именно мне. Это определенно что-то волшебное.

И я безоговорочно убедилась в том, что дружба может существовать. Пусть я знакома с этим чувством не так долго, но уже успела окунуться в нее с головой. И я не хочу выныривать, я хочу тонуть, потому что это превосходно — бесследно исчезать там, где хорошо.

Растворяться в дружбе.

Дни начинают лететь со скоростью света, и впервые мне хочется, чтобы время замедлилось.

Через неделю в понедельник с больничного выходит Егор. Он находит в класс перед алгеброй, в то время как мы болтаем с Ангелом о квадратных уравнениях.

— Привет, — мы с Ангелом в раз отрываем взгляд от учебника и поднимаем головы.

У парты Ангела, за которую я подседа на время перемены, стоит Егор и неуверенно смотрит на нас. Я вижу, как расцветает широкая улыбка на лице Ангела, и чувствую укол ревности в груди. Я никогда не была эгоисткой в дружбе, потому что у меня не было друзей. И я не понимала, почему у одного человека не может быть два лучших друга. А теперь

понимаю. Один всегда будет ревновать другого к третьему. И это ужасно глупо.

— Привет, — Ангел встает со стула, и они с Егором пожимают друг другу руки.

Я ловлю себя за мысли, что Ангел стопроцентно знал о выходе Егора с больничного.

Когда Егор смотрит на меня, я неуверенно машу ему рукой в знак приветствия, и он кивает мне в ответ. Мы с Егором с пятого класса сидим за одной партой, и я никогда бы не подумала, что увижу в нем соперника. Хотя, может, все это идиотизм? Ну, то, что я воспринимаю дружбу, как борьбу? Ведь это не так. Просто... просто я не знаю, как мне вести себя. Все это очень необычно и странно для меня.

Я пересаживаюсь на свое место и слышу, как Егор и Ангел начинают разговаривать друг с другом. Я даже не смотрю в их сторону, и уж тем более не собираюсь влезать в их беседу. Вскоре в класс заходит учительница, и начинается урок. Егор отворачивается от Ангела, и я на секунду поворачиваю голову в его сторону. Мы смотрим друг на друга несколько долгих секунд, и Егор неуверенно улыбается мне. Я натягиваю крошечную улыбку в ответ.

Может, все не так плохо?

В этот же день я иду из столовой. Ангел еще с Егором. Они просто не могут оторваться друг от друга. И я решаю сегодня не вмешиваться и абстрагироваться.

У кабинета истории я вижу Камиллу и остальных девочек. Увидев меня, они начинают переговариваться. Снова. Им это не надоедает? Разве у них нет своих вселенски важных тем для разговоров?

Я заставляю себя не обращать на них внимания и достаю учебник по истории, чтобы повторить домашний параграф. Но сосредоточиться трудно, и я то и дело поглядываю в сторону своих одноклассниц. Не знаю, специально ли, или они действительно не знают такого понятия, как чувство меры. Мне кажется, второе, потому что для первого все равно нужны мозги, а они этой ценности лишены.

Камилла чересчур громко выражает свое удивление оттого, что я, оказывается, умею улыбаться и разговаривать. Я смотрю в ее сторону и думаю, как Бог (вероятность его существования для меня равна вероятности его не-существования) смог допустить такую чудовищную ошибку, создав этих дурочек? Ну, серьезно. Они ведь реально без мозгов.

Так вот, мои дорогие одноклассницы с каждым словом повышают громкость своих голосов, и их слышно если не на всю школу, то на весь этаж точно. Я вот думаю. Если для них я изгой, отброс, чучело и сумасшедшая, так почему же они обсуждают меня? Им не все ли равно, в чем я одета, как смотрю и что говорю? Почему бы им лучше не обсудить то, что они так любят? Платья, лак для ногтей, прически и косметику? Неужели они предполагают, что способны мыслить о чем-то другом?

Мои одноклассницы настоящие аспиды (это такие ядовитые змеи).

Вскоре разговор плавно перетекает от меня к Ангелу, и вот тут я не могу не прислушаться.

— Какой у него ужасный шрам, — морщась, говорит Камилла. — Я бы никогда не стала даже разговаривать с таким.

— Ага, — поддакивает Настя Казанцева. Еще одна особа, думающая, что она умная и красивая. Но дайте мне влажные салфетки, и я сотру всю их «красоту» за пять минут. — Еще и хромает.

Я чувствую прилив злости и раздражения, глядя на сборище тупоголовых девиц. Ох, Боже. Seriously? Ты создал НЕПОПРАВИМУЮ ошибку...

— У Ангела совсем не ангельская внешность, — воодушевленно говорит Лазарева Света, и все они начинают смеяться над ее грандиозной шуткой.

Я слышу звонок, и это отрезвляет мой затуманенный раздражением рассудок. Я захопываю учебник, когда кабинет истории открывается, и все начинают вваливаться туда, толпясь и крича. Я беру свой рюкзак с подоконника и подхожу к остальным. Остановливаясь рядом с кучкой одноклассниц и смотрю на них. Они смотрят на меня в ответ, и в их глазах я вижу презрение. Что ж, я надеюсь, что они видят то же самое в моих глазах.

— Проблемы, Вишневецкая? — спрашивает меня Камилла, ее голос звучит с вызовом.

Я никогда не боялась ее и других. И сейчас не боюсь. И не буду бояться, потому что они ничего не значат для меня.

— Проблемы у вас у всех, — спокойным тоном отзываюсь я. — С головой, — добавляю с усмешкой и прохожу в кабинет.

Я не оборачиваюсь и целенаправленно иду к своему месту. Сажусь на стул, открываю учебник и улыбаюсь, чувствуя, что одержала маленькую победу над ними и над собой.

Глава девятая

В среду после уроков мы идем домой втроем: я, Ангел и Егор. Я иду позади, а Ангел и Егор впереди; они оживленно болтают о пушке Гаусса. Егор хочет собрать ее и покупает необходимые компоненты для этого. Ангел говорит, что уже собирал, и дает Егору советы. Они вместе договариваются сходить в магазин, где продаются всякие детали.

— Я тут подумал, — говорит Ангел, — может, тебе стоит создать группу в «ВКонтакте»? Про Эйнштейна.

Егор усмехается и смотрит на него.

— Зачем? — спрашивает он.

Ангел пожимает плечами.

— По-моему, прикольная идея. Посмотришь, сколько людей интересуется Альбертом и поймешь, что ты не один его фанат, — он хлопает Егора по плечу и дружелюбно улыбается.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Ангел смотрит на меня через плечо.

— Егор настоящий фанат Эйнштейна, как и я, — говорит он мне. — Хотя нет. Егор круче. Но до знакомства с ним я думал, что я лучший, — он улыбается кривой улыбкой.

Егор смущенно переводит взгляд с его лица на меня, и левый уголок его губ приподнимается вверх. Я отвечаю той же робкой улыбкой. Не думаю, что я и Егор можем стать лучшими друзьями когда-нибудь, но, кто знает, что ждет нас впереди?

— Есть проблема, — говорит Егор.

Для меня по-прежнему удивительно видеть то, что он может разговаривать. Нормально. Нет, я никогда не думала о нем свысока. Я всегда знала, что мы похожи, и это как-то успокаивало меня. Что я не одна.

Наверно, Егор думает обо мне так же.

— Какая? — спрашивает Ангел.

— Мой старенький «Асег» навернулся, — Егор огорченно вздыхает.

— Пойдем ко мне, — легко предлагает Ангел. — Ты зарегистрирован в «ВКонтакте»?

— Не было нужды, — Егор пожимает плечами.

— Тогда регистрируешься и создашь группу.

Я вижу, как оживляется Егор. Ангел снова поворачивается ко мне и спрашивает:

— Ты с нами? Конечно, ты с нами... И почему ты идешь сзади? Место всем хватает!

Мы идем домой к Ангелу. Я, он и Егор.

Он живет на улице Вербной в новостройке с зеркальными окнами. Его квартира находится на тринадцатом этаже.

— Несчастливое число, — бормочет Егор, когда мы заходим в просторный светлый лифт.

Ангел усмехается.

— Я в эту ерунду не верю, — говорит он. — Цифры — просто цифры. Никакой магии. Ничего.

— А я верю, — признается Егор.

— Человек, поддерживающий все теории Эйнштейна и согласный с ним во всем, но верующий в несчастливые числа... — Ангел смеется и качает головой.

Мы едем в лифте минуту, затем Ангел ведет нас вдоль широко коридора к самой последней двери. Он достает ключ и вставляет его в замочную скважину. Делает три оборота влево и открывает дверь. Заходит внутрь и жестом приглашает нас пройти за ним.

У Ангела огромная квартира, в которой четыре, если не больше, комнат. Большой зал, мельком я вижу светло-голубую кухню, когда мы идем в комнату Ангела.

Комната Ангела тоже просторная, в ней одно, но большое, почти от пола до потолка, окно. Мягкая кровать, стул, компьютерный стол с компьютером, небольшой диванчик тыквенного цвета. Обои в комнате спокойного кремового оттенка, а не типичного для мальчиков синего, или голубого. Еще я замечаю баскетбольную корзину и баскетбольный мяч. Я ищу глазами футбольный мяч, но не нахожу его. Мое внимание привлекает шкаф с книгами, который занимает почти половину восточной стены. И все полки забиты книгами. И, наконец, мои глаза находят блестящий золотистый граммофон. Сразу видно, что Ангел относится к вещи бережно. И вообще, у него очень аккуратно в комнате, что опять же ломает мое представление о мальчишеских комнатах. Вот у меня, к примеру, всегда царит беспорядок, и я редко прибегаю к уборке, потому что хаос в доме действует на меня странно успокаивающе.

Ангел бросает рюкзак на пол рядом с кроватью и включает компьютер. Пока тот загружается, мы с Егором неуверенно топчемся на одном месте у дверей, и Ангел смотрит на нас с кривой ухмылкой.

Через две с половиной минуты компьютер включается, и Ангел кивком просит Егора подойти. Он отодвигает кресло на колесиках и говорит Егору садиться, а сам уходит и приходит с двумя стульями. Он ставит их с двух сторон от кресла. На одно садится сам, а на другое указывает мне. Я сажусь.

Я вижу, как Егор смущен. Ангел открывает браузер «Яндекс» и вбивает в строке поиска «Вк». Заходит. Открывается его страничка. Я вижу его фотографию, где он стоит на берегу моря и смотрит на закат. Фотография красивая. У Ангела загорелая кожа, из-под красной кепки торчат темные волосы. На нем белая футболка и голубые шорты.

— Этим летом мы ездили в Израиль, — поясняет Ангел.

Я заканчиваю изучать его аватарку и спускаюсь к списку друзей. Сорок семь друзей. Я отвожу взгляд от экрана и вопросительно смотрю на Ангела.

— Там половина родственников, — отвечает он на мой не прозвучавший вслух вопрос. — Братья, сестры, их друзья... Несколько ребят, с которыми я познакомился в «ВКонтакте». Но они живут в другом конце России, — он невесело усмехается и наводит курсор на верхний правый угол страницы, где написано «Выйти». Кликает.

Регистрация занимает несколько минут. Егор внимательно наблюдает за всем, что делает Ангел. Я сижу и наблюдаю за ними. Я тоже есть в «Вк», но у меня нет фотографий, нет друзей. Я редко захожу туда, чтобы послушать музыку или порыться в группах. И в жизни и в интернете я полный инкогнито, где меня никто не знает и не видит. Хотя в интернете я могла бы стать «нормальной», общаясь с людьми, которых никогда не увижу, и

они не увидят меня, ведь там больше лжи, чем в реальности.

Вскоре Ангел заканчивает с Егором. Егор полностью поглощается в создание группы, где он собирается выкладывать все, что знает об Эйнштейне, о его открытиях, все цитаты, картинки, обращения...

— Я обещал показать тебе свои пластинки, — говорит мне Ангел и встает со стула.

Я следую его примеру, Егор даже не смотрит на нас.

Ангел подходит к шкафу с книгами и открывает дверцы нижнего ящичка. Я подхожу и вижу две полки с музыкальными пластинками.

— Ого! — мои брови резко взметаются вверх.

Ангел довольно улыбается, видя мою восторженную реакцию.

— Это все твое?! — не верю я.

— Ага, — кивает он и садится на колени.

Я сажусь рядом с ним.

— Это моя гордость, — говорит он с широкой улыбкой и тянется, чтобы взять несколько виниловых пластинок. — Вот, здесь есть как классика, как рок-н-ролл, кантри, шансон, джаз, электро... Все жанры понемногу.

Я беру пластинки из его рук и читаю название самой первой.

— «Deep Purple», — читаю я. — 2005 год.

— Вот, — Ангел достает еще одну пластинку и дает мне. — Элвис Пресли.

1956 год! Вот это да...

И я приступила к детальному изучению каждой пластинки. Всего у него двести тридцать шесть музыкальных пластинок, тридцать семь из которых группы «Led Zeppelin». Теперь я знаю, какую музыку он слушает. Мне и самой нравится старый рок. Из современного слушаю только «Slipknot» и «System of a Down».

— Поставь что-нибудь, — прошу я.

— Выбирай.

— Эмм... — я смотрю на пластинки и теряюсь. — Что-нибудь на твой вкус.

Ангел усмехается и сразу хватается пластинку группы «The Beatles». Мы встаем с пола и подходим к граммофону. Ангел плавно опускает иглу на пластинку. Спустя минуту комната Ангела заполняется прекрасными звуками песни «Yesterday».

— Обожаю эту песню! — улыбаюсь я и хлопаю в ладони.

После «Yesterday» начинается «Twist and shout», и Ангел вместе с исполнителями начинает петь.

Ангел Самарский ужасно поет, но я смеюсь, потому что выглядит он забавно.

— Давай танцевать! — говорит он мне, когда уже звучит «Rock And Roll Music».

— Что? Нет! Нет! Нет!

Но Ангел берет меня за руки и тянет в центр комнаты. Он смеется, дергая меня за руки, и его движения кажутся забавными из-за хромой ноги.

— Прекрати! — хихикаю я до боли в животе.

Егор, наконец, отворачивается от экрана и смотрит на нас широко распахнутыми глазами.

— Эээ... — произносит он и закрывает рот.

Я словно в другой реальности.

Словно это не я танцую нелепо с Ангелом в его комнате под «The Beatles». Словно это не я смеюсь и думаю, что прекраснее момента в моей жизни еще не было. Веселье, радость,

улыбки и бесконечный смех... Может, это все мне снится? Если так, то я готова спать хоть всю жизнь, потому что это самый удивительный сон. Или, может быть, я настолько устала от одиночества, что придумываю себе это? Что ж, тогда пусть все остается так, как есть, потому что это определенно лучше реальности.

Когда песня подходит к концу, Ангел падает на пол и закатывается громким залиvistым смехом. Вскоре я присоединяюсь к нему, и мы смеемся так, словно живем последний день. Я забываю про недоуменное лицо Егора, который сидит на кресле и смотрит на нас с тихим ужасом. Я думаю о том, как прекрасен и неповторим этот момент. Я думаю о том, что жизнь может быть хорошей, по-настоящему хорошей и веселой, когда в ней есть такие люди, как Ангел.

Я могу быть сумасшедшей.

Я могу быть живой.

Я могу быть той, какой никогда себя не представляла.

Я могу полюбить этот мир, если мое сердце будет согревать дружба.

Глава десятая

В девять часов того же дня мне звонит Ангел.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — отвечаю я и улыбаюсь.

Я сижу в своей комнате на кровати в позе лотоса и делаю домашнее задание по биологии.

— Чем занята? — спрашивает он.

— Делаю домашку. А ты?

— Бездельничаю.

— Круто.

— Ага. Слушай, есть одно странное предложение.

— Хмм.

— Как насчет того, чтобы обменяться правилами изгоев?

— Чем-чем? — усмехаюсь я и перестаю крутить в руке ручку.

— Ну, правилами изгоев, — повторяет он.

— Я поняла. Только... что это значит?

— Наша жизненная позиция. Какими правилами мы руководствуемся, чтобы жить в этом мире, — объясняет Ангел.

— О. Эмм. Ух-ты. Впервые слышу о таком.

— У тебя нет своих правил? — удивленно спрашивает он.

— Я не знаю. Никогда не думала об этом.

— Тогда у тебя есть повод задуматься. Жду от тебя список завтра.

— Я...

— Спокойной ночи, — быстро говорит он и отключается.

Я, наверно, целый час смотрю на телефон и пытаюсь понять, о чем мы только что говорили.

Правила изгоев? Как это? Типа: «Не общаться с такими-то, такими-то», «Не смотреть на таких-то, таких-то»?..

Эта идея кажется мне странной и абсурдной. Но я все же откладываю домашнее задание по биологии, беру ручку, вырываю из чистой тетради двойной листок в клетку и начинаю писать свои правила из жизни изгоя:

Никому нельзя доверять.

Ни под кого не прогибаться.

Не лицемерить. Потому что нет смысла лгать.

Я задумываюсь на минуту и продолжаю.

Всем, абсолютно всем плевать на тебя. У людей свои проблемы, и они никогда не потратят на тебя свое драгоценное время.

Этот мир жесток и несправедлив по отношению к некоторым людям, то есть к нам, изгоям. Нужно просто принять этот факт и смириться. Нужно научиться жить с мыслью, что мир не пойдет к тебе навстречу.

Не протягивать руку помощи тем, кто когда-либо отверг тебя, или обидел. Эти люди сгнившие.

Нужно быть реалистом и смотреть на мир так, как он этого заслуживает.

Не думать о том, какого мнения о тебе другие. Во-первых, для них ты уже фрик и «отброс», если в чем-то ваши мнения расходятся. Во-вторых, они, на самом деле, не так много думают, как кажется на первый взгляд. В-третьих, и тебе, по правде говоря, тоже плевать на них. Так что бессмысленно забивать свою голову этими ненужными мыслями.

Не стоит надеяться, будто ты что-то значишь для людей. Ты для них пустое место. На Земле семь миллиардов людей, так что глупо предполагать, что кому-то в этом мире до тебя действительно есть дело. Нужно уяснить, что ты как личность никому не интересен, даже если у тебя самый замечательный характер, первоклассное чувство юмора, и вообще ты самый удивительный и потрясающий. Это больше не имеет значения. Будь злым, пустоголовым и с развитием, как у одноклеточных, и тогда ты точно впишешься в современное общество.

Единственный, на кого можно положиться, это ты сам.

См. пункт один. В жизни, особенно в жизни таких, как я, случается всякое, поэтому нужно быть готовым ко всему.

Не нарываться лишней раз на проблемы, как будто и так мало неприятностей.

На самом деле, все не так плохо. Ну и что, что тебя ненавидят люди? Тоже мне, катастрофа.

Все проходит. И это тоже пройдет.

И... да. Люди не стоят того, чтобы ради них отказываться от своих принципов, привычек и образа жизни. Моральные ценности гораздо важнее. Если будет нужно, то ты встретишь человека, который поймет тебя с полуслова, и ты больше не будешь изгоем.

Я почти минуту думаю о том, чтобы зачеркнуть последний пункт, но все же оставляю его.

Ночью мне снова становится плохо.

Я просыпаюсь в три часа и хватаюсь за сердце. Я не могу вдохнуть и не могу выдохнуть. Воздух застрекает в легких, а сердце сдавливает со всех сторон необъяснимая сила, от которой на глаза наворачиваются слезы.

Я лежу так несколько минут, а затем боль начинает отступать. Когда она исчезает, я плачу. Плачу оттого, что боюсь, что однажды мое сердце может остановиться. А я ведь только начинаю жить...

Утром я не говорю родителям о том, что ночью у меня был приступ. Даже если бы я хотела рассказать, то не смогла, потому что их уже нет дома.

В школе первый урок физкультура. Ангел и Егор уже сидят в спортзале, когда я появляюсь там. Ангел замечает меня первый и машет рукой с самой дальней скамейки. Егор поднимает взгляд и робко улыбается мне.

— Привет, — говорю я, когда подхожу к ним.

— Привет, — улыбается Ангел. — Принесла?

Я усмехаюсь и достаю из рюкзака листок.

— И я все еще не понимаю, зачем тебе это, — бормочу я.

— Просто интересно, — он пожимает плечами и тоже достает свой листок.

Я вопросительно смотрю на Егора, затем на Ангела. Ангел понимает, что я имею в виду и говорит:

— Свои жизненные правила он рассказал мне так. У него их всего три. Первое — не думать о прошлом. Второе — не думать о настоящем. Третье — думать о будущем.

Я снова смотрю на Егора, который кажется сконфуженным и напряженным.

Я отдаю Ангелу свой список и беру в руки его. Так, посмотрим, что он написал.

ПРАВИЛА СВОБОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Правило первое:

Общество сковывает нас, лишая многих возможностей, но мы свободны. Необходимо помнить об этом.

Правило второе:

Научиться различать правду ото лжи. Добро от зла. Этот мир полон иллюзий.

Правило третье:

Не делать того, чего не хочешь. Не говорить того, что считаешь неправильным. Свобода должна проявляться во всем.

Правило четвертое:

Даже если кажется, что ты никому не нужен, — это не так. Кто-то думает о тебе. И ты думай об этом как можно чаще, чтобы не сойти с ума.

Правило пятое:

Ты сильнее всех, раз пошел против целого мира. Нужно гордиться этим.

Правило шестое:

К сожалению, от нас ничего не зависит. Судьба правит нами, а не мы ею. Это минус. Но раз уж бросать вызов, то и судьбе тоже. Попытки, хоть и не имеющие положительного исхода, все равно заставляют тебя чувствовать по-прежнему живым и к чему-то стремящимся.

Правило седьмое:

Никто не запрещает мечтать. Мечты разбавляют суровость реальности и помогают двигаться дальше. Так что не нужно отказываться от них.

Правило седьмое:

Гордиться тем, кто ты есть, потому что ты уникален. Да, люди будут издеваться, смеяться и презирать за то, что ты отличаешься от них. Но подумай, почему они так ведут себя? Что заставляет их ненавидеть? А то, что им проще считать тебя чокнутым и ненормальным, чем признать то, что больше всего на свете они боятся отделиться от всех, но хотят этого.

Правило восьмое:

Ценить и тянуться к доброте, потому что это истинная сила, а не слабость.

Правило девятое:

Не бояться проявлять свои чувства. Это напоминает, что ты человек, а не жалкое его подобие.

Правило десятое:

То, что снаружи — обманчиво. Пытаться разглядеть внутренний мир человека. Это получится, если ты на верном пути. Если увидишь пустоту — идти дальше, потому что этот человек не тот.

Правило одиннадцатое:

Ты не одинок. Есть люди, которые никогда не предадут, и они обязательно встретятся на твоём пути.

Правило двенадцатое:

Мы можем изменить мир. Чутьочку, но все же это возможно.

Я заканчиваю читать и улыбаюсь.

— Твои правила интереснее моих, — говорю я тихо.

— Просто ты смотришь на все более пессимистично, — легко замечает Ангел. — Я оставлю твой список у себя, а ты возьми мой.

— Но зачем? — я непонимающе хмурюсь.

— Не знаю, — он пожимает плечами. — Просто так интересно. Разве нет?

Теперь я пожимаю плечами.

После уроков Ангел, я и Егор идем домой. Ситуация такая же, как вчера: Ангел и Егор разговаривают, а я молча плетусь позади них. Из нас троих к школе я живу ближе всех. Когда мы подходим к моему дому, я останавливаюсь.

— О, я даже не заметил, как мы пришли! — удивляется Ангел.

Потому что он был занят очень важным разговором о взаимодействии электрически заряженных тел, из которого я не поняла ни слова.

— Пока, — говорит мне Егор.

— Пока, — говорю я ему в ответ.

Ангел подходит ко мне ближе и тихо спрашивает:

— Как насчет прогулки к озеру?

Наверно, он замечает, как я оживляюсь, поэтому улыбается.

— Да. Конечно, — киваю я.

— Я позвоню тебе в три, идет?

Я снова киваю.

— Пока, — говорит он и уходит с Егором.

Я благодарна, что Ангел не рассказал о моем месте Егору, потому что мне было бы неприятно, и не то, чтобы я недолголюбиваю Егора. Просто мне надо, возможно, привыкнуть к нему, так же, как к Ангелу.

Какое-то время я смотрю им вслед, а затем не спеша иду к своему подъезду.

К моему удивлению, мама дома, когда я открываю входную дверь.

— Разве ты не должна быть на работе? — интересуюсь я, проходя в нашу небольшую гостиную.

Мама сидит на диване и читает какой-то кулинарный журнал.

— Я отпросилась с обеда, — отвечает она и с неохотой переводит на меня взгляд. — Ты поздно.

— Был факультатив по русскому, — говорю я и скидываю с плеча рюкзак. — Есть что поесть?

— Макароны с котлетами, — говорит она, и я бреду на кухню.

Желудок сводит от голода, когда я вдыхаю запах еды. Я ставлю чайник и беру тарелку. На кухню заходит мама.

— Как дела в школе? — спрашивает она.

Я накладываю себе макароны.

— Нормально, — у меня всегда один ответ на этот вопрос.

— Завтра у отца день рождения, — сообщает мама, и я застываю, — если ты не забыла.

А я забыла...

Я поворачиваюсь к маме лицом, и по моему выражению лица она все понимает. А я вот удивлена, что она помнит об этом, ведь у нее столько работы. Вечно работа, работа, работа...

— Ты уже решила, что подаришь ему? — спрашиваю я хрипло.

Мама проходит и садится за стол. Внимательно смотрит на меня.

— Нет. Но я думала, что мы могли бы сходить с тобой и выбрать ему что-нибудь, — предлагает она.

Звучит заманчиво, но...

— У меня дела сегодня, — говорю я.

Ее брови удивленно выгибаются дугой.

— Дела? — повторяет она. — Какие?

— Иду гулять с Ангелом, — поясняю я.

— Слушай, — вздыхает мама, — я очень рада, что у тебя, наконец, появился друг. Но это не значит, что теперь ты должна все свое свободное время проводить с ним.

У меня отвисает челюсть.

— То есть, сначала ты упрекаешь меня в том, что я постоянно сижу дома, и мне не хватает общения? А сейчас говоришь, что я должна сидеть дома? Как тебя понимать, мам?

— Я не говорю тебе сидеть дома, — мягко произносит мама. — Я говорю, что кроме друзей у тебя еще есть я, и папа. И иногда мы должны проводить время вместе.

Я едва себя сдерживаю, чтобы не рассмеяться. Так теперь она беспокоится об этом? Если бы не папин день рождения, она бы так и перекидывалась со мной стандартными фразами, типа: «Что получила в школе?», «Иди ужинать», «Спокойной ночи»...

— Я не смогу сегодня, — вновь говорю я и отворачиваюсь от мамы.

— Знаешь, ради папы могла бы и отменить прогулку! — упрекает она меня.

Я не отвечаю, что больше раздражает ее. Молчание всегда угнетает.

— Ты пойдешь со мной, Августа, — строго диктует она. — И это не обсуждается.

Я громко ставлю тарелку на кухонную тумбу, и в моей голове крутится столько слов, которые я хочу ей сказать. Но я не говорю, потому что это приведет к ссоре. А ссора — это волнение. Волнение — боль в сердце.

— Ладно, — сдаюсь я, но голос мой звучит сердито. — Тогда пойдём сейчас.

Я звоню Ангелу и предупреждаю, что задержусь, и чтобы он сразу шел к озеру.

Мы с мамой блуждаем по магазинам два с половиной часа. В итоге она выбирает дорогой одеколон известного бренда, и я покидаю ее, сажусь на автобус и еду до Шуваловского проспекта, остановки «Улица Оптиков».

Ангел сидит, прислонившись к валуну, когда я ступаю на территорию своей цитадели успокоения. Я стараюсь подкрасться к нему, но он говорит прежде, чем я собираюсь крикнуть «Буу!» и напугать его:

— Я услышал тебя еще минуту назад, — он переводит озорной взгляд на меня и лукаво

улыбается, — когда ты пробиралась через деревья и ворчала.

Я улыбаюсь и сажусь рядом с ним на поблекшую траву.

— Давно ждешь? — спрашиваю я.

— Где-то час, — отвечает он.

— Ой. Извини. Мы с мамой выбирали папе подарок на день рождения... Что читаешь?

— я замечаю книгу в его руках.

— Потрясающую книгу, — говорит Ангел.

Я усмехаюсь и пытаюсь разглядеть обложку. На светлом фоне изображена красная бабочка.

— Запчасть Импровизации? — я вопросительно смотрю на Ангела. — Аль Кво... Кво...

— Квотион, — с улыбкой говорит он. — Здесь стихи автора и его прозаические миниатюры.

— Хмм. И как? Интересно?

— Шутишь? Это изумительно, гениально! — его глаза загораются, как новогодние огни.

— Вот, — он раскрывает книгу и листает ее, — послушай:

Когда меня спросят: "Кто ты?", я промолчу, не найдя ответа. Можно вместить все аспекты бытия в короткое слово "я", прочертив на лице многозначительную улыбку, можно пуститься в долгие рассуждения, неуверенно нащупывая отточенными плавниками слов материю псевдофилософии, можно вскрыть собственную душу, перефразировав ее в условный ответ, который в любом случае окажется не по размеру вопросу, как любимый в детстве свитер с годами становится мал. Потому что в глазах задающего вопрос ты всегда будешь иным, чем тот, кем ты знаешь себя изнутри. Потому что каждый из нас видит в первую очередь себя, многократно отраженного в чужих лицах. Мы, как симфонию по нотам, разбиваем этот мир на собственные болевые точки. Когда меня спросят: "Кто ты?", я загляну в глаза собеседнику, узнавая человека. Одержимому верой я отвечу, что я атеист, одержимому одиночеством я скажу, что я муж и отец, ищущему ответов я назовусь дураком. И тогда ответ станет равен вопросу, но ничего не расскажет обо мне. Когда меня спросят: "Кто ты?", я уверенно отвечу: " Я — никто. Я фрагмент, осколок зеркала мира, мелькнувший в твоих руках на долю мгновения, прежде чем исчезнуть навсегда." А ты, задающий вопросы, ищущий ответов, кто ты?

Ангел переводит взгляд на меня и натягивает выжидающую улыбку.

— О, — кратко произношу я, потому что не знаю, что должна сказать на это.

— Как тебе? — интересуется он. — По-моему, гениально, — улыбка Ангела становится восторженной. — Аль Квотион просто потрясающий! Я его фанат! Сколько правды, сколько смысла в его словах. Невероятно... Просто невероятно!

— Этот... Аль... твой любимый писатель, получается? — спрашиваю я.

— Ну, он не то что бы писатель, — тихо ухмыляется Ангел. — Но да, в общем-то. Я его обожаю, — а затем его глаза начинают сверкать. — Он пишет стихи, и у него всего одна книга, — он кивает подбородком вниз, на раскрытую книгу. — Если хочешь, кстати, можешь взять, почитать, — Ангел переводит взгляд на меня. — Возьмешь?

Я в замешательстве пожимаю плечами и киваю.

— Ладно, давай.

Он захлопывает книгу и протягивает ее мне. Я несколько минут изучаю обложку и говорю:

— Спасибо.

Я кладу книгу к себе на колени и откидываюсь назад.

— Знаешь, — со вздохом говорит Ангел, — я скучаю по тому времени, когда был маленьким для того, чтобы понимать этот мир. Это было действительно хорошее время. Я не знал, что такое обиды и предательство друзей. Я не знал о лжи. Я гулял целыми днями и ни о чем не заботился. Я смеялся и даже не представлял, что когда-нибудь могу столкнуться с болью, горем и разочарованием. Тогда я любил людей, потому что умудрялся видеть в них хорошее. Я всему радовался. Я был счастлив оттого, что наступит новый день, и я снова смогу идти гулять с друзьями...

Он улыбается, но улыбка его производит на меня неприятный эффект. Я чувствую, что его грусть просачивается в меня, и все внутри напрягается, болезненно сжимается.

— А что сейчас? — Ангел резко вскидывает голову и печально смотрит на серое небо. — Сейчас я другой человек, наполненный изнутри сожалениями, обидами и воспоминаниями о когда-то счастливом времени. Я сломанный подросток, встретившийся с реально страшными вещами, хотя мне всего пятнадцать! Я часто задаю себе вопросы, почему это произошло со мной, почему определенный человек отвернулся от меня, и так далее... Я считаю этот мир несправедливым. Я сожалею, что что-то сделал не так в свое время. Я сожалею, что не могу вернуться и все исправить. Ведь если бы в тот день я был осторожней, или вообще не вышел на улицу, то ничего бы не произошло. Сейчас я был бы другим — беззаботным, веселым, и я играл бы в футбол... — он издает усталый вздох и начинает сутулиться. — Но я устал сожалеть. Я устал думать о прошлом, потому что это усложняет жизнь. Это мешает жить настоящим. Я злюсь на себя, потому что даже при самом сильном желании не смогу избавиться от этих мыслей, — Ангел измученно смотрит на меня. — Ты понимаешь?

Я могу лишь кивнуть, потому что не хочу говорить.

Ангел снова вздыхает и отворачивается от меня.

— Детство — это самый лучший период в жизни человека, — подводит он итог. — Это единственное время, когда мы по-настоящему можем быть счастливы, когда мы еще не знаем о проблемах. И как глупо, что все дети хотят повзрослеть, — он хрипло смеется.

— Я не хотела, — говорю я. — Я не думала об этом. Возможно, я была странной с самого рождения.

— Почему тебя назвали Августой? — спрашивает Ангел. — Ты родилась в августе?

— Нет, — усмехаюсь я и качаю головой. — Я родилась в июле.

— Твоя мама родилась в августе? Или папа?

— Тоже нет. Я не знаю, почему меня так назвали. Мои родители тоже немного странные.

— Я думаю, твоим родителям и моим нужно познакомиться.

Я улыбаюсь. Мои родители давно никуда не выбирались. Они не общаются со своими друзьями, потому что все время у них отнимает работа. Папа больше не ездит на рыбалку. Мама не ходит в салоны красоты и не болтает со своими подругами часами напролет. А ведь когда-то они были нормальными, обычными, как все.

На меня падает капля. Я поднимаю глаза к небу, и снова чувствую сырость на лице.

— Ой, ой, не хорошо, — бормочу я. — Дождь начинается.

И в следующую секунду на нас обрушивается ливень. Я, визжа, соскакиваю на ноги, беру книгу и бегу к деревьям. Смеясь, Ангел догоняет меня.

— Постоим здесь, — говорю я, стуча зубами.

— Хорошо, — охотно соглашается он.

Мы ждем пять минут. Десять. Только спустя двадцать минут дождь становится не таким сильным.

— Тебе нравится дождь? — спрашивает Ангел.

Прежде чем я что-либо успеваю сделать, или сказать, он предупреждает:

— Только не говори «не знаю» и не пожимай плечами. Я хочу услышать определенный ответ. Да, или нет?

Я открываю рот, чтобы что-нибудь сказать, но тут же закрываю его, потому что у меня нет слов. Я задумываюсь и начинаю всматриваться в капли дождя. Я молчу минуту, две, и Ангел не выдерживает. Он вопросительно смотрит на меня, ждет ответа, но я по-прежнему не знаю, что сказать.

— Не знаешь, — на выдохе шелестит он, но я слышу. И молчу. — Ладно. Давай разберемся. Что ты чувствуешь, когда смотришь на дождь?

Я отворачиваюсь от него и смотрю вперед.

— Не торопись с ответом, — говорит он.

Я медленно киваю.

— Я чувствую спокойствие, — спустя несколько минут отзываюсь я. — Прохладу.

— Тебе нравится? — его голос снижается до шепота, но я слышу его.

— Да.

— Я тоже люблю дождь. Он вызывает во мне разные ощущения. Когда слегка моросит, я чувствую необъяснимую радость и все время улыбаюсь. Когда идет ливень, мне грустно, и хочется быть одному. А когда дождь такой, какой сейчас, я тоже ощущаю спокойствие.

Глаза Ангела взмываются к моим волосам, и он начинает смеяться.

— Что? — спрашиваю я.

— Твои волосы, — поясняет он.

— Что с ними? — я начинаю лихорадочно ощупывать их.

— Просто... они торчат во все стороны, и это забавно.

— Ха-ха, — кривлюсь я и приглаживаю волосы.

— Да успокойся, — говорит он мне спустя минуту. — Все нормально с твоими волосами... Уже.

— Надо было взять с собой расческу... — бормочу я.

Ангел смеется.

— Что смешного?

— Не обижайся, — он шутливо толкает меня плечом.

Я и не думаю обижаться на него... потому что это просто невозможно.

— На ангелов не обижаются, — говорю я.

Он ухмыляется и долго смотрит на меня.

— Ты чего? — почти шепотом спрашиваю я и чувствую, как от смущения краснеют мои щеки.

— Просто вспомнил, когда увидел тебя в первый раз, — говорит он. — Ты была такой угрюмой и... равнодушной. Ко всему. Все, абсолютно все кроме тебя были заинтересованы в том, что в классе появился новенький.

— Я помню, как ты улыбнулся, — признаюсь я. — Так, будто высмеивал всех.

— Правда? Ты заметила это?

Я киваю.

— Удивительно, — изумляется Ангел.

— Что именно?

— Что ты смогла заметить.

Я пожимаю плечами.

— У меня есть дурацкая привычка видеть то, что другие не могут, или не хотят.

— Вот поэтому ты особенная.

Я легкомысленно закатываю глаза, пытаюсь казаться беспечной, но в груди ощущаю трепещущую и необъяснимую радость. Такое происходит каждый раз, когда Ангел говорит что-то приятное обо мне. И то, как из его уст звучит слово «особенная» не кажется мне оскорблением. Нет. Это значит больше, чем просто комплимент.

— Иногда мне кажется, что я мертвая внутри, — эти слова вылетают у меня прежде, чем я успеваю подумать об этом.

И зачем я вообще это сказала?

Я осторожно смотрю на Ангела, который выглядит печально после моего заявления.

— Это бред, — говорит он после мучительно долгого молчания. — И я серьезно. Ты не мертвая. Ты живая.

Я грустно смеюсь.

— И души у меня нет. Но даже если и есть, то она самая обыкновенная. Хотя я все-таки склоняюсь к тому, что у меня ее нет... Ее просто не может существовать.

— Ты ошибаешься, — Ангел угрюмо качает головой. — Она есть. У тебя, и у меня. Поэтому мы отличаемся ото всех.

— С научной точки зрения не доказано, что душа существует, — не отступаюсь я.

— Помнишь, я говорил тебе о вещах, которые еще не нашли своих ответов? — спрашивает он. Я киваю. — Так вот, человеческая душа как раз такая вещь. Глупо отрицать, что ее у тебя нет, потому что она есть. Я не знаю, как и почему, но я уверен в ее существовании.

Я делаю глубокий вдох и отворачиваюсь от Ангела.

— Дождь закончился, — говорю я.

— Большинство людей пусты изнутри, но красивы внешне, — он пропускает мои слова мимо ушей. — Ничтожно количество тех, кто прекрасен снаружи и внутри. Душа делает человека красивым изнутри.

— Ты вообще настоящий?

Мне хочется провалиться сквозь землю, исчезнуть, скрыться, потому что огромная волна стыда захлестывает меня с головой, и я бесследно тону в ней. Я чувствую, как мое лицо буквально за мгновение багровеет, и я поспешно опускаю голову, чтобы Ангел не увидел моего смущения.

А еще спустя несколько секунд я слышу смех, такой прекрасный и звонкий, что невольно поворачиваюсь к его обладателю обратно и тоскливо вздыхаю.

— Да, — произносит Ангел. — Я настоящий. Вполне. Вот, — он протягивает мне свок руку, — можешь даже пощупать, если не веришь.

Я до последнего борюсь с желанием дотронуться до него, и это оказывается достаточно проблематично и... больно, что мне даже приходится стиснуть зубы.

— Я верю, — хрипло бормочу я в ответ.

Ангел небрежно опускает руку себе на колени и смотрит на меня.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты хороший. Нет. Ты чересчур хороший, — я чувствую себя глупо, но раз уж зашел разговор, и мы друзья, то почему я не могу говорить откровенно? Хотя бы с кем-то быть честной во всем? — Ты настолько хороший, что порою кажешься мне нереальным. Ты добрый, честный, искренний и умный... ты настоящий, не пытающийся подстроиться под других. Ты такой, какой есть на самом деле, — я закрываю глаза. — Ты не можешь быть реальным, — говорю я так тихо, что только я себя слышу, а затем говорю громче, — потому что этот мир не создан для таких прекрасных людей, как ты. Ты либо иллюзия, либо очень хороший притворщик.

Я ощущаю на себе тревожный взгляд Ангела.

— Я не притворщик, — говорит он, и я верю ему. — Я не иллюзия, — моя уверенность подкашивается. — Я здесь, и я настоящий. И ты настоящая. Ты тоже удивительная, Августа. И иногда мне тоже кажется, что ты не настоящая, — когда я открываю глаза и решаюсь посмотреть на него, то вижу, как его щеки слегка розовеют, и по моему телу разбегаются мурашки. — И мы здесь, в этом пустом и одиноком мире, потому что плохое не может существовать без хорошего.

Глава одиннадцатая

Я прихожу домой и сразу начинаю искать в интернете странное имя того, чью книгу читал Ангел. И выясняю, что это его псевдоним. Он, как и говорил Ангел, пишет стихи. У него есть официальный сайт, небольшие фан-клуб и группа «ВКонтакте». Я провожу краткий обзор его творчества и приступаю к чтению книги «Запчасть Импровизации».

Проходит три часа, если не больше, и я понимаю, что этот Аль Квотион действительно гений. То, как он пишет и излагает свои мысли... Это на самом деле потрясающе. Мне нравится его стиль и язык. Вроде пишет по-простому, но в то же время в этой простоте завуалирован глубокий смысл, который понять сможет далеко не каждый.

Я знаю много произведений, которые достойны похвалы, но не пользующиеся огромной популярностью, и их тираж очень маленький. «Запчасть Импровизации» относится именно к такой категории книг.

Всего за один вечер я поглощаю книгу малоизвестного писателя, и даже не дойдя до конца произведения, я точно для себя знаю, что Аль Квотион станет одним из моих любимых авторов, и в будущем я буду отслеживать его творчество.

После книги я захожу на официальный сайт и читаю все, что там написано. Когда я отрываю взгляд от экрана компьютера, то смотрю на часы и понимаю, что «немножко» засиделась.

Три часа ночи.

Я иду спать.

В субботу утром, когда я встречаю Ангела в кабинете алгебры, я выкладываю ему свои ощущения от прочтения «Запчасти Импровизации».

— Ну как, прочитала? — оживленно спрашивает Ангел.

— Ага, — киваю я. — Ты был прав. Эта книга удивительная.

Он широко улыбается.

— Я знал, что тебе понравится!

— Больше всего мне понравилось вот это.

Я открываю книгу на том месте, где оставила закладку, и начинаю читать:

Иногда, заглядывая в зеркало, я замечаю, что сам — не больше, чем неудачный набросок птицы, написанный рукой неизвестного мастера на скомканном клочке случайной реальности...

На самом деле, в книге есть много чудесных моментов, но мне, почему-то, запомнился именно этот.

— Что я тебе говорил, — с пониманием кивает Ангел.

— Я влюбилась в эту книгу, — вздыхаю я. — В интернете ее нигде нет. А я замучаюсь бегать по книжным магазинам и искать ее... Но, думаю, ради этого стоит потратить несколько деньков.

— Я дарю ее тебе, — неожиданно говорит Ангел, и я смотрю на него широко раскрытыми глазами.

— Что? — удивленно вскрикиваю я. — Нет! Нет! Это не нужно... это не обязательно!

— Но я хочу подарить ее тебе, — мягко улыбается Ангел.

Я громко сглатываю и мотаю головой.

— Но как же ты? Уверена, что эта книга одна из твоих любимых, и...

— Я читал ее несколько тысяч раз, — смеется Ангел. — Я знаю эту книгу почти наизусть, и самые любимые фразы, из-за которых я перечитывал «Запчасть Импровизации» у меня записаны. Так что не волнуйся. И бери книгу, пока я не передумал.

— Лучше тебе отказаться от своего предложения, потому что я собираюсь взять ее, — поджав губы, бормочу я.

Ангел ухмыляется.

— Тогда закрыли эту тему. Теперь книга твоя. И точка.

Я улыбаюсь, по-настоящему улыбаюсь и с безграничной благодарностью смотрю на Ангела.

— Спасибо. Это очень крутой подарок.

— Не за что.

Вскоре в класс заходит Егор. Он подходит к нам и приветствует Ангела, пожав ему руку.

— Привет, — говорит он мне.

— Привет, — киваю я.

Затем он издает громкий зевок и падает на стул.

— Не выспался? — спрашивает Ангел.

— Ага.

— Чего так?

— Делал физику, — Егор готовится к уроку и разворачивается к нам с Ангелом (я снова подседа к нему за парту). — Сегодня собираюсь в библиотеку, — говорит он, а смотрит на книгу в моих руках. — Хочу найти что-нибудь про Эйнштейна.

— Можно пойти ко мне и поискать в интернете, — предлагает Ангел. — Там гораздо больше информации, чем в библиотеке.

— Ну, эм, ладно, — неуверенно соглашается Егор.

— Ты с нами? — спрашивает меня Ангел.

Я собираюсь кивнуть, но вспоминаю, на сегодня у меня уже есть планы.

— Не получится, — говорю я с сожалением. — Сегодня день рождения у папы.

— Точно, — вспоминает Ангел. — Жаль.

Я грустно вздыхаю и представляю, как будет проходить семейное празднование папиного дня рождения.

Будет весело.

Мы сидим за праздничным столом, который накрыла мама, и молча едим приготовленные блюда. Я поздравила папу утром, и еще раз, когда пришла со школы. Обычно, за столом родители говорят либо о домашних делах, либо о работе, но о работе больше. А сегодня в атмосфере царит неловкая тишина.

— Вкусная рыба, — говорит папа маме.

Она отвечает ему широкой улыбкой.

Я ковыряюсь вилкой в тарелке и смотрю на родителей.

— Сегодня вечером зайдет Андрей, — предупреждает папа.

— Хорошо, — говорит мама.

Я выгибаю правую бровь и вопросительно смотрю на папу.

— Дядя Андрей? — спрашиваю я.

Папа переводит взгляд с тарелки на меня.

— Да.

Дядя Андрей — лучший друг папы. Ну, по крайней мере, был им когда-то. Последние несколько лет они не очень-то общались, и у нас дома в последний раз я видела его два с половиной года назад.

— Круто, — говорю я.

На самом деле, хоть в моем голосе не прозвучало должного энтузиазма, я была рада, что папа пригласил дядю Андрея. Ну, или дядя Андрей сам напросился к нам в гости, потому что он бойкий и веселый мужчина.

Этот день я провожу дома, но не с папой. Он отдыхает, смотрит телевизор в гостиной. Мама моет посуду на кухне, а я сижу и думаю, что могла бы пойти гулять с Ангелом, и это было бы намного интереснее, чем рассматривать скучные обои в своей комнате.

Наступает вечер. К папе приходит дядя Андрей, и мама говорит мне выйти к ним. Дядя Андрей не изменился, разве что у него теперь нет волос. Он побрился, и от этого похож на бандита из девяностых.

Дядя Андрей все такой же веселый. Когда он увидел меня, то сказал что-то вроде того, что говорят все друзья отцов их дочерям. Я выросла, бла бла бла и бла бла бла.

Он и папа сидят на кухне, мама хлопочет и порхает над ними. Какое-то время я сижу с ними, болтаю с дядей Андреем, а потом иду в гостиную. Там смотрю по телевизору какую-то научную программу о внеземных цивилизациях по РЕН-ТВ. Затем переключаю на ТНТ там идет комедия. Я не выдерживаю и пяти минут, переключаю и ухожу из гостиной.

Я валяюсь на кровати и читаю «Запчасть Импровизации», отмечая для себя карандашом те места, которые мне нравятся больше всего. Затем я слышу мелодию своего мобильного. Я подскакиваю и чуть не падаю с кровати на пол. Я хватаю телефон со стола и вижу на экране номер Ангела. Улыбаюсь и отвечаю.

— Как с поисками об Эйнштейне? — спрашиваю я.

— О, все клево! — говорит Ангел. — Представляешь, в группе Егора уже семь подписчиков! Ну, шесть, не считая меня.

— Здорово, — улыбаюсь я. — Егор, наверно, рад?

— Шутишь? Да я его еще таким блестящим от энтузиазма никогда не видел! Жаль, ты не видела, как он плясал тут у меня сомбреро!

— Врешь! — слышу я на заднем плане возмущенный голос Егора. — Ничего я не танцевал! Я даже не знаю, что это за танец такой!

Ангел начинает громко хохотать, и я чувствую себя вдвойне отвратительно оттого, что не с ними.

— Я что звоню, — успокоившись, говорит мне Ангел. — Мы завтра собираемся гулять. У тебя нет никаких планов?

— Нет, — тут же отзываюсь я. — Абсолютна свободна.

— Супер. Тогда завтра в два встречаемся на перекрестке, как обычно.

— Окей.

— Пока.

— До завтра.

Мне приходится еще раз выйти из своей комнаты, когда дядя Андрей уходит. Не знаю, когда я вижу его снова, но они с папой договорились встретиться на следующих выходных.

Я желаю родителям спокойной ночи, еще раз поздравляю папу с днем рождения и даже целую его в щеку.

Когда я засыпаю, на моем лице улыбка.

Я начинаю свой день в семь часов утра. Я встаю рано даже по выходным.

В квартире тихо. Родители еще спят. Я завтракаю на кухне и возвращаюсь к себе. Я даже подхожу к окну и смотрю в него. Вроде нет ничего такого, чего бы я ни видела раньше, но я все же стою, чем-то замороженная. Какой-то необычной тишиной, которую я видела и не слышала прежде. Я наблюдаю за тем, как солнце пробивается сквозь облака, отчаянно желая подарить этому миру немного своего тепла. И я понимаю это. Мир нуждается в тепле.

Воскресный день начинается замечательно. Точнее, таким его делают мои мысли о прогулке с друзьями.

Друзья. У меня есть друзья, и я больше не одинока.

Я улыбаюсь, и мама постоянно удивленно косится на меня. Папа спит до обеда, а он редко не отрывает своей головы позже девяти или восьми утра по выходным. Похоже, это у нас семейное — вставать ни свет ни заря.

Без десяти два я выхожу из дома и спешу к перекрестку. Ровно в два я уже там. Проходит минута, а мне кажется, будто я стою целую вечность. Но все мое необоснованное волнение испаряется, когда я слышу знакомые голоса.

Каждая прогулка с Ангелом не обходится без интересных и глубоких разговоров. И я точно могу сказать, что темы, затрагиваемые нами, не популярны среди людей. Такую, например, взять самую обыкновенную тему, как книги. О них вообще мало говорят. А мы обсуждаем. Мы много чего обсуждаем. А теперь, когда с нами гуляет Егор, разговоры становятся только интереснее.

Сегодня я, например, много нового узнаю об Эйнштейне. Егор и Ангел говорят о нем, не переставая, но мне не надоедает слушать их. Наоборот, это очень даже познавательно — иметь друзей, помешанных на науке.

Егор, оказывается, будет разговорчивее Ангела. И я искренне удивлена, когда наблюдаю, как он рассказывает о чем-то с таким увлечением и страстью, как все говорит, говорит и говорит. Он открывается для меня с новой стороны, как и эта жизнь, этот мир.

В понедельник все утро и половину дня идет дождь, поэтому поход к озеру отменяется. Но Ангел предлагает пойти к нему, чтобы Егор мог обновить информацию в своей группе, и заодно провести время всем вместе.

Я соглашаюсь, конечно же.

— Еще семь подписчиков! — восклицает Егор, отрываясь от монитора.

Он отталкивается рукой от стола и разворачивается на кресле к нам лицом. Мы с Ангелом сидим на полу и делаем алгебру (точнее, делает Ангел, а я списываю, так как ничего не понимаю, даже несмотря на все попытки моего лучшего друга вбить мне что-то

про эти формулы и уравнения).

Ангел первый отрывает взгляд от тетради и поднимает голову. Затем на его лице расплывается искренняя широкая улыбка. Я смотрю на Ангела и завистливо вздыхаю, потому что он всегда так заразительно улыбается.

— Потрясно, — произносит Ангел и протягивает Егору руку со сжатым кулаком.

На лице Егора отражается легкое недоумение, когда он глядит на руку Ангела.

— Эээ, — только и говорит он.

Ангел слабо дергает кулаком, ожидая, когда Егор стукнет по нему своим кулаком.

И Егор делает это, но неуверенно.

— С такими темпами твоя группа станет популярной, — говорит Ангел, возвращая взгляд к тетради.

Егор берет со стола ручку и начинает крутить ее в руке.

— Самое большое количество подписчиков у групп об Эйнштейне — около пятидесяти тысяч, — он делает грустный вздох и кладет ручку обратно на стол. — Мне до этих цифр еще идти и идти...

— Ничего не приходит сразу, — пожимает плечами Ангел, переписывая в тетрадь пример из учебника.

— Да, да, я знаю. Но желания не спрашивают действительность, — Егор грустно усмехается и разворачивается к экрану компьютера. Затем я слышу клик мышки.

Я смотрю на Ангела и вижу, что он тоже смотрит на меня. Затем мы улыбаемся друг другу и возвращаемся к нелюбимой алгебре.

Только через час домашняя работа была готова.

— Мой мозг сейчас взорвется, — жалуясь я, поднимаясь с пола.

Ангел ухмыляется, собирает тетради с учебниками в кучу и встает следом за мной. Егор с головой погружен в свою группу. Я наблюдаю, как Ангел убирает учебники в свой рюкзак и останавливается у окна. Смотрит туда, наверно, целую минуту, затем поворачивается ко мне, и на его губах расцветает крошечная улыбка. Я машинально улыбаюсь в ответ и понимаю, что не должна этого делать, потому что это, должно быть, смотрится странно со стороны. Но я ничего не могу с собой поделать. Всегда, когда Ангел улыбается, я хочу улыбаться тоже. Его улыбка творит со мной что-то магическое. В последнее время я улыбаюсь очень много.

— Как насчет прогулки? — спрашивает Ангел.

Его взгляд метается от меня к Егору.

— Ну? — он выгибает правую бровь.

Он ждет ответа. Я согласна. Я всегда согласна на то, чтобы погулять с Ангелом, потому что время, которое я провожу в его обществе, по-настоящему волшебное, изумительное и потрясающее... я могу говорить о том, как мне хорошо разговаривать с Ангелом, наверно, бесконечно, если не больше бесконечности.

— Я «за», — произношу я и прочищаю горло, так как мой голос звучит хрипло.

Ангел дарит мне краткий взгляд, и уголки его губ поднимаются выше. Он кивает и смотрит на Егора. А Егор молчит. Кажется, он вообще не слышит и не видит Ангела. Да, у компьютера есть такое свойство — полностью овладевать вниманием пользователя.

— Егор? — зовет его Ангел.

Егор не шевелится. Я издаю тихий смешок, и мы с Ангелом переглядываемся.

Ангел подходит к столу и начинает махать рукой перед лицом Егора.

— Земля вызывает Егора! — весело кричит он, одновременно смеясь. — Как слышно? Прием!

Егор подпрыгивает в кресле и ошарашено смотрит на Ангела. И тут я слышу чей-то звонкий смех. А еще спустя секунду понимаю, что это смеюсь я. Меня накрывает волной удивления, потому что я ни разу не замечала, что мой смех может быть таким... красивым. Да-да. Это говорю я — та, кто ненавидит в себе все и даже больше.

Я резко обрываю себя и заставляю замолчать. И в большой комнате Ангела тут же становится тихо. Я даже слышу, как работает телевизор в гостиной. Я чувствую, как мои щеки краснеют, и вижу на себе внимательный взгляд Ангела, а затем к нему присоединяется Егора, и они оба смотрят на меня. Должно быть, думают, что я идиотка. Что ж, и они как никогда правы.

Я опускаю голову и начинаю рассматривать свои красные носки.

— Мы идем гулять, Егор, — говорит Ангел, разрушая тишину.

— А... да, да, — растерянно проговаривает тот, и я слышу, как он со слабым скрипом отодвигает кресло. — Я просто решил ответить на комментарий, и тут понеслось, — Егор усмехнулся.

— О чем спор? — интересуется Ангел, и они движутся к выходу из комнаты.

Я поднимаю голову, поднимаю с пола свой рюкзак и иду следом за ним.

— ОТО, — только отвечает Егор.

— Ааа, — с пониманием протягивает Ангел.

— ОТО? — переспрашиваю я.

— Общая теория относительности, — отвечает Ангел.

Когда мы покидаем его комнату, на пути появляется миниатюрная фигура его мамы — Самарской Виолетты Александровны. Красивая женщина, и в свои сорок она выглядит на тридцать. У нее смуглая кожа, всегда ухоженный вид, густые темно-каштановые волосы до плеч, которые аккуратно уложены.

— Уже уходите? — спрашивает Виолетта Александровна.

— Да, мам, — отвечает ей Ангел и направляется напрямиком в прихожую.

Когда я прохожу мимо его мамы, то улыбаюсь ей, и она улыбается мне в ответ. Виолетта Александровна очень приятная и вежливая женщина. Она всегда добра со мной и с Егором.

— Идете гулять? — любопытствует она.

— Ага, — кивает Ангел и нагибается, чтобы завязать шнурки на правом кроссовке.

— А как же ужин? У меня все готово. Я думала, вы поедите.

Ангел заканчивает с обувью и разгибается. Он тепло улыбается, подходит к Виолетте Александровне, чуть наклоняется, потому что выше нее на полголовы, и целует в щеку.

— Я недолго, — говорит он и отходит от нее.

Лицо женщины тут же становится расслабленным, и она небрежно хлопает сына по плечу.

— Да-да, молодой человек, только не долго, — шутливым строгим голосом произносит она. — Во-первых, завтра в школу. Во-вторых...

— Массаж, — заканчивает за нее Ангел, надевая куртку. — Я помню, мам.

Массаж?

— Вот и отлично, — Виолетта Александровна вздыхает и обращает свой взгляд на меня. Я уже обута и готова к выходу. — Пока, Августа.

— До свидания, — я робко улыбаюсь ей.

— Пока, Егор, — она прощается и с ним.

Он тоже улыбается и кивает ей.

Ангел открывает входную дверь, и все мы выходим на лестничную площадку.

— Ты делаешь массаж? — спрашиваю я у Ангела, когда он закрывает дверь.

— Ага, — говорит он. — Профилактика для спины. Она стала что-то болеть в последние дни.

Мы выходим на улицу. Холодно. Я смотрю на темно-серое небо, на клубящиеся мрачные тучи, и мне становится грустно.

— Ну, куда пойдём? — спрашивает у нас Ангел.

Мы с Егором пожимаем плечами.

— Вы живете здесь всю жизнь, и неужели не знаете красивых мест для прогулок? — искренне удивляется Ангел.

Я кидаю ему взгляд, в котором говорю, что в этом огромном городе для меня существует лишь одно по-настоящему красивое место, и Ангел знает об этом, он там бывает со мной почти каждый день... ну, ладно, при любом удобном случае.

— Я вообще узнаю этот город, гуляя с вами, — признается Егор. — До этого я жил и не знал ничего, кроме дороги от дома до школы и обратно. А, еще до ближайшей библиотеки и продуктового магазина.

— Все ясно с вами, — вздыхает с улыбкой Ангел. — Тогда давайте просто гулять.

Сначала, как и обычно, Ангел и Егор разговаривают об уроках и науке — это уже стало некой традицией. Потом в разговор включаюсь я, и все, что касается Эйнштейна и различных научных открытий и технологий отходит на второй план. В этом Ангел и Егор уступают мне, так как я ничего не смыслю в том, о чем они готовы беседовать днями и ночами напролет.

— Ты больше не читала «Запчасть Импровизации»? — спрашивает у меня Ангел.

Каждый вечер. Я читаю эту книгу каждый вечер.

— Да, — отвечаю я. — Ее можно перечитывать бесконечно, потому что каждый раз, когда я приступаю к ее чтению, то открываю для себя что-то новое. И так со всеми книгами, — я пожимаю плечами. — Нужно прочитать как минимум раз пять, чтобы уловить все, что там написано, и что автор пытался донести до нас.

— Абсолютно с тобой согласен, — энергично поддерживает меня Ангел.

С Егором о книгах разговаривать может только Ангел, потому что Егор читает исключительно научную литературу, ну, разве что за исключением той, с которой нам положено познакомиться по школьной программе. Вот, к примеру, последнее, что он прочел, была книга «Термодинамическая теория структуры, устойчивости и флуктуаций». Язык можно сломать, выговаривая такое. А читать уж подавно невозможно!

Два дня назад я пыталась прочесть книгу Брайана Грина «Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории». Так вот, после того, как я прочла название, то совершенно точно для себя поняла, что эту книгу мне не потянуть и отложила всякие попытки вникнуть в смысл этой «Элегантной Вселенной...».

Как бы я ни старалась подобраться к науке, мне это не дано. Зато я более-менее понимаю философию.

Мы доходим до Удельного парка. Там никого. Только мы трое. Я, Егор и Ангел. Ангел, Егор и я. После дождя асфальт сырой и везде лужи. Мои ботинки промокают, и я чувствую неприятную сырость, от которой мурашки разбегаются по всему телу. Я съезживаюсь и

глубже засовываю руки в карманы.

— Какой у вас девиз? — неожиданно спрашивает Ангел.

— Девиз? — повторяю я.

— Ну да. Несколько слов, которые характеризуют вашу позицию в этом мире, то, как вы думаете, чего хотите... Не мне вам объяснять, что это такое.

— Мы поняли, что это. Но... зачем нужен девиз? — не понимаю я.

— Как зачем? Разве у вас нет девиза? — Ангел искренне удивлен.

Мы с Егором синхронно качаем головой.

— Не может быть, что у людей, с которыми я дружу, нет девиза, — бормочет Ангел и вздыхает. — Если у вас его нет, тогда давайте придумаем.

Я, выпучив глаза от удивления, смотрю на него и вижу, что Егор, который идет по другую сторону от Ангела, тоже смотрит на него в «легком» шоке.

Неожиданно Ангел начинает смеяться.

— Не надо так смотреть на меня, — говорит он, сжимая рукой живот. — Я серьезно.

Да. Я это уже понимаю. От Ангела вполне возможно услышать что-то подобное. И теперь у меня отпали последние крупинки сомнений о том, он может походить на всех. Нет. Ангел другой. Совершенно другой. Он странный, но это делает его уникальным, неповторимым. Я могу с уверенностью сказать, что в мире больше не существует таких людей, как он.

— Ну, так что? — Ангел смотрит на нас с озорной улыбкой. — Придумывайте себе девизы. Я жду и с нетерпением хочу услышать то, что вы скажете.

— Ты это серьезно, — обреченно проговаривает Егор.

— Да, — Ангел хлопает его по плечу. — Уж такой вот я странный.

Егор усердно думает над девизом несколько минут, как и я. В голове проносятся варианты, но все они глупые и типичные.

— Среди беспорядка найдите простоту; среди раздора найдите гармонию; в трудности найдите возможность, — наконец, произносит Егор.

Ангел долго смотрит на него, а затем улыбается.

— Скажи, ты знаешь все цитаты Эйнштейна? — весело спрашивает он.

Егор усмехается и пожимает плечами.

— Черт, а я думал, что я один такой сумасшедший, — качает головой Ангел, все еще улыбаясь. Потом его взгляд падает на меня, и, клянусь, все мои внутренности переходят в фазу острого напряжения. — А ты что придумала?

Я открываю рот, но что собираюсь сказать? Пока не поздно, закрываю его и опускаю взгляд.

— Слушай, смотри и молчи, — бормочу я. Этот девиз придуман не мной. Это латинское крылатое выражение, но по смыслу очень похоже на мой образ жизни, на то, как я смотрю на этот мир.

— Хмм, — протягивает задумчиво Ангел.

— У тебя какой девиз? — спрашивает у него Егор.

— Ладно, — вздыхает Ангел и пинает камешек, — если уж все цитируют кого-то, то и я тоже, — он переводит взгляд на небо. — Самый темный час — перед рассветом. Пауло Коэльо. Вот мой девиз, хотя истинный звучит немного иначе.

— И как такие умные, как мы, можем считаться идиотами? — фыркает Егор после минутного оцепенения.

Ангел усмехается, они с Егором смотрят друг на друга и начинают смеяться. А через минуту я смеюсь вместе с ними.

— А чего бы вы хотели? — спрашивает у нас Ангел. Мы идем по тропинке и выходим из другого конца парка к дороге.

Мимо нас проезжает машина, она задевает лужу, и брызги летят во все стороны. Хорошо, что мы вовремя успеваем отскочить, иначе бы вся наша одежда была бы уже грязной.

— Вот сейчас, допустим? Что-нибудь из нереального? Ну, к примеру, если бы сейчас у вас была возможность загадать что-то одно, на что бы вы потратили свое единственное желание?

Мы переходим дорогу.

— Все знать. Ответ на любой вопрос, — первый отвечает Егор.

Далеко не клишированное желание. Нормальные подростки хотят совсем другое. Кто-то крутой мощный компьютер, мотоцикл, машину, «Sony PlayStation 4», море денег, красивую внешность и популярность. И мало кто — редкие единицы — хочет тратить свое желание на способность всезнания.

— А на что бы ты потратил свое единственное желание? — интересуется Егор у Ангела.

— Я бы хотел жить вечно, — не раздумывая, отзывается Ангел. — Хотел бы видеть, как меняется мир. Я бы хотел знать, какими станут люди через триста лет, что останется на Земле. Я бы хотел видеть, как человек освоит космос, и у людей появится возможность летать на другие планеты.

— Ну, или просто случится апокалипсис, — вставляю я.

Ангел смотрит на меня с напряженной улыбкой.

— Ты только что убила мою мечту, — говорит он.

Я усмехаюсь.

— Какое желание у тебя? — обращается он ко мне.

Я опускаю глаза и хочу пожать плечами, но останавливаю себя.

— Ответ, что я не знаю, не принимается? — тихо уточняю я.

— Совершенно точно, — бодро говорит Ангел.

Я вздыхаю и жалобно смотрю на него.

— Но я, правда, не знаю! Я... многое хочу и в то же время мне ничего не нужно. Ну, может, я бы хотела... летать, — я пару раз моргаю и смотрю на хмурое небо. — Ничто, как полет, не позволяет чувствовать себя по-настоящему свободным.

— Это хорошее желание, — улыбается Ангел.

Спустя минуту он спрашивает:

— А какая у вас мечта? Чего вы хотите? От жизни? От себя? Каким видите свое будущее?

— Я бы хотел поступить в МГУ, — отвечает Егор. Его голос звучит уверенно. — Стать ученым-физиком, потом уехать за границу, потому что в России дела с наукой идут не очень, — он неуверенно улыбается и опускает голову.

— Это крутое желание, — соглашается Ангел. — А ты? — он смотрит на меня.

Я закатываю глаза.

— Я не смогу ответить на этот вопрос, потому что не знаю, чего хочу от жизни. Я живу без мечты.

Ангел широко распахивает глаза.

— Но так ведь не может быть! У человека должна быть мечта. Как же иначе?

Я грустно смеюсь.

— Все сложно. Гораздо легче мечтать о чем-то нереальном.

— Возможно, ты права, — тихо молвит Ангел. — Мои мечты делятся на возможные и невозможные. К невозможным я могу отнести многие вещи. Но самая главная мечта заключается в том, что я хочу снова играть в футбол, хочу стать профессиональным игроком, но никогда не смогу из-за травм, — он сводит брови вместе, и его скулы напрягаются. — Мои возможные мечты это: хорошо окончить школу, желательнее с отличием, поступить в хороший университет, устроиться на престижную работу... Или путешествовать, объездить весь мир на небольшом разрисованном фургончике, — Ангел тепло улыбается. — Это хорошие мечты, и их можно воплотить, если я буду стремиться к этому. Отличие между возможными и невозможными мечтами заключается в том, что о невозможных ты можешь только размышлять и представлять, как это было бы. А возможные ты можешь воплотить в реальность, приложив усилия.

Двенадцатая глава

Глава двенадцатая

Отчасти пятница, пятнадцатое ноября, становится Днем Маленькой Победы.

И вот в чем дело.

Во время биологии, второго урока, идет проверочная работа в виде теста, и большинство ребят, конечно же, не готовы. Кроме меня, Егора и Ангела. Весь вчерашний вечер мы созванивались друг с другом и совместно занимались повторением материала по биологии, так как СЛЫШАЛИ учительницу и поэтому ЗНАЛИ, что будет тест, и этот тест важный.

Возможно, мы втроем единственные, кто готов.

Я смотрю на вопросы и вспоминаю информацию, которую прочла в учебнике, провожу анализ каждого варианта ответа и в итоге записываю букву, которую считаю правильной. Сейчас как раз не хватает тишины. Все шуршат, перешептываются друг с другом в надежде, что кто-то знает ответ. А кому-то все равно, и он ставит наугад.

— Эй, Егор, — слышу я гадкий шепоток справа.

Я рефлекторно поднимаю голову и отрываю взгляд от теста, чтобы посмотреть, как Паша, еще один возомнивший себя крутым, тянется через парту, чтобы ткнуть ручкой по локтю Егора.

Егор отзывается и смотрит на Пашу.

— Ты же шарить в биологии? — спрашивает шепотом Паша и быстро смотрит в сторону учительницы. Убеждается, что та его не замечает и снова поворачивается к Егору.

Егор неуверенно кивает и поправляет очки.

— Дай списать, — просит Паша.

— У нас разные варианты, — отвечает Егор.

— Аааа, блин.

Я еще раз убеждаюсь в том, что умственные способности Паши близки к нулю, если он даже не додумался, что у Егора первый вариант, а у него второй.

— Тогда реши за меня, — не унимается Паша.

Егор молчит и смотрит на него. Я забываю про тест и жду реакцию Егора. Неужели, он возьмется решить его вариант? Это же Паша! Сколько его помню, он всегда при удобном случае находил, чем обидеть Егора. И сколько я помню Егора, он никогда не отказывал Паше и другим, потому что те пугали его разборками, в которых примут участие кулаки.

— Эй, ты чего? — Паша снова тянется через парту и дергает Егора за рукав. — Оглох, что ли? Я с кем разговариваю! Реши за меня, слышишь? — он снова смотрит в сторону учительницы и поджимает губы. — Реши, — шипит он, не разжимая их.

Я человек, который ни за что не вмешается в подобную ситуацию. Я человек, которому нет дела до всего этого. Я человек, который пытается ничего не видеть и не слышать.

Поправка.

Я была такой.

Но я меняюсь.

И сейчас меня не на шутку раздражает наглость Паши.

— Егор, — шепотом зову я его.

Он поворачивается ко мне и смотрит испуганно-растерянными глазами.

— Не решай за него, — говорю я.

— Но я...

Я знаю, что он хочет сказать. Он не может отказать, потому что боится расправы. Но ведь сейчас все по-другому. Сейчас за него можем заступиться мы с Ангелом. Сейчас Егор не один. У него есть мы — друзья. И я, как его друг, не могу спокойно смотреть, как Егор унижит себя в глазах этого несносного Паши в очередной раз.

Хватит с нас.

Хватит с Егора.

— Пошли его к чертям, — слышим мы с задней парты шепот Ангела.

Мой единомышленник.

Я улыбаюсь и киваю Егору.

— Давай, — подталкиваю я его. — Сделай это. Скажи «нет».

Я так смело думаю об этом. А могу ли я отказать, если меня попросят?

Да! Смогу, еще как.

Я вижу слабую решительность в глазах Егора. Он на правильном пути.

— Давай, — Ангел подбадривающе тыкает колпачком ручки в его лопатку. — У него нет своих мозгов, так нечего пользоваться твоими.

Я с необъяснимым воодушевлением смотрю сначала на Ангела, который напряженно улыбается мне, затем на Егора. Егор хороший и умный парень. Он не достоин того, чтобы им пользовались.

— На, — я вижу, как Паша протягивает листок с тестом Егору, — давай только быстро. Десять минут до конца урока! Слышишь? Эй!

Я киваю Егору и сжимаю кулаки под партой, затем снова поворачиваюсь к Ангелу, отворачиваюсь, и мы вместе наблюдаем за Егором.

— Нет, — я плохо слышу, как Егор говорит это, но он все же произносит!

Какое-то странное ликующее ощущение зарождается внутри, и я не могу сдержать улыбки.

Ох, не передать словами, какое недоумение появляется на лице Паши. Так тебе!

— В смысле? — от удивления он забывает, что находится в классе и идет проверочная работа, и что учительница ведет тотальную слежку за тем, чтобы никто не переговаривался. Его определенно заметят. — В смысле нет?

Егор набирает в легкие воздух и повторяет громче:

— Нет.

Льдисто-голубые глаза Паши округляются. Бедняжка, испытывает, наверно, невероятный шок. Я не могу сдерживать злорадную ухмылку при виде лица одноклассника. Уверена, и Егор чувствует себя лучше и увереннее. Просто однажды у каждого... такого, как мы (изгоев, если точнее) наступает момент, когда он должен прекратить позволять помывать собой и сказать «нет».

— Я не буду за тебя ничего решать, — произносит Егор тихо, чтобы его не услышала учительница.

— Ты... — Паша теряет дар речи.

«Ура!» хочется воскликнуть мне, но я воздерживаюсь и улыбаюсь шире.

Так держать, Егор. Так держать.

Постепенно растерянность уходит с лица Паши, и оно становится злым и даже краснеет.

Ох, а вот это уже нехорошо. Еще бы! Теперь-то он знает, каково это, когда тебе в чем-то отказывают. Почаще бы устраивать ему подобные «уроки».

— Что за разговоры на задних партах? — слышим мы все голос учительницы.

Это немного разряжает обстановку, и все будто просыпаются. Я резко дергаю голову в сторону доски и вижу, как биологичка вытягивает шею, чтобы увидеть, что у нас происходит. Затем она встает из-за стола и медленно направляется в нашу сторону. Одноклассники прячут шпартгалки, телефоны и закрывают учебники с тетрадами, когда она проходит мимо них.

— Обсуждаем что-то глобальное? — интересуется учительница, глядя сначала на меня, потом на Егора и затем на Пашу.

— Нет, — процеживает сквозь стиснутые зубы Паша и стреляет злобным взглядом в последний раз на Егора.

— Тогда почему не делаем тест? — учительница скрещивает руки на груди.

Мы опускаем головы к своим работам и молчим. Только когда биологичка отходит, я отвожу взгляд к Егору и вижу, что он тоже смотрит на меня. После нескольких секунд оцепенения его губы растягиваются в широкой улыбке.

«Молодец» думаю я.

Это маленькая, но все же победа. Над собой, над всеми.

Мы не можем вечно потакать остальным, тем более, когда никто не хочет хотя бы в чем-то помочь нам. К людям нужно относиться так же, как они относятся к тебе. Это как бумеранг.

Конечно, не стоит ждать того, что Паша просто спустит Егору его отказ с рук. Я более чем уверена, что он обязательно сделает какую-нибудь подлость в ответ. Странно. Почему на добро люди не могут платить тем же, а на зло они всегда отвечают?

Мы возвращаемся к тестам и сдаем их ровно со звонком. С видом победителя (хотя я имею ко всему лишь косвенное причастие) я покидаю класс следом за Егором и Ангелом и вижу, как Паша, стоящий в кучке с другими ребятами, прожигает нас ненавистным взглядом.

Он припомнит, я не сомневаюсь.

Но мы дадим отпор снова.

В этот же день я и Ангел в последний раз приходим на озеро.

— Так жаль, что наступает зима, — вздыхаю я и осматриваю свое пристанище. Теперь это место не так пестро, как летом. Летом здесь просто чудесно.

— А зимой сюда приходиться нельзя? — спрашивает Ангел и снимает с плеча рюкзак, он кидает его на сырую траву и наваливается на валун.

— Утонем в сугробах.

Ангел ухмыляется.

— Тогда мне тоже жаль, — говорит он.

— И солнца сегодня нет, — я смотрю вверх, и в мое сердце продолжает просачиваться грусть. — Обычно, оно всегда светит, когда я прихожу сюда в последний раз перед зимой. Странно.

— Странно, — тихо вторит Ангел.

Мы долго молчим, и никто не решается нарушить тишину. От воды веет холодом, и мои

руки коченеют. Даже не спасает то, что я прячу их в карманах.

— Тебе что, не холодно? — спрашиваю я.

Ангел переводит на меня отрешенный взгляд.

— Ммм?

— Ты никогда не пытаешься согреть руки, — говорю я. — Они у тебя никогда не мерзнут?

Ангел слабо улыбается и смотрит на них. Они бледные и, должно быть, ледяные.

— Привык, — отвечает он. — С самого детства не ношу перчатки.

— Кошмар, — я стучу зубами и начинаю глупо прыгать, чтобы согреться.

Дико холодно.

— Может, пойдём домой? — предлагает Ангел.

— Ты замерз?

— Я — нет, а вот ты замерзла.

— Ерунда.

— Не хочу, чтобы ты заболела.

Я перестаю прыгать и замираю. Я не дышу и смотрю на Ангела, лицо которого абсолютно спокойно.

Он не хочет, чтобы я заболела.

Он беспокоится обо мне.

Да, мы друзья, лучшие друзья, но обо мне никто и никогда не заботился кроме родителей, поэтому слышать что-то подобное из чьих-то уст необычно и... приятно. Я стою, не в состоянии пошевелиться, и прокручиваю в голове его последние слова. И с каждым разом что-то внутри меня стремительно оттаивает.

Я больше не чувствую холода.

— Ты меня пугаешь, — вдруг произносит Ангел, с легким беспокойством в глазах глядя на меня.

Я едва хмурюсь, не понимая, что он имеет в виду.

— О чем ты? — еле слышно проговариваю я.

— Ты не дышишь почти две минуты, — отзывается он.

И тут я чувствую головокружение, и в глазах начинает темнеть. Я делаю громкий вдох, и слышу, как сердце бешено колотится в груди. Снова холодно, снова тревожно, и я снова начинаю прыгать на месте, чтобы согреться.

— Сегодня Паша весь день сверлил Егора сердитым взглядом, — говорит Ангел.

— Ага.

— Но Егор молодец.

— Ага.

— Никто не сможет причинить нам вред, если мы сами не позволим другим делать это. Все просто, на самом деле.

Я понимаю, о чем он.

Егор позволял другим использовать его, когда возникала необходимость. И он совершенно не считался с тем, хочет он помочь, или нет. Хотя... это даже помощью назвать нельзя. Но сегодня он дал отпор, и если сделает это еще несколько раз, все поймут, что он может постоять себя. Я не говорю об уважении, но думать о нем, как о бесхребетном и безвольном мальчике-ботанике точно перестанут.

— Но ради собственного благополучия и успеха люди должны идти по головам, —

киваю я.

— Без разбора, — добавляет Ангел. — Без лишних слов. Без сомнений. К сожалению человек обязан быть жестоким и расчетливым, если хочет заслужить уважение. Только если он будет пренебрежителен и груб по отношению к другим, люди его любят.

— Будут бояться.

— Человек так устроен, что ему нужно кому-то подчиняться.

— Тому, у кого больше наглости, — усмехаюсь я.

— Свободные люди опасны. Их сторонятся, их боятся.

— Потому что думают, что могут стать такими же свободными, — продолжаю я. —

Потому что они страшатся этого.

— Свободы действий, — Ангел понимающе смотрит на меня.

— Они боятся того, что не смогут справиться со своей жизнью самостоятельно.

Мы улыбаемся друг другу.

— Ты слышала когда-нибудь про родственные души? — неожиданно спрашивает он.

Я неуверенно киваю.

— Так вот, мне кажется, что ты мой душевный родственник.

Его заявление сбивает меня с толку.

Я снова замираю. Когда-нибудь Ангел точно подумает, что я странная в плохом смысле.

Мои глаза удивленно расширяются. А сердце... с ним начинает твориться какая-то чертовщина. Как и с пульсом. Как и с моими мыслями. Редко бывают такие моменты, когда моя голова пуста. Сейчас именно такой момент.

— Я понимаю тебя. Ты понимаешь меня. Мы можем говорить друг с другом о том, о чем не сможем поговорить ни с кем другим, — говорит Ангел, и мне кажется, что мое сердце так громко колотится в груди, что его удары слышу не только я. — Я думаю, это и есть родственные души. Мы с тобой. Близнецы по разуму, — его голос постепенно затихает, и наступает тишина.

Я так растеряна, что готова провалиться сквозь землю. Я так растеряна, что все слова путаются, и не остается ничего, кроме ощущения полной бессмыслицы. Я хочу перестать выглядеть глупо, хочу перестать поедать Ангела своим недоуменным шокированным взглядом, но не могу справиться со своими эмоциями. Когда теряешь над ними контроль, становится очень трудно, и можешь натворить много вещей, за которые потом может стать стыдно.

Ангел понимает, что обстановка накалена до предела и усмехается, пытаясь помочь мне расслабиться. И это действует. Я чувствую, как напряжение уходит и вскоре исчезает где-то в кончиках пальцев ног.

— Чего ты боишься больше всего? — спрашивает Ангел.

Я вяло пожимаю плечами, а он вдруг издает усталый смешок.

— Ты чего? — говорю я.

— Просто ты почти на каждый мой вопрос пожимаешь плечами, — объясняет он. — Это забавно и в то же время печально.

— Почему печально?

— Потому что я не знаю ответа. И ты тоже, хотя должна знать.

Я натянуто улыбаюсь и специально пожимаю плечами снова. Ангел тихо смеется и качает головой.

— А ты? — говорю я. — Чего боишься ты?

Я подхожу к нему и наваливаюсь спиной на валун.

— Что от меня все отвернутся, — признается Ангел. — Не родители. Нет. Я знаю, что они всегда будут поддерживать меня, что бы ни случилось. Я боюсь потерять друзей, то есть тебя и Егора, — Ангел перестает говорить и неуверенно прикусывает нижнюю губу. — Но больше я боюсь, что от меня отвернешься именно ты.

У меня перехватывает дыхание, а сердце начинает колотиться, как сумасшедшее.

Я ошибалась, думая, что накал страстей был тогда, когда минуту назад Ангел назвал меня своей родственной душой.

— О-о-о, — еле слышно протягиваю я на громком длинном выдохе.

Боковым зрением я замечаю, как левая рука Ангела сжимается в кулак.

— Ты стала мне близким другом, — продолжает он и нервно глотает. — Нет, ты стала лучшим другом. И мне будет очень больно, если что-то заставит тебя отвернуться от меня. Честно.

Мне становится трудно дышать, но не потому, что плохо, а потому что я испытываю такое волнение, какое еще никогда не испытывала, и это очень необычное ощущение. Что я могу сказать? Ангел — удивительный, и мне крупно повезло, потому что он стал моим другом, да и просто потому, что я вообще его встретила.

И пусть он знает, что я тоже не хочу терять его. Я впервые скажу кому-то, что чувствую.

— Не отвернусь, — произношу я хрипло. — Я не отвернусь от тебя. Никогда. Потому что ты мой друг. Единственный лучший друг, — я набираюсь смелости и смотрю ему в глаза. Они такие большие и искренние, что в них так легко потеряться, и нет совершенно никакого желания выбираться. — И мне тоже будет больно, если что-то разведет нас.

Ну вот, я это сказала. Сказала, и теперь громко выдыхаю.

— Спасибо, — шепчет Ангел.

Мы смотрим друг на друга очень долго, и я понимаю кое-что для себя.

Однажды что-то случается в твоей жизни. Мгновенная вспышка озаряет тебя, и в следующий момент ты начинаешь смотреть на мир другими глазами. Вот так просто все меняется. Появляются краски. Настоящие, яркие краски, благодаря которым ты начинаешь замечать, что, оказывается, еще есть что-то хорошее. И ты цепляешься за это с отчаянным рвением, желая, в конце концов, прийти к чему-то светлому.

Ангел привел меня к этому. Он показал, что жизнь может быть не только серой.

Я смотрю на его лицо и не верю, что теперь все по-другому. Не верю, что в моей жизни появился настоящий друг, за которого не страшно будет отдать жизнь. А Ангел определенно стоит того, чтобы пожертвовать собой ради него. Он замечательный. Он удивительный. Я никогда не перестану повторять это. Я никогда не изменю свое мнение о том, что он лучший человек на этой планете... во всей Вселенной.

— Спасибо, — шепчу я.

— За что? — спрашивает Ангел, внимательно глядя на меня.

За то, что ворвался в мою жизнь. За то, что заговорил со мной на литературе в первый день, когда пришел в наш класс. За то, что продолжал общаться со мной. За то, что не такой, как все. За то, что не отвернулся. За то, что каждый день улыбаешься, потому что твоя улыбка делает меня счастливой, живой, потому что я всегда улыбаюсь в ответ.

— За все, — отвечаю я.

Я вижу только его лицо. И нет места в моих мыслях о его шраме на левой щеке, которому остальные придают огромное значение. Для меня Ангел красив. Как внутри, так и

снаружи. Я часто спрашиваю себя, что чувствую к нему, потому что мое отношение к нему нельзя назвать просто дружбой. Это нечто большее. Теперь я понимаю это. Влюбленность? Но я не знаю, что это такое. Я много читала об этом чувстве, но каждый говорит то, что ощущает сам, а все чувствуют по-разному. Кто-то любит, ненавидя, кто-то любит, страдая.

Так что я чувствую к нему? Что между нами? Дружба — да. Любовь — не знаю. Любовь всегда была другой в моем представлении. Но опять же, любовь может быть физической и духовной. Между нами нет любви физической. Но духовная... вполне вероятно. Для духовности нужна душа, и теперь я не сомневаюсь, что она есть у меня. Вот она — та часть меня, что оттаяла. Та часть, которую я чувствую, которая цветет сейчас, когда я смотрю в глаза Ангела.

— Я могу взять твою руку? — тихий голос Ангела вырывает меня из размышлений.

Я несколько раз моргаю, думая, не послышалось ли мне.

Он только что попросил разрешения взять меня за руку?

Правда?

— Д-да, — робко отвечаю я.

Ангел смущенно улыбается, я достаю правую руку, которая ближе к нему, из кармана, и он неуверенно накрывает своей ладонью мою. Наши пальцы медленно переплетаются. Внутри меня происходит необъяснимый взрыв эмоций. Я закрываю глаза и чувствую только то, какая теплая у него кожа. Наверно, это из-за того, что его рука на самом деле холодная, как и моя. У нас одинаковая температура тела и... Господи, о чем я думаю?

Я чувствую счастье.

Я чувствую трепет.

Теперь я понимаю выражение «бабочки в животе».

— Только... — произношу я и резко замолкаю.

— Что? — шепчет Ангел.

Я делаю глубокий вдох. Я не уверена, что могу просить об этом. Я не знаю, как он отреагирует на мою просьбу.

— Только не отпускай ее, — собравшись с духом, говорю я.

Я слышу, как взволнованно колотится в груди мое сердце. Интересно, сердце Ангела бьется так же быстро?

— Хорошо, — наконец, отзывается он, и меня накрывает волна облегчения.

Я улыбаюсь, но так и не открываю глаза.

— Что ты чувствуешь? — шепотом спрашивает Ангел.

Мне не приходится долго думать. Я знаю ответ.

— Покой.

Ледяной ветер обдувает мое лицо, но это заботит меня в последнюю очередь. На самом деле, ветер не кажется таким грубым, потому что все мои мысли заняты тем, что я держу за руку Ангела. Только это имеет значение.

— И я, — произносит Ангел.

Мое сердце не собирается униматься, и я не могу сдержать глупой улыбки, которая так и просится засветиться на моем лице.

Я боюсь открыть глаза, потому что то, что сейчас происходит, может оказаться лишь сном... самым чудесным и незабываемым сном. Я боюсь, что как только открою их, то все исчезнет, и я буду одна, в этом холоде... Что может быть кошмарнее? А ведь раньше это было моей жизнью.

— Знаешь, наши жизни не так уж и ужасны, — заявляет Ангел.

Один маленький миг абсолютной идиллии разрушен, но я не становлюсь несчастнее оттого, что Ангел заговорил. Нет. Я все так же счастлива. Просто в тишине намного спокойнее.

Я все же открываю глаза. Сначала перед глазами пляшут огромные белые пятна, а когда они рассеиваются, я вижу тусклый фон, темную, почти черную воду и свинцовое небо. Но я тут же заставляю себя сосредоточиться на другом. На своей правой руке. Я отчаянно пытаюсь убедиться, что ее крепко сжимает рука Ангела.

В горле даже образовывается комок. Но нет необходимости нервничать.

Я опускаю взгляд и вижу, что наши пальцы по-прежнему переплетены друг с другом. Я просто не чувствую руку из-за холода.

Все хорошо.

Все нормально.

Теперь я заставляю себя прислушаться к тому, что говорит Ангел, а это достаточно проблематично, потому что... потому что ощущение счастья сбивает меня с толку.

— Ты слышишь? — Ангел с крошечной улыбкой смотрит на меня.

Я не могу понять себя, потому что его глаза, в которых плескается теплота, вызывают у меня такие чувства. Я не понимаю, почему мне сейчас хочется плакать.

— Да, — хрипло отзываюсь я и рассеянно улыбаюсь в ответ.

Это традиция. Улыбаться, если он улыбнется, и неважно, что он скажет, неважно, если мне будет невероятно грустно. Я все равно улыбнусь.

— Серьезно, — Ангел медленно втягивает в себя ледяной воздух и отворачивается. На сердце становится тяжело, когда я больше не вижу его темных глаз.

«Сосредоточься» напоминаю я себе.

— Нам еще крупно повезло, — продолжает он. — Вот, например, как тяжело живется детям в Африке? Или в Индии? Они умирают от голода и жажды, они подвержены разным ужасным болезням, от которых погибают в страшных муках. Малярия, лихорадка... — его лицо кривится. — Они живут, можно сказать, на улице. У них нет компьютеров и телефонов, нет телевизоров и прочей техники, которая есть у каждого среднестатистического человека. Они бедны. По-настоящему бедны, и их жизнь действительно ужасна, — он замолкает ненадолго. — Или все те люди, живущие в некоторых странах Третьего мира. Бедных странах. Иран, Ирак, Сирия, Египет... Они подвержены войне, которую ведут более могущественные страны. Это не справедливо, — Ангел хмурится, и могу поклясться, что я физически чувствую, как он зол. На этот мир. — Ты только представь, сколько невинных людей погибает только потому, что они родились в неправильном месте? Ты представь, как страдают жены, теряющие своих мужей, или детей? Или дети плачут оттого, что их родителей больше нет... — Ангел резко обрывает себя и громко сглатывает. — Мы просто не имеем права жаловаться на нашу жизнь, Августа, — звучит его надломленный голос, и меня охватывает черная печаль. Она болезненно сжимает сердце и сковывает тяжелыми невидимыми цепями все тело. Я заставляю свои онемевшие пальцы крепче сжать пальцы Ангела, — потому что мы живем хорошо.

Мне хочется сказать или сделать что-нибудь, чтобы выбить эти мысли из его головы, чтобы заставить его улыбнуться, потому что его печаль каким-то невероятным образом передается и мне. А я не хочу, не хочу, чтобы он грустил. Никогда.

— И я кое-что понял, — добавляет Ангел.

— Что? — спрашиваю я.

Он делает глубокий вдох, как будто готовится к чему-то, и начинает говорить.

— После того несчастного случая я считал свою жизнь ужасной. Все пошло под откос. У меня больше не было друзей, у меня не было футбола, у меня не было мечты. Я восстанавливался по кусочкам, но так и не смог вернуть прежнюю жизнь. Я стал отрешенным, отдельной частью этого мира и общества. Я ненавидел все, что меня окружает, я ненавидел то, что другие ребята могут играть футбол, а я нет.

Ангел делает небольшую паузу, чтобы сделать еще один вдох, и продолжает.

— Но недавно мне в голову совершенно неожиданно пришла мысль, что у нас всего лишь одна жизнь, — с этими словами он поворачивает голову в мою сторону и пронзительно смотрит на меня. — Нам отведено всего несколько десятилетий, чтобы успеть сделать все возможное и, может быть, даже что-то за гранью невозможного. И я понял, что мы, не такие как все, на жалость к себе и страдания о том, как мы несчастны, теряем безвозвратно столько драгоценных часов! Мы тратим свое время на обиды, о которых в скором времени даже и не вспомним, и те, кто заставили нас так думать, тоже забудут об этом. И я думаю, что мы вовсе не изгой. Нет. Мы такие же люди, просто немножко другие, понимаешь? — я хочу кивнуть, но почему-то не могу, поэтому молча смотрю на него. — Не всем в этом мире нужно быть одинаковыми, — не знаю, почему, но Ангел улыбается, так, словно он узнал ответ на самый тревожащий его вопрос. — Я человек. И ты тоже. И мы не изгой.

Я смотрю в его чудесные глаза, и мне становится тепло.

— Не изгой, — шепотом вторю я.

Тринадцатая глава

Глава тринадцатая

Время бурной рекой утекает вдаль, оставляя все худшее в прошлом.

Я совсем другая. Моя жизнь тоже другая. Все вокруг другое. И мои родители. Они изменились, и я много думаю о том, что означает все происходящее: подарок судьбы за то, что я настрадалась, или это нечто Божественное (то, чему невозможно дать объяснения)? Я не знаю. И, возможно, никогда не смогу найти ответ на этот вопрос. Но это случилось. Со мной. С моей жизнью, и я благодарна, судьбе, Богу... неважно.

То, что есть сейчас, чудесно. Теперь я не испытываю ненависть к утрам. Теперь я открываю глаза и не чувствую, что это зря. Теперь дни для меня не похожи, как сиамские близнецы, потому что каждый день происходит что-то новое, удивительное и неповторимое. Я научилась наслаждаться тем, что имею.

Теперь жизнь не стоит на месте.

Я смело иду вперед.

Уже конец декабря. Через три дня будет Новый Год.

Я пережила эти четыре месяца (с конца летних каникул) и готова встретить новый год. Я жду этот праздник, потому что уверена, что он принесет с собой много новых и удивительных моментов. Ни на секунду не засомневаюсь в этом, потому что у меня есть люди, которые стопроцентно сделают мою жизнь незабываемой.

Ангел и Егор.

Егор и Ангел.

Ангел.

Не говорить об этом человеке со странным именем просто невозможно. Я могу думать о нем бесконечно, день за днем, что, кстати, и происходит.

Я не сравниваю себя с влюбленными девочками, потому что это сильнее любви. И пока что я не могу объяснить, что может быть сильнее и важнее этого чувства. Опять же, я склоняюсь к тому, что в мою жизнь вмешался Бог и подослал ко мне ангела по имени Ангел. И наши отношения, то, что я испытываю, когда вижу его, когда разговариваю с ним... Быть может, это небесная любовь?

Мало в чем можно быть уверенным в этом мире, но это правило никак не касается Ангела. Он ни разу не вызывал во мне хотя бы что-то приблизительное к недоверию. Он всегда рядом, всегда поддерживает, помогает, подсказывает, спасает своей улыбкой и теплотой в глазах. Может, прозвучит немного самонадеянно, но я чувствую... знаю, что Ангел испытывает ко мне нечто похожее на то, что я испытываю к нему. Как он сказал однажды, мы близнецы по разуму. Мне кажется, что я знаю его не несколько месяцев, а всю жизнь. Я знаю, что он скажет в той или иной ситуации, как посмотрит, как улыбнется, знаю, в какой момент засмеется. Я знаю о нем все. Я чувствую его. И это, на самом деле, что-то вон выходящее за рамки представления о реальном.

Ангел не говорил мне, что любит меня, что я ему нравлюсь. Я тоже ему этого не говорила. Но мы оба знаем, что это так. Без слов. Быть рядом с ним — это полет. И это возможно, хотя я всегда была уверена, что человек никогда не сможет летать. Как в действительности, так и духовно.

Но я обрела свои крылья. Они белые и большие. У них мягкие перья, и они возвышают меня до самых небес. Я парю и чувствую свободу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты точно решила не идти с классом в боулинг? — этот вопрос мама задает мне в тысячный раз за последние две недели.

— Нет, — отвечаю я устало. — И уже поздно что-либо менять, даже если бы я хотела.

— Ты можешь сходить куда-нибудь с Ангелом и Егором, — предлагает она.

Мы сидим на кухне. Я пью горячий чай с печеньями, у которых самая вкусная в мире начинка, а мама листает кулинарные журналы. Она все еще решает, что сделать на Новый Год.

— Ага, — говорю я и откусываю печеньку.

— Делать «Оливье»? — спрашивает мама.

«Оливье» — это традиционное блюдо Нового Года.

— Конечно, — отвечаю я.

— Я еще хочу сделать «Швейцарский салат», — говорит она.

Я молчу, так как понятия не имею о том, что это блюдо из себя представляет. Честно говоря, мне вообще все равно, что будет украшать новогодний стол.

— Может, тоже что-нибудь выберешь? — предлагает мама и кивает на стопочку журналов рядом с собой.

— Нет, — я тихо ухмыляюсь.

— Но я не знаю, может, тебе не понравится то, что выберу я.

Я пожимаю плечами.

— Я доверяю твоему вкусу, — говорю я.

Когда я заканчиваю с чаепитием, то смотрю на часы. Девять часов вечера.

— Папа задерживается, — бормочу я себе, хотя не должна даже удивляться этому, ведь папа трудоголик. Работа, папа, папа, работа... эти понятия просто созданы друг для друга. Как мама и работа, работа и мама.

— Он сдает отчеты, — отвечает мама.

Я киваю и иду в свою комнату. Первым делом я беру в руки телефон и вижу одно пропущенное сообщение. Мое сердце тут же радостно подпрыгивает в груди, когда я вижу имя отправителя. Ангел.

Он пишет:

Как насчет грандиозной прогулки перед Новым Годом?

Я улыбаюсь и набираю сообщение.

Ну не знаю.... Все зависит от масштабности грандиозности...

Нажимаю на «отправить» и, прикусив нижнюю губу, жду ответа.

Сообщение от Ангела приходит почти тут же.

Это будет грандиозность грандиозности!

Я смеюсь, читая это, и представляю себе лицо Ангела. Вздыхаю и пишу ответ.

Уговорил. Где, когда, во сколько?

Отправляю. Залезаю на кровать, подбираю под себя ноги и жду, нервно теребя в руках телефон.

Вскоре приходит сообщение. Я открываю его и улыбаюсь шире.

Завтра. Вечер. Я, ты и Егор. Парк развлечений. Салюты. Смех и фейерверки... Из меня ничтожный поэт.

Я отвечаю ему сразу же.

Зато ты хорош во многом другом. И не проси меня перечислять, потому что я могу делать это бесконечно.

Ангел присылает:

Бесконечно?

Я отвечаю:

Бесконечно.

Он долго молчит, и я думаю, продолжится ли наша переписка.

Телефон пищит, извещая о новом сообщении.

Хорошо. Тогда до завтра.

Я пишу:

До завтра.

Он присылает последнее сообщение:

Каждая встреча с вами — это алмаз, который я прячу в сокровищницу моей души. Завтрашняя встреча — сто первая драгоценность, оброненная вами и подобранная мной.

Ангел цитирует Александра Дюма «Три мушкетера». Только вместо «сегодняшней встречи» он пишет «завтрашняя», и вместо «четвертой драгоценности» — «сто первая».

Сто первая встреча...

Наша завтрашняя встреча будет сто первой? Он считает?

Я целый час смотрю на его последнее сообщение и улыбаюсь.

Ну разве Ангел не чудо?

Вечер двадцать девятого декабря теплый. Крупные хлопья снега кружатся в легком танце в воздухе и неторопливо опускаются вниз. Люди суетятся, готовясь к главному празднику уходящего года. Кто-то спешит с работы домой с тяжелыми пакетами, кто-то застревает в магазинах... Все заняты чем-то важным, а я, Егор и Ангел просто гуляем. В мире нет никого, кроме нас, наших шуток и разговоров. В мире больше нет лиц, кроме моего, Ангела и Егора. И это потрясающе.

Все, вроде бы, проходит обычно. Но есть что-то особенное сейчас. Какое-то безумие и сумасшествие, но доброе и милое. На нас смотрят, как будто мы только что выбрались из психушки. Вероятно, мы так и выйдем со стороны. Но как еще должны вести себя люди, которым хорошо, по-настоящему хорошо и весело? И... у каждого свое представление о том, что такое отдых души.

Мы играем в снежки, как будто нам по пять лет. И мы снова ловим на себе осуждающие взгляды. Из всех людей, которые обращают на нас внимание во время сегодняшней прогулки, лишь один старик говорит что-то доброе.

— Эх, молодежь! — вздыхает он, остановившись, чтобы сказать нам что-то. И мы

перестаем дурачиться и слушаем его. — Мне бы ваши годы! — старик широко улыбается. — Мне бы время, когда я мог быть безумным...

Затем что-то печальное проносится в его глазах, и улыбка становится другой, измученной и грустной.

— Запомните, ребята, — обращается он к нам уже притихшим голосом. — Будьте глупцами и безумцами, пока есть время. И не смотрите на то, что думают о вас люди, потому что вы смельчаки, раз можете быть такими, какие есть, а они нет.

Старик снова вздыхает и идет дальше.

— А ведь он прав, — говорит Ангел.

Я застываю со снежком в руке и вопросительно смотрю на него.

— У нас многого нет, но мы свободны, понимаете? — губы Ангела медленно расплываются в улыбке. — По-настоящему свободны! — Ангел выкрикивает эти слова, закинув голову к черному небу и раскинув руки. Мимо проходящая парочка косо смотрит на нас. Они тоже думают, что мы идиоты. Ну и пусть.

— Что с тобой? — смеюсь и спрашиваю я.

Егор тоже начинает смеяться.

Ангел опускает голову, и хоть сейчас темно, но я вижу, как сверкает его широкая улыбка.

— Мы можем делать все, что захотим, — он делает громкий выдох и подходит к Егору, обнимает его «по-братски» и тащит его в мою сторону. — Мы можем говорить обо всем на свете. И это так здорово! — Ангел обнимает и меня. — Люди не понимают, чего лишают себя ради того, чтобы быть похожими на других. И мне никогда не удастся понять, почему они так рьяно стремятся к этому? — он смотрит на нас с Егором, по-прежнему улыбаясь. — Какие же они глупцы!

— Кажется, он сходит с ума, — тихо бормочет Егор, медленно переводя взгляд с озарившегося лица Ангела на меня.

— Определенно, — хихикаю я.

— Да! Я схожу с ума! — кричит Ангел и неожиданно начинает падать назад. И мы с Егором летим вниз вместе с ним.

Мы падаем на снег, и Ангел заливается громким смехом. Мы с Егором тоже смеемся. Когда уже не остается сил, мы молчим, лежим голова к голове и наблюдаем за тем, как изящно подхватывает легкий теплый ветерок снежинки и заставляет их кружиться в причудливом танце.

— Мы безумцы, — говорит Ангел. — И это здорово! Потому что, знаете, я устал от скучной жизни. Пора начать творить сумасшедшие вещи, — и он крутит головой, чтобы видеть нас с Егором. — Я хочу, чтобы в новом году мы навсегда избавили себя от тягостей прошлого. Вы понимаете меня? Я хочу начать жить заново, — Ангел снова смотрит на беззвездное глубокое небо.

Мы понимаем его.

Еще как понимаем.

Спустя пять минут мы продолжаем играть в снежки.

Через несколько часов наступит Новый Год. Через несколько часов начнется новая

жизнь, где не будет места сожалениям, грусти и прочей ерунде, которая сможет отравить мою новую реальность.

Мы с мамой занимаемся последними штрихами подготовки к Новому Году. Я натираю сыр на терке, а мама разговаривает по телефону с подругой (подругой!) и одновременно режет помидоры. Я стараюсь не вслушиваться в то, что говорит мама, и это получается очень легко, потому что она со своей неизвестной мне подругой обсуждает работу.

Папа ставит стол в гостиной и гладит скатерть.

У мамы подгорает индейка, и она отключается, сказав подруге о том, что перезвонит, и бежит «спасать» главное блюда новогоднего стола.

Мы традиционно отмечаем Новый Год в узком семейном кругу. Только я, мама и папа. Включаем «Первый канал» и слушаем обращение Президента, затем адресуем друг другу краткие поздравления и пожелания, мама и папа пьют шампанское, я апельсиновый сок. Затем мы едим, и ближе к часу ночи я иду спать.

Вот мой стандартный Новый Год.

Но в этот раз все будет по-другому. Я знаю.

В одиннадцать часов вечера, за час до Нового Года, я иду в свою комнату, чтобы немного отдохнуть. Я прокручиваю в голове все то, что происходило со мной с того дня, как в класс зашла наша классная учительница, а следом за ней и Ангел. Я вспоминаю все, что изменилось во мне, в моей жизни, когда я поняла, что эти темно-коричневые глаза ассоциируются у меня с теплом, а лучезарная улыбка будет отныне освещать мне путь и не позволять исчезнуть во тьме.

Я заставляю себя встать с кровати, когда вижу, что время подошло к половине двенадцатого.

Пора переодеваться.

Накануне мы с мамой купили мне платье специально для Нового Года. И оно не черного цвета. Оно темно-бардовое, до колен, из плотного материала. Выглядит строго и совсем не празднично, но это платье единственное, которое мне пригляделось из всего того, что было предложено.

Вообще, покупка платья для того, чтобы дома в кругу семьи сесть за праздничный стол на час, или даже меньше, кажется мне глупой и пустой тратой денег, и я говорила маме, что могу посидеть и в домашних штанах и какой-нибудь футболке. Но мама настояла, чтобы в Новый Год я выглядела красиво.

И вот сейчас я стою в ванной комнате и смотрю на свое отражение. Платье на мне сидит хорошо, и я кажусь симпатичнее оттого, что нанесла немного теней и румян на лицо. Я впервые крашусь, хотя мне пятнадцать лет, и я девочка. Но я странный человек. Я не такая, как все мои сверстницы. Думаю, этого достаточно для того, чтобы за пятнадцать лет своей жизни ни разу не воспользоваться косметикой.

Когда я появляюсь в гостиной, то вижу красивый накрытый стол. Я сжимаю в руке телефон и прохожу к свободному стулу. Мама и папа уже заняли свои места. Они оба переоделись. На папе белая рубашка, волосы аккуратно зачесаны назад, лицо довольное и спокойное. Мама — красавица. В элегантном изумрудном платье, с причудливой, но такой же изысканной прической. Я вижу, как папа восхищенно смотрит на маму, и это греет сердце.

Когда я присоединяюсь к ним за столом, мама неожиданно вскакивает.

— Свечи забыла! — восклицает она и бежит куда-то.

Папа с улыбкой смотрит на меня.

— Красивое платье, — говорит он.

Я улыбаюсь ему.

— Спасибо.

Затем возвращается мама, и мы ждем, когда же наступит новая маленькая жизнь.

Мама включает «Первый канал» и Президент начинает свое обращение ко всем жителям России. Я не слушаю его, но смотрю на экран телевизора... а потом на экран телефона. Я жду не как двенадцати часов, как звонка Ангела. Он обещал мне вчера, что позвонит ровно в полночь.

И я жду, жду, жду.

Вдруг звучит знакомая мелодия. Я вздрагиваю и смотрю на экран телефона, где высвечивается имя того, кого я готова слушать днями и ночами напролет.

Остается пару минут, если не меньше, до двенадцати.

Я соскакиваю со стула и несусь в свою комнату.

— Куда ты? — раздается удивленный мамин голос за спиной.

Но я оставляю ее вопрос без ответа.

Как только оказываюсь в своей комнате и закрываю дверь, подношу телефон к уху и улыбаюсь.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — слышу я радостный голос Ангела. — Как предновогоднее настроение?

Было не на высоте до того, как он позвонил. А сейчас все просто идеально. Даже лучше, чем безупречно.

— Отлично, — отвечаю я, и это самое жалкое описание той радости, что пульсирует во мне и вызывает безудержное желание прыгать и петь. — А у тебя?

— Тоже, — и я млею, когда слышу великолепный звук, которым является смех Ангела. — Я обещал позвонить тебе ровно в полночь, но не мог дождаться и решил позвонить чуть раньше.

— Все нормально.

— То есть, следовательно, мы уже будем разговаривать в полночь, так что это лучше.

Я усмехаюсь и подхожу к окну. Начинаю теревить занавеску.

— Чем занимаешься? — спрашиваю я и смотрю на дом через дорогу.

На улице почти никого нет. Так тихо.

— Смотрю в окно, — отвечает Ангел.

Я удивленно вскидываю брови.

— Правда? Я тоже!

— Здорово. Давай представим, будто наши дома стоят напротив, и мы смотрим друг на друга.

Я закрываю глаза и представляю себе лицо Ангела вдали, представляю его улыбку и то, как он машет мне рукой. Я представляю, что машу ему в ответ.

— Я вижу тебя в платье, — говорит Ангел. Я усмехаюсь, не открывая глаз. — Оно... ммм... черное.

— Промазал, — говорю я. — Оно бардовое.

— Но ты в платье! — восклицает он так, словно выиграл какой-то очень важный спор.

— А на тебе костюм, — предполагаю я, представляя себе это. — Черный, и с белой рубашкой.

— Ты знаешь то, что я могу надеть, ровно столько, сколько и я знаю то, что можешь надеть ты.

Я смеюсь.

— Все, — говорит Ангел. — Начинается.

Я открываю глаза и слышу из гостиной, как Президент заканчивает свою речь и раздаётся бой курантов.

— С Новым Годом! — кричит в трубку Ангел.

— С Новым Годом! — в ответ кричу я.

На моем лице улыбка до ушей.

— Я желаю тебе всего самого наилучшего в этом году. Я желаю, чтобы ты всегда улыбалась и точно знала для себя, чего ты хочешь, — Ангел начинает говорить со скоростью смеха, и я хохочу, слушая, как он захлеб закидывает меня пожеланиями.

— Эй, ты только что украл все то, что я хотела сказать тебе, — шутливо обвиняю я его.

— Просто будь счастлива, Августа, — в конце произносит Ангел.

Я перестаю теревить занавеску и прижимаю руку к груди, чувствую под пальцами, как быстро бьется мое сердце.

— И ты, — шепчу я и чувствую в горле небольшой комочек волнения. Я громко сглатываю и начинаю говорить громче. — Я хочу пожелать тебе, Ангел, чтобы ты всегда оставался собой, потому что, чтобы быть идеальным тебе не нужно никому подражать. Для меня ты лучше всех взятых людей на этой планете. Прости, наверно, после родителей, хоть я не считаю их идеальными, — я слышу, как Ангел тихо усмехается в трубку. Я могу предположить, что он сейчас нервничает. Что ж, я тоже. — Я хочу, чтобы сбылись все твои мечты, возможные и невозможные, — я улыбаюсь, поднимая взгляд к небу. На нем звезды. — Я хочу, чтобы мы навсегда остались друзьями, потому что... — мой голос резко обрывается, и я судорожно вздыхаю.

О нет. Неужели я плачу?

— Августа? — тревожно произносит мое имя Ангел.

Мои руки начинают дрожать, как и я вся. Я крепко зажмуриваю глаза, но лишь на мгновение, и заставляю себя собраться. Но одна слезинка все же успевает скатиться по щеке, подбородку и упасть, разбившись вдребезги на миллиарды маленьких крупинок.

— Потому что иметь такого друга как ты замечательно, — заканчиваю я. — Потому что с тобой я действительно живу, а не существую. Потому что ты изменил меня и весь мой мир. Прости, это немного эгоистично. Но я хочу, чтобы ты остался в моей жизни, потому что с тобой я другая. Я смеюсь, улыбаюсь и разговариваю и... мне это нравится. Нравится чувствовать себя не каким-то темным пятном в этой жизни, а человеком. Нормальным человеком, — мне становится легче, когда я говорю это. Я знаю, что Ангел никогда не посмеется над моим откровением. И я без ума от него за это.

— Августа? — тихо говорит Ангел.

Я делаю глубокий вдох.

— Да? — мой голос предательски дрожит.

Ангел молчит, и ко мне подкрадывается напряжение.

— Ты потрясающий человек, — наконец, произносит Ангел, но мне не становится свободнее. Наоборот, я напрягаюсь сильнее. Я затаиваю дыхание и жду продолжения. — Не знаю, что можно сказать еще, потому что, знаешь, на самом деле, никакие слова на свете не смогут хотя бы приблизительно передать то, что я думаю о тебе. Хорошая, милая, добрая,

веселая, дружелюбная, смешная, отзывчивая, верная... Это всего лишь эпитеты, не сущие в себе реальный смысл того, как ты удивительна, Августа. И мне жаль, что такие люди, как ты, вынуждены страдать из-за тех, у кого нет ни сердца, ни души.

— Такие люди, как мы, Ангел, — тихо проговариваю я. — Такие люди, как мы.

У меня подкашиваются ноги, но не оттого, что мне плохо... нет, мне плохо, но от счастья. Какая противоречивость.

— Но теперь все будет по-другому, — чуть бодрее обещает Ангел. — Теперь все будет иначе. Не сомневайся.

Я не сомневаюсь.

— У нас есть мы, и это главное, — я слышу, как слабо дрожит его голос, и у меня щиплет в носу. Похоже, слез все-таки не удастся избежать. — Мне все равно, что мир отвернулся от меня. Мне все равно, что думают обо мне другие. Имеет значение лишь то, что рядом есть друзья, и что они поддерживают и любят меня.

— Да, — шепотом соглашаюсь я.

Мы с Егором любим и поддерживаем тебя.

Я люблю и поддерживаю тебя.

— Разве может быть что-то лучше этого? Того, что ты не одинок? Мы не одиноки, Августа. И мы всегда будем друг у друга, я обещаю тебе.

— Хорошо, — киваю я сама себе и тыльной стороной левой руки стираю со щеки горячие слезы.

— Всегда, Августа, — повторяет Ангел.

— Всегда, — говорю я.

Четырнадцатая глава

Глава четырнадцатая

Почти на все зимние каникулы родители, точнее мама, насильно заставляет меня отправиться к бабушке и дедушке в Великий Новгород. Я долго отказываюсь и спорю, потому что хочу провести десять дней в компании Ангела и Егора. Но мама стоит на своем и, в конце концов, я уступаю ей.

Конечно, я не против повидаться с бабушкой и дедушкой, но не на все же каникулы!

И я возвращаюсь на целых три дня раньше, чем должна.

Воскресенье. Два часа дня. Я подхожу к дому и вздыхаю, когда вхожу в подъезд. Мама с папой дома. Я поднимаюсь на седьмой этаж и звоню в звонок. Через минуту дверь мне открывает мама.

Она видит меня и улыбается.

— Привет, — говорю я и прохожу в квартиру.

Мама кратко обнимает меня, и я немного удивлена такому проявлению нежности, но неуклюже обнимаю ее в ответ. Когда мама отходит, я бросаю дорожную сумку, наполовину заполненную моими вещами, снимаю черную зимнюю куртку и огромные ботинки.

— Привет, — говорю я папе, когда иду в свою комнату.

Он сидит на диване, смотря телевизор и одновременно читая какую-то брошюру.

— Привет, дочь, — отвечает он мне запоздало.

Но я уже скрываюсь в коридоре, когда он поворачивает голову в мою сторону. Я переодеваюсь в своей комнате и несколько минут бездумно валяюсь в кровати, наслаждаясь тем, что вернулась домой. У бабушки и дедушки тоже, конечно, круто, но дома лучше (хотя раньше мне вообще было все равно).

Еще я поправилась, наверно, килограмма на три. Конечно, что еще следовало ожидать, ведь бабушка просто мастерски готовит. Особенно вкусными у нее получаются шаньги. Их я за неделю съела столько, что год точно не смогу даже смотреть на них.

Я отдыхаю какое-то время, выбираюсь из своей комнаты и иду в ванную, затем останавливаюсь в гостиной, чтобы немного поболтать с родителями. Мама спрашивает у меня, как я отдохнула. Я отвечаю ей, что хорошо. Папа сначала обнимает меня, но в разговоре почти не принимает участие, однако слушает нас. Мне немного неуютно беседовать с ними, потому что это так... по-семейному. Якобы они такие заботливые и внимательные родители, а я примерная дочь. Ха-ха, конечно. Но теперь все иначе. Теперь они уделяют мне больше, чем достаточно времени. И я не знаю, чем это вызвано. Соскучились, или это как-то связано с тем, что у меня время от времени болит сердце? Но ведь так было всегда. Или я думаю, что внимания с их стороны стало больше, потому что теперь занята сама, и на самом деле все по-прежнему?

— В следующий понедельник я записала тебя к кардиологу, — говорит мама.

— Зачем? — спрашиваю я.

— Провериться. Сделаешь кардиограмму, ЭКГ... — она издает тяжелый вздох, как будто вся эта ерунда с моим сердцем достала ее. Что ж, я не могу обвинить ее в этом, потому что моя болезнь убила в голове мамы много нервных клеток. В прочем, как и моих.

— То есть, в школу я не пойду? — уточняя я немного обрадованно.

— Да. Я уже позвонила Светлане Александровне и предупредила ее, — кивает мама.

Я улыбаюсь.

В три часа я кушаю, так как потом планирую идти гулять. Но сначала мне нужно позвонить и договориться. Ангел знает, что сегодня я должна была вернуться домой. Мы созванивались с ним вчера. Он сказал, чтобы я позвонила ему, как только буду готова идти гулять. Я сказала ладно, и мы попрощались.

Я иду в свою комнату и нахожу номер Ангела. Нажимаю «вызов» и жду, когда он ответит.

Первый длинный гудок. Второй. Третий. Четвертый.

Обычно, Ангел всегда отвечает после второго или третьего, в крайнем случае, после четвертого. Но сейчас я уже целую минуту ожидаю услышать его голос.

Я хмурюсь, чувствуя легкую досаду, и набираю его номер снова.

Десять.

Десять попыток дозвониться до него, и все напрасно.

Может, что-то случилось? Или Ангел решил не общаться со мной?

Глупо, но больше всего я боюсь именно второго варианта.

Я не могу спокойно сидеть на месте. Я звоню Егору, прошу его позвонить Ангелу. Спустя минуту Егор перезванивает мне и говорит, что Ангел не берет трубку.

Значит, что-то случилось.

Ну, или, может быть, не обязательно что-то серьезное. Может, он где-то оставил телефон, или он в душе, на кухне, в гостиной...

Я не оставляю попыток и звоню Ангелу. Снова и снова.

На тридцать седьмой звонок Ангел, наконец, отвечает мне.

— Ну слава Богу, — вздыхаю я и устало падаю на кровать. — Почему так долго не отвечаешь? Я уже...

— Здравствуй, Августа, — прерывает меня знакомый женский голос.

Это мама Ангела.

Я резко сажусь, отчего у меня начинает кружиться голова.

— Виолетта Александровна? — удивляюсь я. — О, эмм, извините. Я думала, это Ангел... — мой голос затихает, и я прикусываю нижнюю губу. — А он... Где он?

— Ангел не может подойти сейчас к телефону, — объясняет она.

Я хмурюсь и встаю.

— У него высокая температура, и мы думаем, что он заболел, — договаривает Виолетта Александровна.

Я шумно выдыхаю и плотно сжимаю губы.

Ангел заболел. Это же ужасно.

— Я... я могу завтра навестить его? — спрашиваю я и начинаю грызть ноготь указательного пальца.

— Не думаю, что это хорошая идея, Августа, — вздыхает женщина. — Не хочу, чтобы ты заболела. Да и Ангел не хотел бы...

— А могу я поговорить с ним сейчас?

— Он спит.

— Понятно... Хорошо. До свидания, Виолетта Александровна.

— Пока, Августа.

Она отключилась первая.

Ужасная новость о том, что Ангел болен, окутывает меня с головы до ног. Хорошее настроение испаряется, и я могу думать только о том, что мой лучший друг сейчас страдает от высокой температуры. Я ненавижу болеть. Ненавижу больницы и врачей...

Бедный Ангел.

Я чувствую необходимость поддержать его, но понимаю, что не могу, тем более его мама сказала, что пока не стоит навещать его. И сколько он будет болеть? Неделю? Две? Я же не выдержу. По крайней мере, мы можем созваниваться.

Мы определенно будем созваниваться.

Через десять минут я звоню Егору, чтобы сказать, что Ангел заболел. Он говорит, что это отвратительно. Без него будет скучно. Я соглашаюсь с ним. Мы болтаем несколько минут, и я отключаюсь.

Два дня до конца зимних каникул. И я не знаю, чем себя занять.

В обед я снова звоню Ангелу. Он не отвечает. Я набираю его номер еще несколько раз и откладываю попытки достучаться до него, когда понимаю, что это невозможно.

Тревога за него не дает мне покоя. Я слоняюсь по квартире, словно призрак. Я не хочу есть, пить, разговаривать, улыбаться. Все вновь становится серым и бессмысленным. Я скучаю по Ангелу, по его голосу, по его смеху. Мне дико не хватает его глаз.

Боже, я такая влюбленная.

Я звоню Ангелу через четыре часа. У него выключен телефон.

Замечательно.

Я плохо сплю ночью, не могу избавиться от разных глупых мыслей, которые нескончаемым потоком лезут в голову, несмотря на все мое сопротивление. Я ворочаюсь, потом мне становится жарко, и я ощущаю, как знакомая боль зарождается в сердце. Сначала это просто мгновенные вспышки боли, которые то появляются, то исчезают. А через несколько минут ощущение дискомфорта становится невыносимым, и я перестаю дышать, чтобы хоть как-то ослабить боль.

Я не могу подняться, чтобы выпить таблетки. Все, что мне остается делать, это лежать, глотая слезы, и терпеть агонию в сердце.

Я навязчиво продолжаю заваливать Ангела звонками, ну и пусть. Я беспокоюсь, я не понимаю, почему он не может ответить мне и просто сказать, как он себя чувствует. Ну, или хотя бы написать смс-ку. Разве я много прошу?

Просто дать знать, что он жив.

Я разговариваю с Егором в обед по телефону.

— Это странно, — говорит он приглушенным голосом в трубку.

— Да, — вздыхаю я.

— Давай сходим к нему?

— Нет. Его мама сказала, чтобы мы не приходили какое-то время.

Иначе я бы рванула к нему в тот же вечер, когда он перестал отвечать на мои звонки.

— Я чувствую себя маньячкой, — уныло усмехаюсь я.

Егор громко и тяжело дышит.

— Думаешь, он завтра придет в школу? — спрашивает он.

Я надеюсь на это.

— Не знаю, — отвечаю я.

— Без него скучно.

— Да, — протягиваю я. — Без него скучно.

И это лишь верхушка айсберга. Я не только скучаю, я... я умираю без него. И пусть мои слова кажутся чересчур трагичными и, возможно, немного пафосными, но это так. Без Ангела я думаю, что все становится таким, каким было до знакомства с ним. Я нуждаюсь в нем так, как утопающий нуждается в воздухе.

— Позвони мне, если он ответит, — говорит Егор.

— Хорошо.

— Пока.

— Пока.

Я не хочу вставать во вторник утром, начинать этот день и идти в школу. Но я должна. Поэтому я скидываю с себя одеяло, встаю на ноги и иду в ванную. Я заставляю себя двигаться, одеваться, собраться с мыслями.

Отлично начинается третья четверть.

Я не обращаю внимания на своих одноклассников, которые безумно «рады» увидеться после каникул. Я, тихая и незаметная, иду к своему месту и с тоской смотрю на последнюю парту, за которой сидит Ангел. Но его там нет.

Когда приходит Егор, мне становится не так грустно.

— Привет, — здоровается он первый и садится рядом.

Я мрачно киваю в ответ.

— Так и не дозвонилась? — спрашивает он, разворачиваясь ко мне лицом на стуле.

Я отрицательно качаю головой.

Егор поправляет очки.

— Я тоже звонил ему.

Я знаю, что примерно он скажет дальше.

— Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети, — бормочет Егор, подражая женскому голосу, который произносит эту ненавистную фразу.

— Я думаю, мы должны сходить к нему сегодня после уроков, — говорю я.

— Ты же говорила, что его мама сказала не приходить.

— Да. Знаю. Но я...

Не могу терпеть. Хочу увидеть Ангела. Хочу убедиться, что он дышит.

— Я тоже, — тихо произносит Егор.

Егор и я смотрим друг на друга. В его глазах печаль, и я понимаю, что в моих глазах тоже. Он скучает по нему так же, как я. Только я все равно сильнее.

Первый урок — русский язык. Со звонком в класс заходит Светлана Александровна. За каникулы она ничуть не изменилась. Да и никто в этом классе, разве что кроме Камиллы — она перекрасилась в черный цвет. И ей, на самом деле, не идет, только все девочки говорят,

что стало лучше. Они так профессионально лгут.

Пока учительница раскладывает тетради на столе, я настраиваю себя на то, что этот день будет невыносимо долгим, потому что Ангела нет рядом.

Первые пятнадцать минут урока я вообще не могу сосредоточиться. Я сижу, смотрю прямо перед собой, в спину Лазаревой, но мои мысли летают где-то далеко от этого класса, от этой школы...

Затем я слышу, что Светлана Александровна перестает говорить. Почему-то я думаю, что она заметила, что я витаю в облаках, и я со страхом отрываю взгляд от черного пиджака Лазаревой. Я перевожу его на учительницу и с облегчением замечаю, что она замолчала не из-за меня. Она вообще не смотрит в мою сторону. Светлана Александровна начинает копошиться в своей сумке, а затем достает оттуда серебристую раскладушку.

— Алло, да? — громко говорит она и встает из-за стола.

Я только сейчас замечаю, какой у нее громкий голос.

Учительница молчит, слушает кого-то, и ее глаза неожиданно округляются, будто от сильного шока.

— Да как же так? — вздыхает она и прижимает ладонь свободной руки ко рту.

И тут ее взгляд падает на нашу с Егором парту. Я начинаю нервно ерзать на стуле и боковым зрением замечаю, что Егору тоже не по себе оттого, что Светлана Александровна неожиданно обратила на нас внимание.

Что-то не так?

Учительница продолжает смотреть на нас.

Это звонят мои родители, или родители Егора? С ними что-то случилось?

Или я просто себя накручиваю, и Светлана Александровна просто смотрит на нас. Быть может, нет совершенно никакого повода начинать бить тревогу.

— Да, да, я поняла, — бормочет учительница. — Да, конечно. Хорошо, не беспокойтесь. Господи, — она ахает, и я пытаюсь услышать, что она говорит дальше, но это сложно, так как одноклассники пользуются моментом, что Светлана Александровна отвлеклась, и начинают перешептываться друг с другом.

Светлана Александровна убирает телефон от уха. Она какое-то время стоит перед классом, не двигается и смотрит в одну точку. Она точно сейчас не с нами. Учительница глубоко погружена в свои мысли, и, клянусь, я вижу, как краснеют ее глаза.

Мне невольно становится тревожно.

Затем она резко вздрагивает и моргает. Ее глаза растерянно бегают по классу. Мое сердце начинает биться быстрее. Ее взгляд снова останавливается на нашей парте. Светлана Александровна поджимает губы, и ее подбородок дрожит, словно она сейчас зарыдает.

Ничего не говоря, учительница выбегает (да-да, именно выбегает) из класса, и всех это немного удивляет. Мы с Егором впадаем в полное недоумение, я смотрю на него, он смотрит на меня, и мы надеемся найти в глазах друг друга ответ.

— Что это с ней? — спрашивает тихо Егор.

Я пожимаю плечами.

— Она как будто собиралась заплакать, — говорит он и смотрит на дверь.

— Это странно, — бормочу я.

Егор меня слышит и кивает.

Из-за неожиданного ухода Светланы Александровны срывается урок русского языка. Все счастливы, кроме меня и Егора. Мы так и не пошевелились ни разу за все сорок пять

минут.

Когда наступает перемена, и я с Егором иду к кабинету физики, то вижу у учительской Светлану Александровну. Она стоит рядом с завучем и вытирает белым носовым платком слезы под глазами. Я толкаю Егора в бок, он смотрит на меня. Я киваю ему в сторону учительницы, и он поворачивает на нее голову. Несколько секунд молчит, затем пожимает плечами и хмурится.

Весь день проходит, словно во сне.

Когда звенит долгожданный звонок с последнего урока, я вылетаю из класса истории одной из первых и мчусь в раздевалку, чтобы взять куртку. Затем жду Егора в холле.

— Пойдем сейчас? — спрашиваю я у него, имея в виду поход к Ангелу.

— Мне надо зайти домой, — говорит Егор.

— Ладно. Тогда сначала до тебя, а потом к нему.

Егор неуверенно кивает, и мы выходим из школы.

Пятнадцатая глава

Глава пятнадцатая

Каждая моя мышца напряжена до предела. Я переживаю. Сильно. Мои ладони вспотели от баснословного волнения. Я поднимаюсь по ступенькам, потому что лифт в доме Ангела сломался, и думаю о том, что скажу, когда увижу его. Сзади меня почти бесшумно идет Егор. Он так же погружен в свои мысли, как и я.

Когда мы поднимается на нужный этаж, я останавливаюсь, чтобы перевести дыхание и успокоиться.

Сжимаю руки в кулаки, смотрю через левое плечо на Егора, который минует последнюю ступеньку и встает рядом со мной. Затем мы медленно идем к двери семьи Самарских.

Я почти минуту переглядываюсь с Егором, и мы по очереди киваем на дверной звонок и мотаем головой, решая, кто позвонит в него.

В итоге это делаю я. Тянусь дрожащей рукой и нажимаю на маленький черный квадратик.

И наступает тишина.

Мы с Егором ждем.

Кто нам откроет двери? Ангел, или его родители?

Хоть бы Ангел. Хоть бы Ангел. Хоть бы Ангел.

Я прерываю свою молитву, когда слышу, как двери с другой стороны кто-то подходит. Затем на нас с Егором смотрят в глазок, молчат. Я уже не могу стоять на месте. В мыслях я громко кричу, требуя впустить меня, и колочу кулаками по двери. Внутри меня бушует ураган.

В следующую секунду дверь медленно открывается, и я первая вижу светлую макушку отца Ангела.

Виктор Валерьевич смотрит на меня своими большими серо-голубыми, опухшими, будто он не выспался, глазами.

— Здр...здравствуйте, — лепечу я.

— Привет, Августа, — кивает мужчина и открывает дверь шире. Он переводит взгляд на Егора. — Привет, Егор.

Егор кивает.

— Мы к Ангелу, — говорю я.

Виктор Валерьевич замирает, как человек, в которого попадает пуля, и глаза его становятся стеклянными.

— Он дома? — неуверенно спрашиваю я.

— Да, Ангел дома, — мужчина вздыхает и с поджатыми губами смотрит на меня. — Проходите.

Мы заходим в прихожую и неуверенно ютимся с Егором.

— Я скажу ему, что вы пришли, — говорит нам Виктор Валерьевич и идет к комнате сына. Он останавливается у нее, я вижу, как сжимается его кулак, которым в следующую секунду он осторожно стучит по двери. Затем Виктор Валерьевич открывает дверь, и его

голова с плечами исчезают. — Ангел? К тебе пришли друзья, — слышу я его тихий голос.

И затем мой слух улавливает голос, который я раньше никогда не слышала, и который отдаленно напоминает тот, что всегда согревает меня изнутри. Этот голос не может принадлежать Ангелу, потому что Ангел всегда говорит живо, энергично, даже когда ему грустно. А тот, что я слышу сейчас, — надломленный, погасший и хриплый.

— Не надо, — произносит этот голос. — Я не хочу никого видеть.

— Но, сын...

Ангел не дает ему договорить и начинает кричать:

— Я не хочу никого видеть!

Я вижу, как Виктор Валерьевич вздрагивает, и кидаю тревожный вопросительный взгляд на Егора. Он тоже ничего не понимает.

— Хорошо, — сдаётся мужчина и закрывает дверь комнаты Ангела.

Его глаза закрыты какое-то время. Он делает глубокий размеренный вдох и разворачивается в нашу сторону.

— Извините, ребята, но встреча отменяется, — с искренним сожалением говорит мужчина.

— Что... что с ним? — от волнения мой голос срывается на шепот.

Это не может быть Ангел. Только не мой Ангел. Только не он. Нет. Это не его голос. Это не он кричал. Он бы никогда не сказал, что не хочет видеть нас с Егором.

Виктор Валерьевич напрягается. Его серо-голубые глаза темнеют от печали, и мне становится не по себе. Я чувствую, как где-то глубоко внутри меня зарождается тошнотворный приступ паники.

— Ангел не может ходить, — шепчет мужчина и вдруг всхлипывает. Он низко опускает голову, и его плечи начинают трястись от рыданий. Виктор Валерьевич накрывает глаза ладонью, и все, что я слышу и вижу, это беспомощно плачущего взрослого мужчину. — Мой сын не может ходить, Августа. Теперь не может...

Я теряю остатки самообладания и тоже начинаю плакать, хотя с трудом понимаю, что происходит.

— Т...то есть? — спрашиваю я.

— Он...

Виктор Валерьевич не успевает договорить, как вновь раздаётся тот ужасный надломленный голос из комнаты Ангела:

— Пусть они уходят, папа! Скажи им, чтобы они ушли и больше никогда сюда не приходили! Я не хочу их видеть! Я не хочу!

Мужчина издает еле слышный стон и зажимает указательным и большим пальцем переносицу. Он набирает в легкие воздух и вытирает слезы с лица. Его глаза красные-красные, но больше нет той подавленности, что была несколько секунд назад.

— Простите, ребята, но вам надо уйти, — говорит Виктор Валерьевич.

Я хочу возразить и потребовать объяснений, но не могу. Я парализована ужасом и паникой. Я совершенно сбита с толку.

Я не помню, как мы с Егором выходим из квартиры Ангела. Я не помню, как мы оказываемся на улице перед домом. Я молчу. Егор тоже. Я пытаюсь собраться с мыслями, но это невозможно. Я прокручиваю в голове слова Виктора Валерьевича о том, что Ангел не может ходить. Я вспоминаю тот чужой, наполненный отчаянием голос, и меня пробивает дикая дрожь.

Мы стоим неподвижно несколько бесконечных минут. Затем начинаем отдаляться от дома Ангела. Я слышу, как снег хрустит под моими ногами.

— Я ничего не понимаю, — вдруг начинает Егор.

Я чувствую, как непрошеные слезы скатываются с лица, падают и растворяются в снегу.

— Что значит, Ангел не может ходить? Как это? В смысле? — вопрошает Егор, и постепенно в его растерянный голос просачивается боль. — Он что... ин... инвалид?

И тут я резко поднимаю голову и всматриваюсь в недоуменное бледное лицо Егора сквозь пелену слез.

— Но как? — шепчет он. — Я не понимаю, Августа. Я не понимаю...

Со смешанными чувствами я возвращаюсь домой и, не говоря ни слова родителям, закрываюсь в своей комнате. Я набираю номер Ангела и жду, что он ответит. Но он, конечно, игнорирует меня. А я не сдаюсь. Через двадцать минут упорных попыток достучаться до него я кладу телефон на компьютерный стол и стою.

Стою пять минут, десять, пятнадцать. Я не знаю, что творится в моей голове. Я пытаюсь проанализировать то, что произошло. Я пытаюсь понять, что значат слова отца Ангела о том, что он не может ходить. Я вспоминаю предположение Егора о том, что наш друг теперь инвалид. Это слово ранит меня глубоко в сердце, и я думаю, что рано делать поспешные выводы. Я должна лично убедиться в этом. Я должна увидеть Ангела. Должна поговорить с ним.

Я должна... я должна сделать хоть что-нибудь. Но я не могу. Я чувствую себя такой беспомощной оттого, что ничего не понимаю.

Я снова не сплю ночью, но на этот раз вовремя забочусь о том, чтобы не корчиться от боли в сердце, и пью таблетки, пока мама не видит. Я не хочу ее тревожить лишней раз. Я долго лежу в кровати, затем начинаю блуждать по комнате. У меня уже болит голова, и слипаются глаза. Но как только я ложусь обратно, желание спать тут же отступает, и снова все пространство в голове заполняется тревожными мыслями.

Когда на следующий день в школе я вижу Светлану Александровну, меня неожиданно осеняет.

Ей вчера звонили родители Ангела и что-то сказали про него. Может быть, про то, что он... не может ходить?

Конечно, я не могу утверждать. Я по-прежнему ни в чем не уверена. Я просто в шоке.

Егор выглядит не выспавшимся, и я ничуть не лучше него. На алгебре я наклоняюсь к нему и шепчу:

— Подойдем на перемене к Светлане Александровне.

— Зачем? — тем же шепотом спрашивает Егор.

— Она стопроцентно что-то знает об Ангеле.

Егор кивает, и больше мы с ним не разговариваем.

На перемене мы мчимся к кабинету русского языка, где сейчас Светлана Александровна проводит урок у шестого «Б». Я влетаю в кабинет и вижу учительницу за столом в окружении мальчиков и девочек.

— Светлана Александровна! — громко зову я ее.

Учительница отрывает взгляд какой-то тетради и поворачивается в мою сторону.

— Августа? — удивляется она.

Я подхожу к ней и склоняюсь, чтобы не кричать на весь кабинет.

— Вы знаете, что с Ангелом? — я решаю не тянуть резину и спрашиваю прямо.

Взгляд Светланы Александровны становится сочувствующим и она откладывает все свои дела, чтобы ответить мне.

— Ребята! — обращается она к ученикам шестого «Б». — Выйдите все из класса на несколько минут.

Они послушно выполняют просьбу учительницы, и в кабинете остаемся только мы с Егором и Светлана Александровна. Я сажусь за первую парту и готовлюсь внимательно выслушать все то, что женщина мне скажет. Пусть даже правда будет самой ужасной... Я должна все знать.

— Так вы знаете? — нетерпеливо уточняю я.

Светлана Александровна тяжело вздыхает и сжимает губу.

— Бедный мальчик, — говорит она и качает головой. Меня начинает раздражать такая медлительность. Перемена скоро закончится, но я не уйду отсюда, пока все не узнаю.

— Что с ним? — спрашиваю я.

Я сжимаю кулаки, когда встречаюсь с взглядом учительницы.

— У Ангела отказали ноги, Августа, — говорит она.

Я застываю и перестаю дышать.

Что у него отказало?

— Он не может ходить, — Светлана Александровна опускает глаза к столу и начинает всхлипывать. — И, наверно, уже никогда не сможет.

Нет.

Нет. Нет. Нет. Нет. Нет.

Такого просто не может быть. Не верю. О Господи...

В горле образовывается огромный ком паники, шока, отчаяния, боли и непонимания. Я не могу дышать. Не могу пошевелиться. Не могу ничего сказать или сделать. Потому что все это бессмысленно. Потому что все это не имеет значения.

Я широко распахнутыми глазами смотрю на Светлану Александровну и впитываю в себя ее слова.

Мой бедный Ангел. Он сейчас один, ему сейчас плохо.

— Ангел Самарский больше не будет ходить в эту школу, — произносит Светлана Александровна.

Темнота стремительно поглощает меня с головой.

Мои крылья сломались.

Я выбегаю из кабинета русского языка и растерянно смотрю по сторонам.

Я не могу находиться в этой школе, в которой больше никогда не будет Ангела Самарского. Я не могу спокойно смотреть на все лица, что окружают меня. Я не могу сидеть и делать вид, будто все в порядке, потому что ничего не в порядке. Все ужасно. Все разрушено.

Я быстро иду по коридору к выходу из школы, потому что я не останусь здесь. Я должна увидеть Ангела. Мне необходимо видеть его...

— Августа! — я с трудом слышу, как кричит мое имя Егор.

Это не важно. Сейчас ничего не важно.

— Августа! — кричит он снова.

Я не останавливаюсь и не собираюсь это делать.

— Августа, стой! Куда ты? — Егор догоняет меня и старается идти со мной наравне.

— Мне надо... — бормочу я бессвязно.

— Да погоди ты! — он хватает меня за локоть и резко тянет назад.

Тогда я останавливаюсь. Я часто и громко дышу.

— Куда ты собралась? — спрашивает меня Егор.

— К Ангелу, — на выдохе отвечаю я. — Пойдем со мной.

Мое предложение ставит его в тупик. Я вижу в его глазах желание согласиться, но так же он сильно растерян, и именно это сбивает его с толку.

— Прямо сейчас? А как же уроки? Я не... я не могу... Сегодня контрольная по физике, и...

Я не дослушиваю его, так как понимаю, что он не пойдет, и бегу к раздевалке.

— Августа! — кричит уже беспомощно Егор, но я игнорирую его.

Я сбегая с уроков.

Я знаю, что мне за это влепят выговор. Но важно ли это сейчас? О Господи, нет. Это совершенно не важно. Я бегу к дому Ангела со всех ног. Я забываю о том, что мне нельзя совершать физические нагрузки, а еще мне нельзя волноваться, и тем более противопоказано комбинировать первое и второе. Но опять же, это не важно. Мое сердце может подождать и не разорваться от напряжения до того, пока я не поговорю с Ангелом.

Я едва могу передвигаться, когда залетаю в подъезд его дома и замечаю на себе удивленный взгляд консьержки. Я иду к лифту и жму, не переставая, на кнопочку, будто это как-то может ускорить процесс. Когда лифт приезжает, я захожу в него и еду вверх. Я думаю о том, что меня, возможно, снова попросят уйти родители Ангела. Но сейчас я настроена весьма решительно и не собираюсь отступать, пока лично не поговорю с ним.

Я подлетаю к двери семьи Самарских и громко стучу в дверь, забывая про звонок. Нервы на пределе, голова гудит, я с трудом сдерживаю слезы.

Я забываю, что колочу, не переставая, уже минуту, или больше, и перестаю это делать только тогда, когда дверь открывается. На этот раз передо мной стоит мама Ангела.

— Августа? — удивлена Виолетта Александровна. Она выглядит уставшей, и нет былой бодрости. Глаза... о, в них столько печали. — Ты почему не в школе? Разве у вас нет уроков?

— Нет... то есть да, — лепечу я. — Я пришла проведать Ангела.

— Он сейчас спит, — тихо отзывается Виолетта Александровна. Меня накрывает волной отчаяния. — Но проходи. Попьем чай на кухне, — она вздыхает и грустно смотрит на меня. — Я все тебе расскажу.

Я готова броситься ей на шею и утопить в благодарностях. Я радостно улыбаюсь и прохожу в квартиру. Раздеваюсь, и мы идем на кухню. Я смотрю в сторону комнаты Ангела, и мне хочется побежать туда, открыть дверь и увидеть его. Но все эти действия — только в моих мыслях.

Виолетта Александровна включает чайник и садится за стол. Она жестом просит присесть рядом. Я сажусь.

— Витя рассказал мне, что Ангел вчера устроил, — говорит Виолетта Александровна. — Извини. Сын, он просто... ему нелегко сейчас, Августа, — она потирает рукой лоб и

тяжело вздыхает.

— Что случилось? — этот вопрос не давал мне покоя всю ночь, и вот, наконец, я задаю его.

— Я и сама не понимаю, милая, — голос женщины начинает дрожать, и она не смотрит на меня, ее голова низко опущена. Я больше чем уверена, что она плачет. Я тоже на грани того, чтобы залиться горькими слезами. — Все каникулы он жаловался на боль в спине и онемение ног, а за пару дней перед тем, как... — Виолетта Александровна резко обрывает себя и молчит какое-то время. Я с тревогой наблюдаю за ней. Я вижу, как дрожит ее рука, которой она прикрывает пол лица. — Два дня у Ангела был сильный жар. Мы думали, что это простуда, но четыре дня назад он проснулся ночью. Он кричал, — Виолетта Александровна переходит на шепот. — Мы с мужем проснулись и не знали, что делать. Ангел сказал нам, что не чувствует своих ног, — наконец, женщина поднимает голову и смотрит на меня с таким глубоким отчаянием, что я невольно начинаю плакать. Ее глаза красные, в них стоят слезы. По моим щекам они тоже текут.

Каждая клеточка моего тела наполняется болью. Я заполнена ею от макушки головы до кончиков пальцев ног, но чувствую и то, что внутри меня ничего нет.

Ангел не говорил мне. Ничего. Ни того, что у него болит спина, и немеют ноги. Ни того, что у него был жар. И то, что он... он не может ходить. Я потеряна, все потеряно, и я не могу собраться с мыслями. Я ничего не могу, только сидеть и плакать.

— Мы повезли его в больницу, — слышу я разбитый голос Виолетты Александровны. Я заставляю себя поднять глаза. Женщина вытирает слезы со щек и шмыгает носом. — Врач сказал, что у Ангела паралич конечностей из-за травмы спины, которую он получил в результате аварии. Еще доктор сказал, что сын, возможно, больше никогда не сможет ходить, — и она снова плачет. На этот раз сильнее. — Понимаешь, Августа? Ангел может никогда не встать на ноги. Он не будет ходить, Августа. За что все это моему мальчику? — мама Ангела закрывает лицо руками, и она сотрясается в рыданиях.

Я не могу пошевелиться, или что-нибудь сказать. Я — пустая оболочка. Внутри меня ничего нет. Возможно, это потому, что я в шоке. Но скоро, очень скоро, на меня навалятся чувства, и тогда я сойду с ума.

Я делаю медленный вдох, несколько секунд не дышу, а затем резко выдыхаю. И чувствую боль в груди, но болит не сердце. Болит моя душа. Теперь я ее ощущаю. Теперь я уверена, что она существует, потому что что-то изнывает, но не органы. Что-то неосязаемое и необычное, но оно точно есть. Затем на меня со скоростью снежной лавины обрушивается паника, и я жадно глотаю воздух. Я задыхаюсь, задыхаюсь, и это так больно, так мучительно.

Мой Ангел. Что с тобой произошло? Почему все это случилось? Почему именно с тобой? Почему сейчас? Почему вообще? Он сейчас страдает... Мой друг сейчас сломлен, и я ничем не могу помочь ему. Я не могу ослабить его боль. Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, что мне думать, потому что моя голова пуста изнутри. Все мысли съедает боль.

— Ангел сам не свой после того... после того, что случилось с ним, — произносит Виолетта Александровна. Я смотрю на нее, но не вижу ее лица. — Он ни с кем не хочет разговаривать, никого не желает видеть, и мы с Витей очень переживаем за него. Я никогда, — она громко сглатывает, — никогда не думала, что мой сын может так... страдать. Это невыносимо, Августа. Смотреть на него, видеть его безжизненное лицо. У него даже голос изменился.

Я знаю.

Я это заметила.

— Он не встает с постели вот уже два дня, — продолжает женщина. — Говорит, что не сядет в инвалидное кресло.

Я закрываю глаза. Каждое слово Виолетты Александровны ранит меня в самое сердце, глубоко, причиняя адскую боль.

— Я не знаю, что мне делать, — всхлипывает она. Я тоже. — Все это свалилось так неожиданно... И... Ох, Боже мой. Я не могу...

Я не чувствую своего тела. Я вообще ничего не чувствую, кроме боли и непонимания. Но я точно знаю одно. Я все еще больше всего на свете сейчас хочу увидеть Ангела, потому что... потому что тогда мне станет легче, и я знаю, что ему тоже.

— Августа, — когда Виолетта Александровна произносит мое имя так тихо и робко, я вздрагиваю. — Я могу тебя попросить кое о чем?

Я все еще не могу говорить, поэтому киваю.

Виолетта Александровна протягивает ко мне руки и берет мои. Крепко сжимает. У нее холодная и слегка мокрая от слез кожа.

— Не бросай его, — шепчет она. — Потому что он не выдержит этого.

И тут происходит взрыв. Внутри моей головы. Я чувствую. Все. Абсолютно. И эти чувства обострены до предела. И они раздавливают меня.

Бросить Ангела.

У меня никогда и мыслей таких не было, нет, и не будет. Как я могу оставить такого, как Ангел? Этого не произойдет. Я буду с ним всегда, буду поддерживать, даже если он станет продолжать игнорировать меня. Я буду с ним, потому что рядом с ним мое место.

— Не брошу, — шепчу я в ответ.

Никогда.

Ни при каких условиях.

Глаза Виолетты Александровны начинают радостно блестеть, и она даже улыбается.

— Спасибо, Августа, — говорит она. — Спасибо.

Виолетта Александровна тянет ко мне через стол, чтобы обнять. Я запоздало обнимаю ее в ответ и молчу какое-то время. А когда слышу тихий плач женщины, уткнувшейся в мое плечо, ищущей поддержки, то тоже начинаю плакать.

Я не помню, как добираюсь до дома. Я не помню, как открываю входную дверь и раздеваюсь. Я начинаю все осознавать, когда вижу перед собой недоуменное лицо мамы. Она стоит передо мной и что-то говорит, но я не слышу ее.

— Что с тобой? — доносится до меня ее голос. — Что с твоим лицом? — она подходит ближе и всматривается. — Ты плакала?

Я молчу.

— Августа?

Я не могу разговаривать. Только ни сейчас.

— Августа? — уже не на шутку взволновавшись, спрашивает мама. — Почему ты плачешь?

Я открываю рот, надеясь объяснить, но слова так и не вылетают из моих уст. И я стою, не зная, что сказать, не зная, куда смотреть, и что думать.

Так и не сумев ответить, я опускаю глаза, и мои плечи резко опускаются, когда я шумно выдыхаю. Все начинает плыть перед глазами из-за нового приступа слез. Я пытаюсь сдержать их, но не могу. Я не так сильна для этого, хоть и не хочу, чтобы мама видела меня в таком состоянии. Но у меня нет выбора.

Когда я закрываю лицо руками и начинаю скулить, мама резко притягивает меня к себе, как маленького ребенка, крепко обнимает и начинает спрашивать, почему я плачу. В ее объятиях мне тепло и уютно. В ее объятиях я чувствую себя защищенной, но, к сожалению, этого недостаточно, чтобы залечить полученные раны. Думаю, их ничто не сможет залечить, разве что чудесное выздоровление Ангела, его улыбка и прежний живой голос.

Через час мама все-таки добивается от меня объяснений. Я рассказываю ей, что случилось с Ангелом, и она в ужасе. Она тут же бежит к телефону, по пути пересказывая папе мои слова, и звонит родителям Ангела. Я слышу ее разговор, когда папа разговаривает со мной. Мама выражает свои сочувствия родителям Ангела. Она еще долго разговаривает с Виолеттой Александровной. Они обе плачут.

Когда я оказываюсь в своей комнате, я звоню Егору. Он в шоке. Он в ужасе. Я стараюсь не плакать, разговаривая с ним. Мы говорим недолго — минуты две-три, не больше. Когда я отключаюсь, мне больше не требуется сдерживать свои чувства, которые вырываются наружу, словно давно этого ждали.

Я падаю спиной на кровать и смотрю в потолок. Я чувствую, как мир перестает вращаться. Все останавливается, как и жизнь, и время, и мое сердце. Всего на миг, но этот миг кажется мне целой вечностью. Я сгораю изнутри, ярываюсь. Я чувствую, как невероятная тяжесть обрушивается на мои плечи и давит, давит, пытаюсь превратить меня в пустое место, уничтожить.

Переломный момент наступает всегда. Главная проблема в том, что мы не знаем, когда ждать этого подвоха, мы не можем предвидеть это, ведь тогда все было бы просто, а всем известно, что судьба любит усложнять жизнь.

Особенно мою.

Ангел.

Это имя для меня так же свято, как Библия для верующего. Обладателя этого имени я могу сравнить с самим Господом, потому что для меня он и есть Бог, потому что он создал для меня отдельную, удивительную и наполненную красками вселенную.

Жизнь не справедлива по отношению к некоторым людям. Жизнь не справедлива к тем, кто заслуживает счастья. Она сталкивает их с настоящим адом. Но чего она добивается?

Задавая себе бесконечные вопросы — почему, зачем, за что — я прихожу к одному единственному объективному ответу.

Все это бессмысленно. От нас в этом мире ничего не зависит. Мы всего лишь люди. Крохотные создания, не имеющие, на самом деле, свободы и выбора. Все решено за нас уже давно. Все судьбы расписаны задолго до нашего рождения. Это жизнь. И никогда не будет так, как мы хотим. Всегда будет происходить то, что должно произойти, и судьбе плевать с высокой колокольни на наши желания.

И все, что нам остается делать, это играть по ее правилам, правилам Жизни, стараться делать все возможное для того, чтобы не вылететь из игры.

Вот она — правда.

Шестнадцатая глава

Глава шестнадцатая

Никто в классе не потрясен новостью о том, что случилось с Ангелом.

Всем все равно. Хотя секунда полнейшего оцепенения все же наступает. А потом, как ни в чем не бывало, как будто ничья жизнь не сломана, все возвращаются к своим делам и разговором.

Всем все равно, потому что это не их друг попал в беду, и я могу предположить, еще потому, что они не имеют сердца, которое способно испытывать сочувствие.

Я не представляю, как мне дальше ходить в школу, сидеть на уроках, учиться... Я не знаю, как буду готовиться к предстоящим экзаменам, потому что все мои мысли об Ангеле, и только об Ангеле.

Все это так сложно.

После уроков я и Егор договариваемся навестить Ангела. Перед этим я созваниваюсь с Виолеттой Александровной, и она говорит, что не будет говорить сыну о том, что мы придем, потому что Ангел скажет нам не навещать его.

— Надо купить апельсины, — говорю я, когда мы подходим к овощному ларьку. — Он любит апельсины.

Егор ничего не говорит.

Мы покупаем два килограмма апельсинов, грейпфрут и мандарины. Ангел без ума от цитрусовых.

Я и Егор не разговариваем, когда идем к Ангелу. Каждый из нас думает о своем, точнее об одном, но мы все равно молчим.

Виолетта Александровна встречает нас с усталой улыбкой.

— Заходите, ребята, — говорит она нам.

Мы раздеваемся и неуверенно идем к комнате Ангела. Мне не по себе даже просто смотреть на его дверь. Мы не виделись две недели, включая зимние каникулы, и мне кажется, что все это сон, и Ангел является лишь его частью, а не моей реальностью. И я так боюсь проснуться однажды...

— Идите, — шепотом говорит нам Виолетта Александровна.

Я с сомнением смотрю на нее, и женщина, чтобы подбодрить, улыбается и кивает.

Ангел уже знает, что мы с Егором здесь. Наши голоса, наши шаги... он знает это, но не готов встретиться с нами. А мы готовы. Мы всегда готовы, потому что быть вдали от него намного тяжелее.

Я неуверенно стучусь в дверь и открываю ее. Я затаиваю дыхание и замираю, потому что волнуюсь. Егор сзади осторожно подталкивает меня вперед, и я вваливаюсь в комнату Ангела. Когда я уже внутри, когда я вижу Ангела, сидящего у окна в инвалидном кресле, кровь застывает в моих жилах. Я снова теряю самообладание. Я теряю способность мыслить, разговаривать, дышать, видеть.

Ангел слышит нас и резко оборачивается. У него болезненно бледная кожа, серо-синие губы и ужасные огромные мешки под глазами. Он выглядит измученным, уставшим, обессиленным. Я действительно вижу его, и это не сон, не мираж. Это реальность, но совсем

другая. Сейчас я не ощущаю бывшего настроения. Сейчас в воздухе царит мрак и пугающая дрожь тишина. Она медленно разъедает меня изнутри, как серная кислота.

Я жадно всматриваюсь в глаза Ангела и впадаю в отчаяние, когда не вижу в них теплоты. Они пусты. Затем мой взгляд перемещается вниз, на его ноги. Ангел это замечает и неосознанно начинает ерзать. Это удар ниже пояса — видеть его в инвалидном кресле, таким одиноким и печальным.

У меня дрожат колени, и я едва держусь на ногах. Я борюсь с желанием зарыдать и броситься к Ангелу на шею. Я вижу, как Егор вжимается в стену. Его глаза широко распахнуты. Он ошарашен больше моего. И напуган. Он будто смотрит на какого-то монстра, а не на своего друга.

— Привет, — произношу я. Мой голос сильно хрипит.

Ангел слабо вздрагивает, когда я нарушаю тишину. В его глазах что-то вспыхивает, но это не радость, это что-то совершенно мне необъяснимое, но точно плохое.

— Привет, — говорит Ангел. Его голос такой же надломленный и неживой, как и позавчера, когда мы с Егором пришли к нему в первый раз.

Мои губы сами собой расплываются в улыбке, и я жду, что Ангел улыбнется в ответ. Я стою, улыбаясь, минутой, но так ничего не происходит. Его лицо сохраняет непоколебимую отстраненность. Я слышу, как крошится моя уверенность.

Я вспоминаю про фрукты, которые мы с Егором купили Ангелу.

— Мы... мы... — бормочу я, протягивая вперед руку, в которой держу пакет. — Вот, в общем. Это тебе.

Я смотрю по сторонам, думая, куда поставить пакет.

Ангел молчит, Егор тоже. Пока я вожусь с пакетом, они смотрят друг на друга, потом Ангел перемещает взгляд на меня, и хоть я не вижу в данный момент его лицо, так как стою боком, кладя пакет на стул, я чувствую на себе его глаза. Затем я возвращаюсь на то место, где изначально стояла.

— Зачем вы пришли? — спрашивает Ангел.

Какой глупый вопрос.

— К тебе, — отвечаю я робко.

Губы Ангела искривляются в незнакомой жесткой ухмылке.

— Я не звал вас, — холодно бросает он. — Я не хотел, чтобы вы приходили. Вы нежеланные гости.

Его слова для меня не хуже пощечины. Во мне вспыхивает обида, но я подавляю ее, так как понимаю, что на самом деле Ангел так не думает, и он не хочет, чтобы мы уходили. Ему просто больно, но, к сожалению, вместо того, чтобы поделиться этой болью с нами, он прячет ее в себе.

— Ангел, — шепчу я.

Он плотно сжимает губы, и его скулы напрягаются. А глаза... они становятся такими холодными и злыми, что мне становится не по себе.

— Уходите, — отчеканивает он. — Я не хочу вас видеть, ясно?

— Но...

Ангел не дает мне сказать, пресекая:

— Разве вы не поняли еще, что все кончено? Дружбы больше нет. Меня больше нет. И вас для меня тоже не существует. Так что уходите, — он вжимается в кресло и продолжает сверлить меня сердитым взглядом.

Я мотаю головой.

— Не говори так, — слезы обжигают мне глаза. — Это не так, Ангел. Это... не говори так, — бессильно повторяю я, потому что не могу подобрать слов. Я в глубокой растерянности.

— Чего ты добиваешься, Августа? — с неожиданно яростью шипит Ангел и подается вперед. Он вцепляется руками в коляску, и я вижу, как белеют костяшки его пальцев. — Чего ты от меня хочешь? Чтобы я улыбнулся и сказал, что все прекрасно? Так этого никогда не будет! — он начинает кричать. — Потому что я в дурацком инвалидном кресле, если ты замечаешь! Потому что я никогда не смогу ходить! Потому что я инвалид, Августа! Понимаешь?! И-Н-В-А-Л-И-Д! Так что ничего не прекрасно, — Ангел немногоспокоивается, тяжело дыша, и снова откидывается назад. — Так что я не смогу улыбнуться тебе.

Я прижимаю руку ко рту, сдерживая стон. Свою боль Ангел пытается скрыть за ненавистью к нам, ко мне...

— Уходите, — повторяет спустя минуту гробовой тишины Ангел. — Я не рад вам сейчас, не буду рад и в другой раз. Так что не тратьте время зря. Больше никогда сюда не приходите, не пытайтесь спросить, все ли у меня хорошо, потому что ответ отныне у меня будет один. Все хуже некуда. Запомните, — он резко вдыхает, — и уходите.

Я ничего не могу ответить. В комнату заходит его мама и беспокойно смотрит на него.

— Почему ты кричал? — спрашивает она.

Ангел хмурится.

— Проводи их, — говорит он ей.

Виолетта Александровна поджимает губы и с сожалением смотрит на нас с Егором. Она ничего не произносит, но ее глаза просят прощения. Я понимаю, что мы не останемся здесь. Я понимаю, что сейчас уйду отсюда, но...

— Этого не будет, — говорю я Ангелу перед тем, как покинуть его комнату.

Он не отвечает, но в его глазах читается вопрос.

— Мы не оставим тебя, — объясняю я, собираю последние клочки воли в кулаки и выхожу из комнаты, вытирая по пути в прихожую слезы.

Когда я возвращаюсь домой, то снова плачу. Я плачу, и у меня начинает болеть сердце. Я пью таблетки, не отвечаю на сочувствующие взгляды мамы, и иду в свою комнату. Я думаю о встрече с Ангелом. Я до последнего надеялась, что все наладится между нами, но стало только хуже. Я вспоминаю его слова о том, что мы больше не можем быть друзьями, и от этого мне хочется кричать на весь мир о своей обиде.

Какой же Ангел глупый, раз думает, что я действительно способна отстать от него. Ни за что. Никогда. Я знаю, какую боль Ангелу причинили его друзья в прошлый раз, когда он оказался в беде из-за аварии. Я знаю, что в этот раз он не сможет справиться с одиночеством. Я просто не имею права бросать его, когда ему тяжело. Я уверена, что он бы не оставил меня, если бы я оказалась в таком положении.

Да, это ужасно, что он, возможно, не сможет ходить. У меня в голове не укладывается, каково ему сейчас. Но совершенно неважно, что он теперь... инвалид (боже, какое отвратительное слово). Я не перестану любить его меньше. Наоборот, теперь у меня есть

повод заботиться о нем так, как никто и никогда ни о ком не заботился. Я хочу снова увидеть улыбку на его лице, я хочу, чтобы его глаза снова стали излучать тепло. И я готова перевернуть мир, чтобы добиться этого.

Семнадцатая глава

Глава семнадцатая

На следующий день мы почти не разговариваем с Егором в школе. Он ни разу не вспоминает о вчерашней встрече с Ангелом, и это, скорее, хорошо, чем плохо.

Как только я переступаю порог дома, то сразу бросаюсь к домашнему телефону и звоню Ангелу. Отвечает Виолетта Александровна.

— Он в порядке, Августа, — звучит ее мягкий голос. — Ну, точнее, без изменений.

— Хорошо, — вздыхаю я. — А я могу прийти к нему?

— Думаю, пока не стоит. Ангел вчера сильно переволновался, и ему стало плохо.

Мое сердце болезненно сжимается в груди. Я кладу на него руку и зажимаю глаза.

— Понятно, — говорю я.

— Мне жаль, Августа, — отвечает Виолетта Александровна.

— Да. Мне тоже...

— Но я обязательно ему скажу, что ты звонила.

— Спасибо, — я сжимаю зубы и измученно улыбаюсь.

— Ты не обижайся на него за то, что он наговорил вам вчера, — тихо говорит Виолетта Александровна. — Я уверена, он не хотел быть таким грубым.

Нет. Как раз именно этого он и добивался. Думал, что, сказав нам пару неприятных слов холодным тоном, он сможет оттолкнуть нас от себя.

— Конечно, — говорю я.

— Ему нужна ваша поддержка, — голос женщины слабо дрожит. Она переживает за него, как никто другой. — Не оставляйте его.

— Не оставим, — обещаю я.

— И не сердись, — снова просит она.

— Не буду. Я даже не думала об этом. Я понимаю, что ему тяжело. Все нормально, Виолетта Александровна.

Я слышу, как женщина улыбается.

— Ты хорошая девочка, Августа. И я рада, что ты есть у моего сына. Спасибо тебе.

Я зажимаю глаза, в носу щиплет, потому что я готова вот-вот разрыдаться.

— До свидания, Виолетта Александровна, — бормочу я и, не дожидаясь ответа, отключаюсь.

Я бегу на кухню, чтобы принять таблетки от боли в сердце.

Восемнадцатая глава

Глава восемнадцатая

Все, что мне остается делать, только ждать.

Я звоню Ангелу каждый день. Я пишу ему смс-ки и знаю, что он прочитывает их, но все же не отвечает.

Я понимаю, что теряю его, несмотря на все свои попытки поддерживать с ним связь... одностороннюю связь от меня к нему.

Я не знаю, когда получу хоть какой-нибудь ответ. Но я жду и надеюсь, и я все еще не намерена отступить.

Впервые в своей жизни я за что-то борюсь.

В школе все становится таким, каким было до прихода Ангела.

Мы с Егором почти не общаемся, только говорим друг другу «привет», «пока», «какой следующий урок», и подобные в этом роде фразы.

Без Ангела все не так.

Он и Егор больше не устраивают споры о том, что Егор, не имея опыта, может с первого раза бросить баскетбольный мяч в корзину, если правильно подобрать траекторию полета мяча и верную позицию того, кто совершает бросок. Они не травят шутки на научные темы, которые я совершенно не понимала, но все равно смеялась вместе с ними.

Ангела так не хватает.

Больше нет его смеха.

Больше нет его улыбки.

Я снова чувствую себя одинокой.

Проходит полтора месяца.

Полтора.

Месяца.

Это сорок пять дней... сорок четыре.

Я медленно схожу с ума.

Я звоню ему. Я пишу ему. Я прихожу к нему, но он все время спит.

Это невыносимо. Все. Абсолютно все.

Я тону в счастливых воспоминаниях и отчаиваюсь, потому что веры почти не остается.

Моя прежняя жизнь окончательно возвращается ко мне, и я принимаю ее, потому что у меня нет другого выхода. На вопрос: «Неужели, это все?», я даю положительный ответ, потому что не имею ни одной, даже малейшей надежды на то, что все можно изменить.

Утром понедельника третьего марта я открываю глаза, снова не имея цели и мечты.

Глава девятнадцатая

Однажды случается чудо, которое я никак не ожидаю.

Я лежу в своей комнате и просто смотрю в потолок. У меня нет мыслей, нет вопросов, над которыми я могу порассуждать. Ничего нет. Но мгновенно состояние полного оцепенения разрушает один телефонный звонок. Этот звонок пробуждает меня, и я начинаю дышать полной грудью.

Когда я вижу высветившееся на экране имя Ангела, то готова заплакать от счастья. Я даже допускаю мысль, что это сон, и я сплю. Я допускаю мысль, что это звонит призрак, отголосок, напоминание того, что недавно все было замечательно. Я уже не думаю об Ангеле, как о реальном человеке, потому что его нет в моей жизни уже бесконечное количество часов.

Я держу в дрожащей руке и смотрю на телефон. Я не знаю, почему медлю. Я хочу ответить, пусть даже если все происходящее иллюзия, и когда я отвечу на звонок, то не услышу знакомого голоса.

Я подношу телефон к уху и зажмуриваю глаза.

Пусть это будет не сон!

— Привет, — слышу я голос Ангела. Он не прежний (счастливый и наполненный энергией), но и не тот, который я слышала в последние наши встречи.

Я молчу, потому что совершенно растеряна.

— Два месяца, — шепчу я и только потом осознаю, что говорю это вслух.

Я слышу, как Ангел тяжело вздыхает.

— Я знаю, — произносит виновато он.

— Два месяца абсолютной тишины, — говорю я, и все внутри меня сжимается от острого напряжения. — Ни звонков, ни сообщений... ничего.

Я громко выдыхаю и опускаю голову. Я не знаю, плакать мне, или кричать от радости, потому что я испытываю смешанные чувства.

— Прости, — говорит Ангел. Я разжимаю кулак. — Мне очень жаль, что все так... произошло, — он сглатывает.

Я закрываю лицо рукой и начинаю плакать, но беззвучно, чтобы он не смог услышать.

Ангел позвонил. А это главное, не так ли? Он готов возобновить со мной общение, он готов вновь впустить меня в свою жизнь. А я... дверь в мою душу всегда была открыта для него, и я никогда ее не закрывала, даже не думала об этом.

Обижена ли я? Да, потому что это не справедливо — игнорировать меня. Но я не могу винить его, потому что не понимаю, как тяжело ему сейчас приходится. Я не могу, даже если бы хотела. А я не хочу.

Я молчу несколько минут, и Ангел терпеливо ждет, когда я что-нибудь отвечу. Поэтому когда я успокаиваюсь, то задаю единственный вопрос, который крутился у меня каждый день на протяжении последних двух месяцев:

— Как ты?

И я не имею в виду физическое состояние, потому что я знаю, что он по-прежнему не

может ходить. Я спрашиваю о том, что с его внутренним состоянием. Я думаю, что лучше, потому что Ангел все же позвонил мне. Но достаточно ли этих улучшений, чтобы все стало как прежде?

— Нормально, — отвечает Ангел, и его голос звучит ровно.

— Точно? — спрашиваю я.

— Да. Порядок. Я... привыкаю.

Я сжимаю зубы и смотрю в окно.

Мне хочется так много ему рассказать, мне хочется сказать, как дико я скучаю по нему, хочу увидеть. Но я не могу, потому что за два месяца нашего не-общения между нами выросла стена, которую сломать удастся только тогда, когда я посмотрю в его глаза и пойму, что он по-прежнему считает меня своим другом.

— А ты как? — спрашивает Ангел спустя минуту.

Я медленно втягиваю в себя воздух.

— Ужасно, — признаюсь я. Ангел не отвечает. — Я не собираюсь лгать и говорить тебе, что все хорошо, потому что это не так.

— Да, — произносит он. — Не надо лгать.

— Но сейчас я в порядке, — добавляю я, — потому что ты дал о себе знать... наконец.

— Я не знаю, что сказать тебе, Августа, — во мне все переворачивается, когда он произносит мое имя таким печальным, тоскливым и искренне раскаивающимся голосом.

— Я хочу увидеться с тобой, — говорю я.

Снова слышу тяжелый вздох.

— Не смей больше прятаться от меня, Ангел Самарский, — говорю я прежде, чем он успеет что-нибудь ответить на мои слова. — Не смей, слышишь?

«Потому что эти два месяца без тебя были мучительными и бесконечными» мысленно добавляю я про себя.

Происходит очередное чудо. Ангел усмехается, хоть и грустно.

— Это не самая лучшая идея, — бормочет он.

Я фыркаю.

— Почему?

— Потому что... — начинает он, но резко себя обрывает.

— Почему? — повторяю я требовательно. Имею право, он молчал два месяца.

— Потому что ты не захочешь видеть меня... таким, — робко поясняет Ангел.

Каким таким? Каким таким?!

— Я хочу видеть тебя в любом состоянии, — уверенно отзываюсь я.

— Но Я не хочу, чтобы ты видела меня таким! — восклицает Ангел.

— Это неважно, — шепчу я. — Это неважно. Просто встретиться со мной.

Просто поговори со мной, просто дай мне возможность увидеть твои глаза, услышать твой голос вживую, а не по телефону.

— Ладно, — сдается Ангел.

Я сначала не верю, что он действительно это сказал, а потом начинаю улыбаться.

«Ты только что вернул меня к жизни, Ангел Самарский» думаю я про себя и счастливо вздыхаю.

— И так, для справки, — говорю я ему, — ты задолжал мне кучу встреч.

Я слышу, как он хрипло смеется, и понимаю, что все еще может наладиться.

Все просто обязано наладиться.

— Егор! — громко зову я его через весь коридор.

На меня вопросительно и удивленно смотрят все, кто находится в радиусе тридцати метров, и начинают шептаться между собой. Наверно, шокированы тем, что я способна кричать. Но я не обращаю на них внимания и спешу к Егору, который только зашел в школу и стоит у раздевалки, отдает куртку.

— Привет, — я подбегаю к нему, и с моего плеча соскальзывает рюкзак. Я поправляю его.

— Привет, — уныло отвечает Егор и хмурится, озираясь по сторонам. Еще бы, на нас смотрят все окружающие.

Хоть мы с ним почти не общаемся после того, как Беда случилась с Ангелом, но я все равно считаю нужным сообщить Егору, что в выходные состоится Грандиозная Первая Встреча Друзей После Беды.

— Мне вчера звонил Ангел, — торжественно сообщаю я.

Егор теряется. Его глаза непонимающе бегают по моему лицу, а я улыбаюсь так широко и долго, что у меня начинает болеть рот.

— Ангел? — ошеломленно вторит Егор.

Я энергично киваю.

— Он согласился встретиться, — с энтузиазмом продолжаю я. — В субботу.

— Ооох...

Егор отводит взгляд и сводит брови вместе. Он потирает переносицу и молчит. Он не выглядит довольным.

— Ты не рад? — спрашиваю я.

— Я... — начинает говорить Егор, но тут звенит звонок на первый урок, и он буквально срывается с места, оббегая меня и несясь к лестнице. — Давай потом! — кричит он мне, не оборачиваясь, и мчится по ступенькам вверх.

Потом? Как он может откладывать разговор, касающийся Ангела, его друга, на потом?!

Я пытаюсь поговорить с Егором весь день, но он постоянно куда-то отлучается, ссылаясь на внезапно возникающие дела. Он избегает разговора об Ангеле, и я не понимаю, почему. Разве он не хочет увидеться с ним? Узнать, как дела?

Под конец учебного дня мое терпение лопається, и я нагло хватаю Егора за руку, когда тот пытается незаметно ускользнуть от меня из школы.

— Может, объяснишь, в чем дело? — раздраженно спрашиваю я. — Тебе что, вообще все равно?

Егор виновато поджимает губы и опускает глаза. Он делает все, чтобы не встречаться со мной взглядом, и это наводит на меня неприятные мысли.

— Так ты идешь в субботу со мной к Ангелу? — уточняю я.

Егор так и не смотрит мне в глаза. И не отвечает.

— В чем дело? — мои нервы натянуты, как струна, и в любую секунду могут порваться. Но я прикладываю усилия, чтобы этого не случилось.

— Я не могу, — едва слышно произносит Егор.

Я хмурюсь.

— Чего не можешь?

— Идти... с тобой.

— Почему? — теперь я вообще ничего не понимаю.

Егор вздыхает, но так и не поднимает головы.

— Почему? — повторяю я холоднее. — Что не так? Ты не хочешь?

Его молчание я принимаю, как положительный ответ.

— Не хочешь? — ошеломлена я. — Но... постой... Это же Ангел!

— Я знаю, — бормочет, почти стонет Егор, — но я не могу. Не могу.

Мне хочется подойти к нему, взять за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы добиться ответа.

— Я боюсь, — шепчет Егор. — Я боюсь видеть его... таким.

Что за бред он несет?

— Каким таким? — сдержанно спрашиваю я.

— Черт! Инвалидом, Августа! — кричит Егор и поднимает голову. В его глазах плескается отчаяние.

Я вздрагиваю, когда он называет Ангела инвалидом. Я снова лечу в бесконечную черную пропасть.

— Он же наш друг, — бормочу я растерянно.

— Я знаю, — надломлено произносит Егор. — И я не понимаю, почему мне страшно, но... это сложно объяснить... я просто... я...

Не надо. Я и так уже все поняла.

— Егор, — прошу я, — Ну, пожалуйста. Ты нужен ему. Мы нужны ему.

Он качает опущенной головой.

— Я не могу, — шепчет он и сжимает кулаки. Я даже слышу, как от бессилия дрожат его губы.

— Ты должен, — неожиданно мой голос становится твердым. — Ты не можешь бросить его, когда он в беде.

— Я не могу, — повторяет он, и его глаза краснеют.

Теперь я качаю головой, чувствуя прилив отвращения.

— Какой же ты... — я не могу договорить, так как ярость охватывает меня.

Но больше всего меня волнует другое. А именно: как Ангел перенесет предательство Егора? А Егор... Как он может так поступать, тем более зная, что от Ангела уже отворачивались друзья.

Я больше не хочу разговаривать с ним. Видеть его. Слышать его. Я не могу общаться с тем, кто так просто может отказаться от человека, от своего друга! Этого не понять моему уму.

— Я считала тебя нормальным, — говорю я, медленно отводя взгляд.

Егор плотно сжимает губы, и они становятся бледными, почти белыми.

Больше ничего не говоря ему, я ухожу.

На следующий день я пересаживаюсь от Егора и сажусь за парту Ангела.

Так тоскливо смотреть на соседний стул и понимать, что он останется никем не занятым.

Я с трудом доживаю до субботы.

В двенадцать я пулей вылетаю из квартиры, перед этим предупредив маму о том, что я пошла к Ангелу. Я несусь на всех парах к его дому и не могу убрать улыбку с лица и трепещущее волнение из груди. Я представляю себе, о чем буду говорить с ним, думаю, стоит ли мне обнять его, или лучше не стоит.

За своими мыслями я не замечаю, как останавливаюсь перед домом Ангела. Я делаю глубокий вдох и иду к подъездной двери, но та открывается.

Я вижу, как Ангел выезжает в инвалидном кресле, а позади — его папа. Я застываю и превращаюсь в неподвижную наблюдающую статую. Виктор Валерьевич спускает инвалидное кресло вместе с Ангелом по плавному спуску, который делают рядом с лестницей специально для колясок. Я смотрю на Ангела. Он похудел. У него впали щеки, глаза не блестят так, как раньше. Он одет во все черное, как будто у него траур.

— Спасибо, папа, — благодарит Ангел Виктора Валерьевича.

Мужчина смотрит на меня и шумно выдыхает.

— Привет, Августа, — обращается он ко мне.

Я заставляю себя оторвать глаза от инвалидного кресла и смотрю на него.

— Здравствуйте, — бормочу я.

— Позвони мне, как будешь возвращаться, — говорит Виктор Валерьевич Ангелу, затем снова смотрит на меня, кивает в знак прощания и направляется к подъезду, но он не заходит, ждет, пока мы уйдем.

Я громко сглатываю и гляжу на Ангела. Он выглядит смущенным и подавленным. Ужасное сочетание.

— Привет, — говорю я ему неуверенно.

— Привет, Августа, — отвечает он с той же неуверенностью.

И мы молчим, не зная, что сказать друг другу.

— Пап, ты можешь идти, — говорит Ангел, не оборачиваясь.

Я перевожу взгляд на мужчину, который с беспокойным лицом слушает сына и исчезает за дверью.

— А где Егор? — спрашивает Ангел.

Я напрягаюсь, и он это замечает, но терпеливо ждет ответа. Что я могу сказать ему? Что Егор испугался и решил «выйти» из команды? Что он бросил Ангела? Нет. Я знаю, какую боль причиню этими словами Ангелу... Я не имею права так поступать с ним, но и лгать тоже нехорошо.

— Он... — бормочу я. — Он... у него дела, — и для достоверности пытаюсь улыбнуться, но губы предательски дрожат.

Ангел пристально смотрит на меня, он начинает подозрительно щуриться, и вскоре его глаза становятся узкими, как щелки.

— Ты врешь, — уверенно говорит Ангел.

— Нет, с чего ты взял? — к сожалению, я ужасная лгунья. Ну, или просто Ангел так хорошо меня знает.

— Я вижу, — отвечает он.

Я не могу больше смотреть на него и отвожу взгляд в сторону. Моя кровать раскрыта. Я сдаюсь.

— Он сказал, что не может видеть тебя... таким, — хрипло произношу я.

Я слышу судорожный вздох, и мое сердце мучительно рвется на части.

— Понятно, — только и говорит Ангел.

Я в замешательстве поднимаю голову и не могу понять, серьезно он, или пытается скрыть свое глубочайшее разочарование от услышанного. Я долго смотрю на него, но так ничего и не выясняю.

— Ты не расстроен? — удивленно вопрошаю я.

— Меня в очередной раз бросили, — говорит Ангел, глядя прямо мне в глаза. — Конечно, я расстроен. Но я не вправе осуждать его.

— Вправе! Егор не должен был так поступать, — в порыве зашкаливающих эмоций я подхожу к инвалидному креслу и останавливаюсь в шаге. Ангел и я напрягаемся. — Настоящие друзья не оставляют в беде, — тихо говорю я.

— Давай не будем об этом, — просит Ангел.

Я киваю.

— Хорошо.

Он вздыхает и начинает катить кресло, и я вижу, что это дается ему с трудом. Поэтому я обхожу его и становлюсь сзади.

— Что ты делаешь? — спрашивает Ангел, когда я беру дело в свои руки и качу коляску вместо него.

— Помогаю, — отвечаю я спокойно.

Это так непривычно, и я жутко переживаю, но пытаюсь сохранять спокойствие.

— Не нужно. Я могу сам, — говорит Ангел без должной уверенности.

Я хочу сказать ему, что он не может, но поджимаю губы и проглатываю эти слова.

— Все нормально, Ангел, — говорю я, и мы выбираемся из двора на главную улицу.

Мимо нас проходят люди, и они косятся на Ангела.

Неожиданно он фыркает.

— Что? — спрашиваю я.

— Все так смотрят... — хмуро поясняет Ангел. — Этим они лишний раз дают понять, что я урод, — снова фыркает. — Как будто я сам этого не знаю.

— Ты не урод. Не говорит так.

— Урод.

— Не урод.

— Мы можем спорить бесконечно, — угрюмо констатирует он, и я жалею, что не могу видеть его лицо. — Я не хочу спорить.

Мы молчим.

— Куда пойдём... поедём... где будем гулять? — интересуюсь я, стараясь быть максимально осторожной в словах.

— Без разницы, — равнодушно отзывается Ангел. — Но я бы хотел на озеро, только это невозможно.

Я вспоминаю про озеро, и в мое сердце просачивается тепло. Я тоже скучаю по этому месту.

— Мы можем прогуляться в парке, — предлагаю я, отлично понимая, что никакой парк не сможет заменить райское местечко на озере.

— Это далеко, — говорит Ангел.

— И что?

— А то, Августа, что я не способен преодолевать такие расстояния самостоятельно. Я не способен выбраться даже из собственного дома... из постели! Что уж говорить о парке...

— Я же здесь, я помогу.

— Я не договорил, — отчеканивает Ангел. — И тем более мне не хотелось бы утруждать тебя довозить меня до парка.

— Мне не трудно, — мягко возражаю я.

— Чушь. Тебе трудно, — фыркает он.

— Мы все равно пойдем в парк, Ангел.

Он больше не спорит со мной.

Я не могу не заметить, как теперь все смотрят на нас... точнее на Ангела. Вроде бы ничего не обычного (для людей, я имею в виду, что инвалидов в Санкт-Петербурге много... боже, я только что назвала его инвалидом), но я знаю, что Ангел думает, ловя на себе многочисленные взгляды.

Когда мы приходим в парк, там почти нет людей. Сегодня тепло, снег постепенно оттаивает, и из-за этого слякоть. Никто не любит гулять в такую погоду. Никто не любит весну. Ангел любит. Я вспоминаю об этом и улыбаюсь. Но я спрашиваю себя, счастлив ли он, что наступила весна, когда находится в таком положении? Есть ли вообще место в его мыслях для весны?

— Знаешь, — начинаю я, потому что молчание становится невыносимым, — думаю, я не заслужила этого — тишины с твоей стороны. Ты игнорировал меня, как будто мы вообще не знакомы! Это не справедливо, и...

— Извини меня, — перебивает Ангел уставшим голосом.

— Мог хотя бы позвонить, — продолжаю я. — Хотя бы написать смс, или...

— Мне жаль, ясно? — резко обрывает меня он.

Я поджимаю губы и говорю себе, что не должна злиться на него.

— Прости, — в итоге выдыхает Ангел, и его плечи опускаются. Я продолжаю толкать коляску вперед и думаю, как ужасно себя сейчас ощущает Ангел. Мне бы хотелось провалиться на его месте, умереть, исчезнуть... Но я — это не Ангел. Я не позволю ему исчезнуть. — Я действительно не мог... не хотел звонить тебе. Я знаю, что ты не поймешь, но хотя бы попытайся, потому что... потому что... — его голос срывается, и я, забеспокоившись, резко останавливаюсь и оббегаю коляску, становясь перед Ангелом и с тревогой глядя на него. Он не смотрит на меня, но я вижу, как плотно сжаты его губы, как напряжены его скулы.

— Ангел? — мой голос предательски дрожит. Я протягиваю руку, так как хочу дотронуться до него, но не делаю этого. — Что с тобой?

Неожиданно он поднимает голову и окидывает меня таким ледяным и одновременно тоскливо отчаянным взглядом, что все внутри меня замирает и превращается в пружину.

— Что со мной? — хрипит Ангел. — Что со мной?! — повторяет громче. — Я инвалид Августа! — уже кричит он. — Я не могу ходить, вот что со мной! Теперь у меня даже нет возможности встать на ноги, — его голос постепенно утихает. — Я ущербный, потому что достаю всем одни неприятности. Я ничтожный. Я слабый и...

— Остановись, — прошу я неожиданно беспомощным голосом.

— Почему я должен останавливаться? — его бледное лицо кривится в раздраженной гримасе. Я слабо качаю головой, не в силах подобрать слова. Мне так жаль его, мне так хочется помочь ему, но я не знаю, совершенно не знаю, что могу сделать для этого. Просто быть рядом? Так я здесь! Я с ним. Но ему этого недостаточно. — Почему я должен быть спокойным? Какой теперь в этом смысл?! И есть ли вообще смысл?! А, Августа? — он подкатывается ко мне, и я невольно пошатываюсь назад. — Скажи мне, — Ангел

наклоняется вперед и пронзительно смотрит на меня своими темно-коричневыми глазами, в которых взрываются вселенные, — в чем смысл моей жизни?

Меня начинает трясти, и паника мгновенно охватывает все внутренности.

— Молчишь? — холодно фыркает Ангел. — Думаешь, что я сошел с ума? Так правильно думаешь, потому что я действительно свихнулся. От всего этого мира! — он разводит руками и задирает голову вверх. — У меня есть право ненавидеть все, что здесь есть! — снова кричит Ангел. — У меня есть право ненавидеть эту жизнь! Посмотри, посмотри, что она со мной сделала! — он опускает взгляд и впивается им в меня, но в них больше нет ярости. — Я ничтожество, Августа! Я такое ничтожество... — он громко выдыхает. — Знаешь, кто я?

Я молчу, потому что в шоке.

— Я — марионетка в руках Судьбы, — горько усмехается Ангел и откидывается назад. — Она играет мною, как хочет. А я ничего не могу сделать, потому что всего лишь кукла, — он медленно закрывает глаза. — Я всего лишь кукла, Августа.

Воцаряется тишина, которая давит на меня со всех сторон, и я из последних сил стараюсь не потерять самообладание. Я должна быть сильной сейчас.

— Ты все еще можешь уйти, — неожиданно заявляет Ангел, по-прежнему не открывая глаз.

— Что? — бессильно шепчу я.

— Ты все еще можешь уйти, — громче повторяет он.

Но я слышала и в первый раз.

— П-почему? — спрашиваю я.

— Потому что я не хочу заставлять тебя быть рядом со мной, — звучит холодный голос Ангела. — Потому что я не хочу утруждать тебя, мешать, доставлять неудобства, — он резко распахивает глаза, и я не вижу в них ничего, кроме пустоты. — Не хочу чувствовать твою жалость и казаться по сравнению с тобой ущемленным и неполноценным инвалидом. Ты можешь уйти, — тихо говорит он. — Я не стану тебя держать. Это будет правильно.

И вдруг мне становится так обидно от его слов, что я начинаю плакать.

— Ты... Ты... — заикаюсь я. — Ты просто невыносим, Ангел. Ох, Боже, — я закрываю ладонями лицо и сосредотачиваюсь, но это сложно, потому что эмоции одерживают победу в борьбе со здравым рассудком. — Почему ты отталкиваешь меня от себя? — вопрошаю я непонимающе. — Почему ты... — я громко всхлипываю. — Ты не можешь так поступать, ни со мной, ни с собой. Потому что ты нужен мне, Ангел, — я опускаю голову, но рук от лица так и не убираю. — Потому что я нужна тебе.

Ангел ничего не говорит, и от этого мне становится еще больнее.

Мне требуется минута, а, может, и больше, чтобы успокоиться. Я держу голову опущенной, пока вытираю слезы, а затем поднимаю ее. Глаза Ангела немного расширяются, когда он видит мое покрасневшее и опухшее лицо.

— Что бы ни произошло, я не оставлю тебя, — говорю я. — Ты мой друг. Ангел, ты мой самый лучший друг! И я не устану повторять тебе это! Я буду говорить о том, какой ты замечательный, каждый день, если понадобится!

— Я был таким, — медленно проговаривает Ангел. — Сейчас я беспомощен, и поэтому бесполезен, и поэтому ничтожен.

— Для меня ты всегда будешь самым лучшим! — восклицаю я и подхожу к нему.

Я нагибаюсь вперед, чтобы лучше видеть его лицо. Глаза в глаза. Сердце к сердцу. Душа к душе. Я чувствую себя увереннее.

— Судьба часто устраивает нам проверки на прочность, — говорю я. — Если мы пройдем все испытания, то сорвем свой куш, а если проиграем, то жизнь сотрет нас в порошок, и мы исчезнем в небытие, так, словно вообще никогда не существовали, — я сажусь на корточки, и теперь Ангел смотрит на меня сверху-вниз. — Настали тяжелые времена. Для тебя, и поэтому для меня тоже, — мы смотрим друг на друга. — Не позволяй судьбе сломить себя. Не позволяй ей толкнуть тебя в небытие, потому что тогда ты все потеряешь, а я потеряю тебя. Но я не хочу этого, Ангел. Помнишь, ты спрашивал меня, чего я боюсь больше всего? Ты сказал, что боишься остаться один. А я сказала, что не знаю. Но теперь я знаю ответ. Больше всего я боюсь, что ты исчезнешь из моей жизни, и все станет таким, каким было до твоего появления. Серым, мрачным. Если уйдешь ты — уйдут краски, которые делают эту жизнь хорошей.

Ангел внимательно слушает меня, и я чувствую, как освобождаюсь изнутри.

— Я прошу тебя бороться с бременем, которое выпало на твою долю, — говорю я. — Я прошу тебя не сдаваться, ради себя, ради меня, ради своих родителей, потому что мы не хотим потерять тебя, потому что ты дорог нам. Потому что мир без тебя будет совсем другим... пустым и холодным.

Я судорожно вздыхаю и осторожно наблюдаю за реакцией Ангела.

Какое-то время он находится в полном ступоре. Он не дышит, не двигается, и я начинаю волноваться. Но томящая тревога мгновенно испаряется, когда я вижу слабый всплеск тепла в его глазах, который медленно растет и вскоре полностью вытесняет холод и отчаяние. И я вижу в них надежду. Я вижу готовность идти навстречу трудностям.

— Я с тобой, — шепчу я. — Слышишь? Мы все преодолеем. Я никогда тебя не оставлю.

Его глаза наливаются слезами и краснеют. Я чувствую, что тоже вот-вот расплачусь.

— Я не сдамся, — произносит он.

Я громко выдыхаю.

— Обещаешь? — спрашиваю я.

Ангел собирается с силами, чтобы ответить.

— Обещаю.

Глава двадцатая

Ко мне возвращаются моральные силы. Я снова ощущаю уверенность в том, что мое пребывание в этом огромном мире не бессмысленно. Теперь есть цель. Помогать Ангелу, быть рядом с ним, и не позволять ему сдаться.

Это реально становится смыслом всего, что я делаю, и маме кажется, что это уж слишком — жить ради Ангела. Но я не могу, не могу объяснить ей то, как отношусь к нему, из какой пропасти он вытащил меня и показал, что есть другой мир. Он подарил мне возможность измениться. Я не могу объяснить маме, потому что она не поймет. Знаю, что не поймет. Взрослые считают себя гениями жизни, но на самом деле они глупее нас. Они слепы, глухи, они многого не видят, или не хотят видеть. Но, тем не менее, они продолжают учить нас жизни, давать советы в ситуациях, в которых сами ни разу не были.

Нет, мама не против того, что я общаюсь с Ангелом, но она считает, что я слишком много времени уделяю ему и ничего не оставляю для учебы, а ведь экзамены очень скоро. Я не разделяю ее беспокойства. Я учусь так, как училась всегда.

В школе все становится сложнее.

Я не общаюсь с Егором, он не общается со мной. Я так и сижу за партой Ангела, так и смотрю с тоской на стул, на котором он сидел раньше. Егор часто поглядывает на меня, и я ловлю его печальные взгляды. Но этого недостаточно, чтобы все возобновить. Я по-прежнему зла на него за то, что он оставил Ангела, и я знаю, что ему жаль, что ему грустно, и он скучает, а так же я знаю, что Ангел тоже тоскует по нему. Но я не думаю, что их дружба когда-нибудь вернется. Я сомневаюсь, была ли у них вообще когда-нибудь дружба? Со стороны Ангела я не сомневаюсь, а вот Егор... мне до сих пор непонятно его решение перестать общаться с Ангелом. Возможно, это всегда будет загадкой для меня. Да и не имеет значение это, на самом деле. Гораздо важнее то, что происходит с Ангелом, его самочувствие и внутреннее состояние.

В субботу я собираюсь к нему. Мама ловит меня в коридоре.

— Даже не поешь? — спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я, застегивая сапоги.

— Вы еще не устали друг от друга? — вздыхает мама.

Я поднимаю голову и недоуменно смотрю на нее.

— Нет, — говорю я.

— Я понимаю, что ты хочешь поддержать Ангела, — начинает она свою хорошо отрепетированную за последние две недели речь, и я понимаю, что все мои попытки пресечь этот совершенно бессмысленный разговор не увенчаются успехом, поэтому решаю дослушать ее и спокойно уйти. — Но у него тоже есть своя семья, с которой он должен проводить время.

Я закатываю глаза так, чтобы мама не видела этого.

— Пока, мама, — бормочу я и открываю дверь.

— Августа, — слышу за спиной я ее строгий голос. — Ты могла хотя бы один день посидеть дома. У тебя скоро экзамены, и...

— Я знаю, — раздраженно перебиваю я ее. — Я готовлюсь к ним. Нет причин волноваться. Теперь я могу идти?

Я не вижу ее лица, но прекрасно знаю, что оно искажено в недовольной гримасе.

— Только недолго, — в итоге, говорит она, и я вылетаю на лестничную площадку, громко захлопывая за собой дверь.

Когда я подхожу к дому Ангела, он уже на улице со своим отцом. Они о чем-то разговаривают, и Ангел даже улыбается. Я ускоряюсь.

— Привет, — говорю я ему и улыбаюсь. — Здравствуйте, Виктор Валерьевич.

Оба поворачиваются в мою сторону.

— Привет, — произносят они хором, а затем переглядываются друг с другом.

Ангел усмехается и качает головой.

— Ладно, оставляю вас, — говорит Виктор Валерьевич.

Он долго смотрит на сына с беспокойством. Я вижу этот взгляд каждый раз, когда Ангел идет со мной на прогулку... когда он вообще выбирается из дома. Я понимаю, что Виктор Валерьевич и Виолетта Александровна никогда не будут абсолютно уверены в безопасности Ангела, но спасибо, что они все же доверяют мне его.

— Удачной прогулки, ребята, — вяло желает мужчина и идет к подъезду.

Когда он уходит, я подхожу к Ангелу.

— Как дела? — спрашиваю я.

— Лучше всех, — отвечает Ангел.

Я закатываю глаза, так как понимаю, что это ирония.

— Сегодня хорошая погода, — говорю я. — Мы можем...

— В парк, — перебивает меня Ангел.

— Ладно, — вздыхаю я.

Я и Ангел смотрим на плавающую льдину в пруду, который находится недалеко от его дома.

— Как дела в школе? — безучастно интересуется Ангел.

Я пожимаю плечами.

— Как обычно.

— Это не ответ. И... ты снова пожала плечами.

Я поворачиваю голову в бок и опускаю ее, чтобы видеть лицо Ангела. Он задумчиво смотрит вперед.

— Честно говоря, меня мало заботит то, что происходит в классе, — признаюсь я.

— Почему?

— Ну, — я медленно выдыхаю и отворачиваюсь, — может быть, потому, что меня никогда не интересовала вся эта суета.

Я слышу, как Ангел тихо усмехается.

— Меня волнует кое-что другое, — говорю я и снова смотрю на него. — Как твои дела.

— Ты прекрасно видишь, как мои дела, — ровным голосом отвечает Ангел.

Я хмурюсь. Я ошибалась, думая, что сегодня он в хорошем настроении. Сейчас я понимаю, что это совсем не так. Точнее, Ангел ведет себя, как обычно. Он говорит таким тоном, будто все нормально, но голос пустой и безжизненный, что говорит о том, как тяжело

ему приходится.

— И мне не станет легче, если ты будешь молчать, — добавляет Ангел спустя минуту.

Я моргаю и встряхиваю головой.

— Я не...

— Знаю, о чем говорить? — заканчивает за меня он.

В точку.

— Говори обо всем. Важно, не важно, интересно, или глупо... Просто говори.

— Ну-у-у, ладно. Я попробую.

Я усиленно придумываю темы для разговора, но все они кажутся такими бессмысленными сейчас, когда все так серьезно, но я точно знаю, что до Беды Ангела мы бы с удовольствием говорили об этом.

Сейчас все по-другому.

Я, наверно, долго думаю, потому что лицо Ангела становится таким, словно он не ждет от меня каких-либо предложений. Он просто смотрит вперед, а я смотрю на него, и так сложно в этой нелепой хрупкой тишине.

— Как Егор? — спрашивает Ангел. Он берет дело в свои руки, и спасает нас обоих.

Я напрягаюсь, когда слышу это имя.

— Без понятия, — холодно отзываюсь я.

— Вы не общаетесь? — кажется, Ангел искренне удивлен.

— Нет.

— Почему?

Я в замешательстве смотрю на него.

— Почему? — повторяю я, и мой голос неосознанно повышается. — Он так жестоко с тобой поступил...

— Со мной, а не с тобой, — осторожно перебивает Ангел.

— Это все равно, что предать меня, — во мне бурлит обида, которая появилась в одно мгновение из воздуха.

Я не понимаю, как Ангел может волноваться о Егоре, когда тот так поступил с ним? Я не понимаю, почему он вообще думает о нем? Разве ему не должно стать все равно? Разве Егор того не заслуживает? За свою трусость. За свое отношение.

Я не понимаю. И никогда не смогу понять.

Но... но это же Ангел, и он всегда будет беспокоиться о тех, кто ему дорог, даже если эти люди бросают его в беде. Он святой, не иначе.

— Помнишь мой девиз? — спрашивает Ангел, возвращая меня в суровую реальность из темных мыслей.

— Да, — неопределенно киваю я. — Самый темный час — перед рассветом.

Ангел медленно и тяжело втягивает в себя воздух и резко выдыхает.

— Так вот, рассвет для меня никогда не наступит. Я навсегда остался в этом самом темном часу, — его губы плотно сжимаются. — Мне стоит поменять девиз. Как насчет: «Смирись, потому что это единственное, что остается делать. Смирись, потому что это все, на что ты способен».

Я качаю головой.

— Не говори так, — произношу, почти умоляю я.

— А как мне еще говорить? Как? — Ангел кидает на меня обреченный взгляд. — Вселенная не на моей стороне. Не в этот раз. Знаешь, я думаю, это проклятье. Сначала та

авария, а сейчас... — он не договаривает, но я понимаю, что он хотел сказать. — Словно я в черном списке Судьбы, и она непонятно за что предъявляет мне счет. Но почему? Почему я, Августа? — поверь, Ангел, этот вопрос меня тоже мучает. — Пусть это звучит эгоистично, но в мире семь миллиардов людей, и есть те, кто действительно заслуживает того, что получил я, но... — Ангел едва не стонет от разочарования и обиды. — Но в итоге страдаю все-таки я. И это совершенно, совершенно несправедливо.

И я полностью с ним согласна. Почему хорошие люди должны страдать? Почему все складывается таким образом, что на их пути встает много испытаний и бед? Что это? Аванс за то, что, допустим, их будет ждать после смерти, на небесах? Но если рая нет, если после смерти ничего нет, то в чем тогда смысл? Ведь жизнь одна, и обидно, когда она проходит мимо, когда человек теряет возможность совершить многое из того, что планировал, хотел, о чем мечтал.

— Мама говорит, что шанс есть, что я снова смогу ходить, — говорит Ангел, но я не слышу в его голосе веры. — Но это какие-то жалкие двадцать, а то и меньше процентов...

— Но это же хорошо, — немного оживляюсь я. — У тебя есть шанс, а это главное.

— Этого мало, Августа, — с грустью улыбается Ангел. — Этого так мало для веры.

Я сжимаю кулаки за спиной и становлюсь перед ним, чтобы он видел меня, и я видела его.

— Помнишь, ты говорил о том, что существует в этом мире что-то невозможное, что и заставляет тебя предполагать существование Бога? — спрашиваю я.

— Сейчас я полностью убежден в том, что ошибался, — напряженно кивает Ангел. — Его нет. И ничего волшебного тоже. Сейчас я как никогда уверен, что существует лишь то, что есть. А это: инвалидное кресло и куча упущенных возможностей.

— Я думаю, что вера — это и есть нечто необыкновенное, волшебное, — говорю я и внимательно смотрю на Ангела. — Я точно знаю, что этому понятию не дано научного определения. Поэтому вот оно — проявление Бога. Ты понимаешь?

— Пока не очень.

— Теперь я знаю, почему люди верят. Потому что это разбавляет их мрачную реальность, потому что это помогает им справиться с бедами. Вера, надежда, — я слабо улыбаюсь. — И пусть даже если когда-нибудь будет стопроцентно научно доказано, что Господа не существует, вера будет всегда, и поэтому будет Бог. Бог — это не какой-то определенный персонаж. Это не тот, кто создал вселенную, или что-то вроде того. Бог — это тот, кто живет в сердцах тех, кто нуждается в вере. Вера — это и есть Бог, Ангел.

Ангел хмурится.

— Впервые за наше знакомство я тебя не понимаю, — бормочет он.

— Поверь, — говорю я. — Поверь в то, что сможешь вновь ходить. Я верю в это. Каждый день, потому что у меня появилась причина на что-то так отчаянно надеяться. И знаешь что?

— Что?

— Это помогает, — моя улыбка становится широкой.

Вечером того же дня в дверь раздается звонок. Я сижу в своей комнате в обнимку с учебниками, пытаюсь делать домашнее задание по физике, но не могу сосредоточиться, что

совершенно не удивительно в свете последних событий.

Я удивляюсь, когда мама заходит ко мне.

— К тебе пришли, — говорит она.

Я отрываю взгляд от учебника и в полном недоумении смотрю на нее.

— Ко мне? — переспрашиваю я. Мама не ошиблась?

— Да. Егор, — поясняет она и выходит из комнаты.

Егор? Зачем он пришел?

Я чувствую, как во мне тут же просыпается злость, и надеваю на лицо серьезную маску.

Я встаю со стула и иду к двери. Они открыты, у порога скромно стоит Егор.

— Привет, — говорит он, когда замечает меня.

Я знаю, что мама стоит неподалеку и наверняка все слышит, поэтому заставляю себя расслабленно сказать «привет» в ответ.

— Зачем пришел? — каких трудов мне стоит прятать желание нагрубить Егору!

— Я... я хотел поговорить, — неуверенно отвечает он.

Я не удерживаюсь и удивленно вскидываю брови.

— О чем?

— Об... Ангеле, — его имя он произносит почти шепотом.

Я удивляюсь еще больше.

— А тебе не все ли равно? — слабо язвлю я.

Егор слабо вздрагивает и пошатывается назад после моих слов, как от пощечины. И впервые с тех пор, как он заявил, что не может общаться с Ангелом, мне становится жаль его, но лишь на секунду, когда в его темных глазах блуждает растерянность.

— Ладно, — вздыхаю я.

Я надеваю тапки и выхожу в коридор. Мы минуем один лестничный пролет и останавливаемся у пыльного грязного окна, на котором стоит одинокий цветок в горшке, окруженный сигаретными окурками и паутиной.

— Как он? — подавленно спрашивает Егор.

Я окидываю его таким недружелюбным взглядом, на какой только способна, и думаю, отвечать, или нагрубить. Но он кажется таким несчастным и грустным, что у меня просто язык не повернется произнести что-нибудь обидное.

— Справляется, — говорю я.

Егор слабо кивает, опускает голову и молчит.

— Ему тебя не хватает, — признаюсь я. — Даже после того, как ты оставил его.

Я замечаю, как он напрягается, и когда поднимает голову, то на лице у него простирается глубочайшее сожаление и потерянность.

— Я виноват, — шепчет Егор.

— Еще как, — соглашаюсь я.

— И оттого, что я сделал, мне отвратительно смотреть на свое отражение каждый день, — добавляет он и громко вздыхает. — Мне очень, очень жаль, Августа, что я так поступил с ним. Ты права, я не должен был. Но... я не знаю, как объяснить, что заставило меня оставить его в беде. Я не могу.

Я вижу, что Егор говорит это искренне. Лгать он точно не умеет.

Я немного смягчаюсь.

— Я беспокоюсь за него, — продолжает Егор. — И я ненавижу себя.

Мне становится больно смотреть на него, но его страдания заслуженные. За свои

ошибки мы всегда вынуждены расплачиваться.

— Я бы хотел... — неуверенно бормочет Егор. — Я бы хотел вновь стать с ним друзьями, потому что он мой единственный друг. Ты и он. Но из-за своего глупого страха перед неизвестно чем я потерял вас обоих! — в глазах плескается отчаяние. — Мне просто было страшно, Августа. Мне просто было страшно...

Егор готов зареветь, и я не могу представить, как тяжело ему сейчас. Но нам всем нелегко.

Каждый, я думаю, имеет право на ошибку, и на прощение. Я знаю, что Егор искренне раскаивается, и так же знаю, что Ангел простит его, хотя он давно простил. Этот идеальный человек не способен долго злиться, или вообще таить в себе плохие эмоции. Его душа продолжает оставаться чистой и самой светлой даже несмотря на то, что его предавали, оставляли и обижали.

— Завтра мы собираемся прогуляться, — говорю я.

Егор с трепещущим ожиданием смотрит на меня.

— Ты... можешь пойти с нами, — добавляю я.

И его глаза загораются, как новогодние огни, даже ярче.

— Правда? — ошеломлен он.

Я киваю.

Его губы моментально расплываются в широкой улыбке, и я ловлю себя на мысли, что никогда за всю историю наших встреч с Егором не видела его настолько счастливым.

— Спасибо! — благодарит он. — Спасибо.

Я неуверенно улыбаюсь в ответ и думаю, может, все еще способно стать хорошо?

Что ж, я очень на это надеюсь.

На следующий день я и Егор встречаемся у клиники Доктора Груздева на 2-ой Никитинской, и вместе идем к дому Ангела.

— Ты не говорила ему, что я тоже пойду? — спрашивает меня Егор, когда мы обходим многоэтажку и направляемся к подъезду.

— Нет, — отвечаю я.

Он нервно вздыхает.

— Ангел будет рад, — уверяю я.

— Даже не знаю, как смотреть ему в глаза после всего... — бормочет Егор.

Я угрюмо смотрю на него, но когда встречаюсь с глазами, полными переживаний и надежд, то остываю.

— Все будет хорошо, — говорю я.

Егор робко улыбается мне, и мы останавливаемся у подъезда.

— Как он спускается? — спрашивает Егор. — Сам?

— Ему помогает папа, — бормочу я, доставая телефон из кармана, чтобы узнать время. — Через минуту должен выйти, — Ангел очень пунктуальный. Я улыбаюсь своей мысли, и точно через шестьдесят секунд открывается железная дверь, и я вижу знакомое лицо, отчего моя улыбка становится чуть ли не до ушей.

Боковым зрением я вижу, как напряженно замирает Егор. Он даже бледнеет немного... нет, он сильно бледнеет, становится белее снега.

Виктор Валерьевич выкатывает инвалидное кресло, в котором сидит Ангел, вперед, и за ними громко захлопывается тяжелая дверь, после этого Егор вздрагивает и издает резкий вдох. Должно быть, весь мир его сейчас висит на волоске, и все зависит оттого, как воспримет Ангел то, что он здесь. Но я знаю, что Егор будет спасен, потому что по-другому быть не может.

Я боюсь и одновременно очень жду реакции Ангела, который еще не видит, что пришла не только я, так как его голова опущена. Он что-то смотрит в своем телефоне. Когда его голова начинает медленно подниматься, я тоже напрягаюсь.

Сначала Ангел смотрит на меня и собирается улыбнуться, но так и не делает этого, потому что его глаза перемещаются вбок. Клянусь, я даже физически ощущаю, как все внутри Егора ломается от чувства вины.

— Ну, все, готово, сын, — бормочет Виктор Валерьевич, разглядывая инвалидное кресло Ангела. Мужчина, кажется, не замечает, как вдруг стало тихо. И когда он все же решает поднять глаза, то лишь на секунду теряется, когда видит Егора. — Егор! — восклицает он, и я не могу понять, чего больше в его голосе: радости или удивления.

Я внимательно смотрю на Ангела, который выглядит так, словно он заново переживает все самые ужасные моменты своей жизни. Подавленность, грусть, обида... вот что отражается на его лице. Я вижу, как в глазах Ангела плескаются бескрайние океаны боли. И я понимаю, что дело в Егоре. Но что странно, в них нет ни капли злости.

— Почему так давно не заходил к нам? — я слышу отдаленный голос Виктора Валерьевича и слабо встряхиваю головой.

Я сочувственно вздыхаю Ангелу, который, конечно же, этого не замечает, так как по-прежнему смотрит на Егора, и поворачиваю голову влево. Я никогда не видела прежде Егора таким раскисающимся, как сейчас. Правда. Это что-то с чем-то. Необъяснимая смесь горькой вины, чувства безграничного сожаления, непонимания, страха, печали... и еще много чего.

Виктор Валерьевич поджимает губы и вздыхает, так как понимает, что не дождетя от Егора ответа. Он сводит брови вместе, и между ними появляется небольшая складочка, затем опускает голову и смотрит какое-то время на Ангела.

— Будь осторожен, — тихо говорит ему мужчина и мягко хлопает по плечу.

— Ага, — выдавливают Ангел.

Виктор Валерьевич снова вздыхает, смотрит на Егора, затем на меня, снова на Ангела.

— Люблю тебя, — говорит напоследок сыну и идет обратно к подъезду.

И вот мы остаемся втроем. Егор не решается заговорить, так как по-прежнему не может прийти в себя. А Ангел... ему просто тяжело собраться с мыслями, и я уверена, что они диким роем крутятся в его голове.

Я смотрю на Егора в упор, микроскопически киваю ему, намекая на то, чтобы он сказал хотя бы «привет». Но когда я понимаю, что он так и не сумеет ничего вымолвить, то беру дело в свои руки.

— Привет, — я прикладываю усилия к тому, чтобы сделать свой голос бодрым, и иду к Ангелу, который игнорирует меня. Я останавливаюсь перед ним, но он смотрит мне за спину. Я смотрю через плечо и вновь с помощью мимики пытаюсь достучаться до Егора, который, наконец, замечает мои знаки и возвращается в реальность.

Я мотаю головой, как бы говоря Егору, чтобы он шел сюда. Он кивает в ответ на мой жест, надевает на лицо серьезную маску и с хмурым виноватым видом приближается к нам с

Ангелом.

— Привет, — звучит хриплый тихий голос Егора, когда он останавливается напротив Ангела.

Ангел смотрит на него снизу-вверх и молчит.

— Не ожидал, что ты придешь, — бормочет Ангел наполовину растерянным, наполовину расстроенным голосом.

Егор виновато опускает глаза и издает тяжелый вздох.

— Извини меня, — говорит он с искренностью. — Мне... очень жаль, что я так поступил. Правда. И я не знаю, как могу загладить свою вину перед тобой, потому что я совершил ужасную вещь. Я бросил друга, когда он нуждался во мне.

Со сжиманием сердца я жду, что на это скажет Ангел.

— Прости меня, — повторяет Егор, так и не глядя на него. — Я не должен был прекращать общение с тобой, потому что это не правильно, потому что я не правильный, потому что я... я испугался. Я никогда не сталкивался с подобной ситуацией, и я... я... — он выпускает воздух через плотно сжатые зубы.

— Все хорошо, — произносит Ангел. Егор тут же поднимает голову, и его глаза налиты слезами. — Я не в обиде, — добавляет он и натягивает на лицо крошечную улыбку. Ангелу тяжело, и он напряжен, но он так же пытается сделать все для того, чтобы сгладить ситуацию. — Я понимаю. Все понимаю. Так что все нормально. Правда.

И тут в глазах Егора взрываются эмоции. Он растерянно улыбается. Он счастлив, потому что получил прощение от лучшего друга, которого оставил одного, когда был нужен. И глядя на него сейчас, я вижу, что Егор все осознает, что он уверен, что больше никогда не совершит подобной ошибки, потому что из-за его неуверенности пострадали все. Егор, потому что каждый день ему приходилось просыпаться и засыпать с чувством вины. Ангел, потому что он вновь столкнулся с предательством, и помимо этого с ним случилось нечто невообразимое и ужасное — он перестал ходить. Я, в конце концов, потому что видела, как тяжело приходится Ангелу переживать все то, что свалилось на него. И я абсолютно уверена в том, что нет ничего хуже, чем видеть, как страдает твой друг, и знать, что ты ничем не можешь помочь ему кроме как того, чтобы просто быть рядом с ним и поддерживать, но так же понимаешь, что этой поддержки недостаточно, чтобы помочь ему излечиться. Ничего не поможет, кроме настоящего чуда...

Я наблюдаю, как Ангел делает глубокий вдох, и лицо у него такое, будто он на что-то решается. А затем он протягивает свою бледную руку Егору. Глаза Егора расширяются сильнее, и он с неуверенностью смотрит на Ангела и на его протянутую руку. Ангел ждет ответных действий Егора. Я не понимаю, почему Егор медлит. Но через несколько секунд он встряхивает головой, после чего его лицо становится расслабленным, и, наконец, пожимает руку Ангела.

Они смотрят друг на друга и оба начинают улыбаться.

И в этот момент я понимаю, что все просто обязано быть хорошо, потому что по-другому нельзя, по-другому невозможно.

Я вижу, как окончательно уходит грусть и неуверенность, но знаю, что еще долго ни Ангел, ни Егор не смогут оправиться после того, что произошло. Егор — от своей глупости. Ангел — от того, что случилось с ним. Но я верю, что, находясь вместе, мы сможем преодолеть если не все, то многие препятствия. Потому что мы друзья. Потому что поддержка важна, как никогда.

Я смотрю на них и вспоминаю, какой была раньше. Я вспоминаю, когда думала, что в этом мире нет ничего хорошего, когда мне действительно было уютно в одиночестве, потому что оно успокаивало.

Но вот появился Ангел, и все изменилось.

Вот я стою здесь и вижу, как наш крохотный мирок, никому непонятный и, безусловно, особенный, собирается по осколкам. Возможно, уже никогда не будет так же беззаботно и легко, как было раньше, потому что многое произошло, и это повлияло на всех нас, но... разве это не повод для того, чтобы создать новое, может быть, даже лучше прежнего?

Я улыбаюсь своим мыслям и вдруг замечаю, что мир становится чуточку ярче.

Я улыбаюсь шире.

— Может, по мороженому? — спрашиваю я.

Ангел и Егор, все еще пожимая друг другу руки, поворачивают головы в мою сторону. Я безмятежно смотрю на них, и оттого, какие у них лица, мне хочется смеяться. Первым расслабляется Ангел, затем Егор. Я снова вижу новые краски.

— Отличная идея, — поддерживает меня Ангел. — Давно не ел мороженого. Хочу наесться им так, чтобы на месяц заболеть ангиной.

Ангел начинает спрашивать Егора о том, как поживает его группа об Эйнштейне в «ВКонтакте», и они начинают болтать без остановки, словно не было ничего из того, что было. Но я даже рада этому.

Я иду и с улыбкой слушаю их.

Двадцать первая глава

Глава двадцать первая

Все налаживается. Правда. И это чудесно, потому что происходит перерождение нашей дружбы, нашей истории... моей истории. Хотя большее из того, что случилось в последнее время, я не могу назвать хорошим, но я рада, что это случилось, потому что это многому научило меня, я не стояла на месте, хотя в какой-то момент думала, что все рухнуло. Но нет. Я снова иду вперед. Со мной друзья, и все прекрасно.

У нас с Егором идет тотальная подготовка к предстоящим экзаменам в конце этого года. Я решила, что останусь учиться до одиннадцатого класса, потому что Егор тоже остается, а если он остается, то могу остаться и я. Конечно, Ангела будет не хватать в школе, но меня греет та мысль, что с ним я могу видеться в любое свободное от школы время.

Ангел занимается домашним обучением. Но с сентября после летних каникул родители определяют его в какую-то школу для инвалидов, куда он, конечно, не хочет идти, и не потому, что это будет лишний раз напоминать ему, кто он теперь (хотя я уверена, что это именно поэтому), а потому, что, как он говорит, ему там будет ужасно скучно. А пока Ангел сидит дома, читает книги по ядерной физике и слушает свои пластинки.

Семнадцатого апреля у него день рождения. Ему исполняется шестнадцать. Он позвал нас с Егором к себе на праздничный ужин. Проблем с подарком не возникло, так как я абсолютно точно знаю, чему Ангел всегда будет рад.

Пластинкам.

Я купила только одну, но она обошлась мне очень дорого (так дорого, что пришлось потратить все свои сбережения, плюс, попросить денег у родителей). Но мне не жаль ни копейки, которую я отдала за пластинку, потому что она для Ангела. Я начала ее поиски за две недели до его дня рождения, оббежала все музыкальные магазины, которые знаю. В итоге я остановила свой выбор на виниловой пластинке «Black Sabbath» 1972 года. У Ангела с этой группой всего три пластинки. Теперь будет четыре.

Я не знаю, что собирается дарить Егор, но это тоже будет что-то необычное и обязательно связанное с наукой.

Семнадцатое апреля выпадает на четверг. Так что после школы я бегу домой и начинаю готовиться ко дню рождения Ангела. Я беспокоюсь метаясь по пустой квартире, думаю, что надеть, что сделать с волосами. Не хочется приходить к нему на праздник в чем попало и как попало.

Я должна в пять уже быть в доме семьи Самарских. Сейчас три, а я все еще не готова...

Никогда бы не подумала, что могу так переживать из-за своего внешнего вида!

Еле как я успеваю привести себя в порядок. Я решаю надеть платье, в котором встречала Новый Год. Его никто не видел, кроме моих родителей. Волосы, которые вечно собраны в хвост, я распускаю. Перед тем, как уйти, я смотрюсь в зеркало, наверно, минут пять, тщательно выискиваю изъяны.

Меня переполняют радостные эмоции, когда я останавливаюсь перед дверью квартиры Ангела и нажимаю на звонок. Поправляю платье, волосы, проверяю, как лежит в подарочном пакете пластинка. Затем дверь открывается, и я вижу улыбающееся лицо

Виолетты Александровны.

— Августа! Здравствуй! Проходи!

— Здравствуйте, — улыбаюсь я ей в ответ и захожу в прихожую.

Виолетта Александровна помогает мне снять кремовое пальто, которое мы с мамой ходили покупать на прошлых выходных.

— Ах! Какая ты красавица! — восклицает женщина.

Я чувствую, как мои щеки краснеют, и глухо благодарю ее.

— Ладно, все уже собрались, — говорит Виолетта Александровна и мягко подталкивает меня вперед.

Я делаю шаг, но вспоминаю, что забыла взять подарок. Поэтому резко оборачиваюсь, нагибаюсь и беру яркий желтый подарочный пакет (любимый цвет Ангела) и догоняю женщину. Я слышу, как бешено и громко стучит в груди сердце. Оно, кажется, вот-вот выпрыгнет. У-у-ух, мне надо собраться.

Я нерешительно останавливаюсь перед тем, как войти в гостиную, делаю глубокий вдох, закрываю глаза, говоря себе, что все хорошо, а затем иду вперед.

Я вижу Ангела. Он сидит у стола в инвалидном кресле и о чем-то разговаривает с Егором.

— Привет, Августа! — громко приветствует меня Виктор Валерьевич, который неожиданно подходит сзади и кладет руку на мое плечо.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь в его сторону. Мужчина лучезарно улыбается мне и проходит к столу.

— Здравствуйте, — бормочу оторопело я в ответ и замечаю, что на меня смотрят Ангел и Егор.

На Ангеле темно-красная рубашка, почти под цвет моему платью. Сегодня он выглядит по-настоящему счастливым, и, смотря на него, у меня мгновенно испаряются всякие сомнения и волнения. Я широко улыбаюсь и иду к ним с Егором.

— Привет, — говорю я, останавливаясь рядом. Он и Егор пристально смотрят на меня, даже с некоторым удивлением. — С днем рождения.

Я говорю это, наверно, уже десятый раз за этот день. Первый раз я поздравила его, как только стрелки часов пробили полночь. Затем утром перед школой, в школе написала три смс-ки, когда пришла домой...

Ангел продолжает внимательно смотреть на меня, а я начинаю стремительно багроветь от головы до пят. Мы смотрим друг на друга минуту, или две, а потом я первая сдаюсь и усмехаюсь. Ангел встряхивает головой, вопросительно хмурится и начинает улыбаться.

— Привет, — наконец, отвечает он. — Здорово выглядишь. Никогда не видел тебя такой... — он не договаривает и поджимает губы, а я теряюсь в догадках, думая, что он хотел сказать.

Мы с Егором здороваемся друг с другом, и Виолетта Александровна говорит, чтобы все садились за стол.

— Подарки потом, — предупреждает женщина.

Стол выглядит изумительным! У меня разбегаются глаза, глядя на столько вкусностей. Я сажусь слева от Ангела, а справа от меня садится Егор. Виолетта Александровна порхает над нами, раскладывая по тарелкам закуску. Когда я пробую первое блюдо, то просто готова умереть от блаженства.

— Что это за салат? — спрашиваю я.

— «Фантазия» называется, — отвечает женщина.

Никогда не слышала, но определенно запомню, чтобы когда-нибудь сделать самой.

Через несколько минут со своего стула встает Виктор Валерьевич.

— Хочу сделать тост, — заявляет он и с теплотой, которую я никогда не смогу объяснить и почувствовать, смотрит на Ангела. — За тебя, сынок. С днем рождения, Ангел, — мужчина наклоняется, обнимает его и целует в темную макушку. — Мы все тебя очень-очень-очень любим. Никогда этого не забывай. И того, что у тебя всегда будут те, на кого ты можешь положиться.

— Пап, прекращай, — бормочет Ангел, и его щеки заливаются румянцем. — Ты меня ставишь в неловкое положение перед друзьями...

Виктор Валерьевич смеется, но хрипло, и только потом я понимаю, что это от слез. Он отстраняется от Ангела, выпрямляется и небрежным движением вытирает под глазами. Виолетта Александровна тоже плачет.

— А я хочу поднять этот бокал, — она поднимает шампанское, — за Егора и Августу.

Я искренне удивляюсь, когда слышу это, и вижу, что Егор тоже в некотором замешательстве.

Виолетта Александровна встает и поворачивается к нам лицом.

— Спасибо вам, ребята, за все, — благодарит она, и я понимаю, что сейчас заплачу, но я не хочу лить плакать. Только не сегодня, не в этот знаменательный день, и не перед Ангелом. — Спасибо, что вы поддерживаете моего сына, когда ему тяжело.

Боже, остановитесь, пожалуйста...

— Я знаю, что вы никогда не оставите Ангела, — дрожащие губы Виолетты Александровны растягиваются в улыбке. — Я знаю, что с вами он в безопасности. И я знаю, что с такими друзьями, как вы, ребята, мой сын не пострадает и не познает в очередной раз предательство. Спасибо, — шепчет она и обходит Ангела, чтобы обнять меня. Когда ее руки смыкаются за моей спиной, я слабо вздрагиваю. — Спасибо, — повторяет женщина. — За все, что ты делаешь для Ангела. Спасибо.

Я запоздало обнимаю ее в ответ. Слезы стоят на глазах, и сквозь них я вижу, с какой печалью за нами наблюдает Ангел. Я улыбаюсь ему, чтобы он улыбнулся в ответ. И он улыбается.

Виолетта Александровна целует меня в щеку, затем обнимает Егора и тоже что-то тихо ему говорит.

— Извини за это, — Ангел наклоняется ко мне. — Просто моя мама сегодня чересчур эмоциональная.

Я смотрю на него, его глаза так близко, что тепло, исходящее от них, я почти ощущаю физически.

— Да что ты. Твоя мама супер, — отвечаю я.

Ангел улыбается и отстраняется.

Мы все успокаиваемся, и наступает время подарков.

— Наш подарок ты уже получил, — говорит Виктор Валерьевич, — теперь ваш черед, ребята.

Егор поднимается со стула первым и куда-то уходит. А через минуту приходит с коробочкой в руках и протягивает ее Ангелу.

— С днем рождения, дружище, — говорит Егор и наполовину смущенно улыбается.

В глазах Ангела загораются искры заинтересованности. Он откатывается от стола и

разворачивается к Егору. Берет коробочку в руки и слабо трясет ее.

— Открывай, — говорит Егор. — Тебе понравится.

Ангел ухмыляется и избавляется от коробочки.

— Ого, — присвистывает Ангел и достает зеркальный шар средних размеров. — Это же...

— Антигравитационный шар, — кивает Егор.

Ангел изумленно вскидывает брови и широко улыбается, рассматривая шар со всех сторон. Я завистливо прикусываю губу, потому что подарок Егора действительно необычный. А вот мой предсказуемый. И почему я не догадалась купить антигравитационный шар?..

— Спасибо, Егор! — с восхищением благодарит Ангел. — О, тут даже есть обучающий DVD-диск... Классно! Спасибо!

Они пожимают друг другу руки, и Ангел еще какое-то время рассматривает это антигравитационное чудо.

Я уже не чувствую былой уверенности в том, что Ангел будет без ума от моего подарка. Но я все же рассчитываю на ту реакцию, которую ожидала, когда покупала пластинку.

Я встаю со стула и протягиваю Ангелу желтый подарочный пакетик. Он с лукавой улыбкой смотрит сначала на меня, затем с любопытством опускает голову в пакетик и сует туда руку.

— Пластинка! — восклицает он, как маленький мальчишка, получивший конструктор, о котором мечтал долгое время. — «Black Sabbath»! 1972 года! Ух-ты! — Ангел поднимает голову, и мое сердце готово взорваться от счастья, потому что его коричневые глаза сияют ярче Сириуса.

— Тебе нравится? — с сомнением спрашиваю я, нервно кусая губу.

— Шутишь?! Это классный подарок! Вау! — Ангел разглядывает обложку пластинки. — Спасибо. Это, правда, очень круто! Мы немедленно должны послушать ее!

— Ну уж нет, молодой человек, — вмешивается Виолетта Александровна. — Только после того, как вы попьете чай с тортом.

— Ладно, — немного разочарованным голосом соглашается Ангел.

Родители Ангела исчезают из гостиной и через несколько минут возвращаются с большим тортом, который несут вместе. Они проносят его к столу и ставят в самый центр.

— Это же Эйнштейн! — ошеломленно вскрикивает Ангел, рассматривая рисунок на поверхности торта. Затем он смотрит на родителей безумными-безумными глазами, в которых сейчас плещется столько эмоций, сколько, наверно, никогда не испытывал ни один человек. — Вы сделали торт с Эйнштейном! Не верю! Это самый крутой торт, который я когда-либо видел!

Я немного приподнимаюсь, чтобы лучше разглядеть лицо всем знакомого физика, а замечаю надпись внизу торта:

«Я родился, и это все, что нужно для счастья!»

Должно быть, эти слова принадлежат Эйнштейну.

Какие внимательные у Ангела родители... Мои бы, если бы я обожала Эйнштейна, ни за что не додумались бы сделать торт с его лицом.

— Я поставлю чайник, — говорит Виктор Валерьевич и уходит на кухню.

— Ты лучшая на свете мама, — бормочет Ангел. — Я уже говорил тебе об этом?

Виолетта Александровна смеется и целует сына в лоб.

— Я люблю тебя, мальчик мой, — говорит она ему.

— И я тебя, — отвечает Ангел.

Виктор Валерьевич возвращается с кухни с огромным ножом с широким лезвием. Он подходит к столу и начинает резать торт.

— Мне, пожалуйста, голову Эйнштейна, — просит Ангел.

— Эй! Я тоже хотел съесть его мозг, — наиграно обижается Егор.

Мы с Виолеттой Александровной начинаем смеяться.

Виктор Валерьевич ухмыляется.

— Не беспокойтесь. Тут головы Эйнштейна хватит на двоих, — говорит он.

Мне достается левый глаз Эйнштейна. Виолетте Александровне — его загадочная улыбка. А Виктор Валерьевич довольствуется носом.

Ох, бедный Эйнштейн. Всего разобрали по частям.

Торт как раз такой, какой я люблю. Бисквитный, с кремом и сгущенкой.

Я давно так не наедалась, как сегодня. Точнее, я в жизни столько не ела! В конце праздничного ужина я, довольная и сытая, откидываюсь на спинку стула и тяжело вздыхаю.

— Теперь я смело могу не есть еще дня три, — бормочу я.

Ангел устало смеется и начинает поглаживать свой живот.

— Это точно, — соглашается Егор и снимает очки, чтобы потереть глаза.

Чтобы не болтаться без дела, пока Ангел и Егор изучают и обсуждают антигравитационный шар, я вызываюсь помочь Виолетте Александровне с уборкой стола. Я ухожу на кухню и занимаю место у раковины. Через мои руки проходит гора посуды, но когда мама Ангела присоединяется ко мне, справляться намного легче.

— Как тебе ужин? — интересуется женщина, вытирая полотенцем очередную тарелку.

— Все было замечательно, — улыбаюсь я. — Особенно удивил торт.

Виолетта Александровна смеется и кивает.

— Да. Ангел чуть с ума не сошел!

Мы смеемся вместе.

— А что вы ему подарили? — спрашиваю я.

— Телескоп, — отвечает Виолетта Александровна.

Я смотрю на нее широко распахнутыми глазами. Ого! Телескоп! Ничего себе! Теперь Ангел может наблюдать и за звездами и планетами... Потрясающий подарок. И, должно быть, очень дорогой. Но я знаю, что Виктору Валерьевичу и Виолетте Александровне не жалко любых денег для того, чтобы сделать своего сына хотя бы чуточку счастливее.

— Ангел так обрадовался подарку, — улыбается женщина.

Я бы тоже обрадовалась телескопу...

Я улыбаюсь ей в ответ.

Мы домываем посуду, и прежде, чем покинуть кухню, Виолетта Александровна останавливает меня.

— Спасибо тебе, Августа, — говорит она.

— За что? — удивленно спрашиваю я.

— За то, что ты есть у Ангела.

— О...

— Благослови тебя Господь, милая, за все, что ты делаешь для него, — Виолетта Александровна снова обнимает меня, на этот раз крепче. — Я не устану благодарить тебя и Бога за то, что ты спасаешь моего сына от отчаяния.

— Не только я... — бормочу растерянно я, не понимая, что именно говорю.

Женщина отстраняется и кладет руки на мои плечи.

— Ты, и только ты, — повторяет она. — Я вижу, как Ангел смотрит на тебя, и, поверь мне, милая, ты для него не просто друг. Ты больше. Даже мы с мужем не занимаем столько места в его жизни, как ты. Он любит тебя. Сильно. По-настоящему.

Мои губы сами собой расплываются в улыбке.

— Я тоже, — шепчу я и понимаю, что сказала лишнего. О. Нет. Я только что дала понять маме Ангела, что люблю его... Ой-ой-ой-ой.

Я опускаю голову, чтобы спрятать покрасневшие щеки.

Виолетта Александровна мягко смеется.

— Я знаю, Августа. Я знаю, — говорит она. — А так же я знаю, что вы, ребята нуждаетесь друг в друге, как в воздухе. Поэтому не теряйтесь, держитесь всегда вместе, что бы ни случилось, потому что жизнь, милая, может устроить вам любые испытания.

Я осторожно смотрю на женщину и поджигаю губы.

— Ладно, пойдем, — говорит Виолетта Александровна и весело подмигивает мне.

Она потрясающая женщина и мать.

Мы возвращаемся в гостиную.

— Августа, — зовет меня Ангел, — пойдем в мою комнату.

Я переглядываюсь с Виолеттой Александровной, которая с лукавой улыбкой смотрит на меня, и иду за Ангелом и Егором. Как только мы входим в просторную комнату Ангела, где без света темновато, то в глаза сразу бросается новый телескоп. Я впервые вижу телескоп вживую.

— Это классная штука! — хвалит Егор, сразу идя к телескопу.

Ангел катится в кресле за ним.

— Я уже жду не дождусь ночи, чтобы посмотреть на звезды, — с энтузиазмом говорит он.

— Ну почему звезды ночью? — стонет Егор. — Если бы они были днем, то я бы смог прийти к тебе и увидеть их.

Ангел смеется.

— Какая же ночь без звезд? — говорит он. — И вы можете остаться у меня, если хотите.

— Если нас отпустят, — поправляет Егор и смотрит на меня. Я пожимаю плечами. — Я могу позвонить, но не уверен, что получится.

Ангел подбадривающе хлопает его по руке.

— Я могу попросить маму позвонить вашим родителям, — предлагает он.

В таком случае, меня точно отпустят.

Поскольку у меня не было друзей, то, следовательно, не было ночевок вне дома. Поэтому идея остаться ночь у Ангела вызывает у меня бурю положительных эмоций. Но... во что мне переодеться, когда я буду ложиться спать? И где я буду спать? И вообще, согласятся ли родители Ангела на то, чтобы мы с Егором остались здесь?

— Ни о чем не волнуйтесь, — уверяет нас Ангел и катится к двери. — Я сейчас все улажу.

Он выезжает из комнаты, и мы с Егором остаемся одни. Егор начинает изучать со всех ракурсов телескоп, а я стою там, где стояла, и не шевелюсь.

Через несколько бесконечных минут Ангел въезжает в комнату с высоко поднятыми руками и радостно сообщает:

— Ночевке быть!

— Правда? — удивляется Егор.

— Мама обо всем договорится, — Ангел катится влево, чтобы включить в комнате свет, и едет к телескопу. Он уже освоился с инвалидным креслом. — Так что эту ночь мы посвятим подробному изучению телескопа и попробуем увидеть в небе хоть что-нибудь. А еще, — он с улыбкой поворачивает голову в мою сторону, — мы будем слушать новую пластинку.

И мы смотрим на звезды глубокой ночью, и ни у кого из нас нет мыслей о сне.

Двадцать вторая глава

Глава двадцать вторая

Этот день начинается хорошо.

Сегодня в школе я узнаю, что сдала экзамен по русскому на пять. Что ж, я никогда не сомневалась в своих способностях относительного этого предмета, но мне все равно было приятно.

Первым делом я, конечно же, звоню Ангелу, и он радуется моему маленькому достижению вместе со мной. У Егора дела с русским обстоят не так хорошо, как у меня, но он получил твердую четверку. А то, какие оценки получили другие, меня не беспокоит. Меньше знаю — крепче сплю.

Сегодня пятница. Прекрасный майский день, и не верится, что через две недели наступит июнь. А в понедельник меня ждет экзамен по математике, и я с тихим ужасом представляю, сколько валерьянки мне придется выпить, чтобы снизить свое волнение до минимума. А после математики меня ждет история и литература... Ох. Кошмар какой-то.

Но сейчас я не хочу думать о том, какое испытание придется перенести моей психике. Сейчас я хочу одного. Увидеть как можно скорее Ангела.

Я выхожу из школы и прощаюсь с Егором. Он не пойдет сегодня гулять, так как куда-то уезжает на все выходные. По дороге я думаю, куда можно сходить. Я смотрю по сторонам, на ясное небо, на солнце, лучи которого нежно касаются моего лица, и понимаю, что теперь могу посетить самое замечательное место в этом мире с самым замечательным человеком.

Когда я прихожу домой, то мне звонит мама и спрашивает, какую оценку я получила за экзамен по русскому. И она радуется, как ребенок, когда слышит от меня слово «пятерка». А еще она обещает вечером купить мне медовый торт.

Я быстренько принимаю душ, чтобы смыть с себя усталость, переодеваюсь и вылетаю из квартиры, даже не перекусив. Я делаю контрольный звонок Ангелу, когда подхожу к его дому, и он говорит, что спустится через пять минут. На этот раз ему помогает мама, так как Виктор Витальевич на работе.

— Привет, Августа, — здоровается со мной женщина.

— Здравствуйте, — киваю я.

Ангел встречает меня с кривой улыбкой на губах.

— Какой жаркий день, — вздыхает он.

— Отличный день! — восхищенно говорит Виолетта Александровна и, закрыв глаза, на пару секунд подставляет свое лицо солнцу. Затем опускает голову, целует Ангела в волосы и машет мне рукой на прощание.

— Есть какие-нибудь планы? — интересуется Ангел, расстегивая две верхние пуговицы клетчатой рубашки, под которой еще есть белая футболка.

— Да, — энергично киваю я.

— Отлично. Тогда в путь, друг мой.

Я смеюсь и обхожу кресло, чтобы вести его. Ангел расслабленно откидывается назад, и мы движемся вниз по улице.

— Куда мы? — спрашивает он через пять минут.

— На озеро, — отвечаю я.

Ангел запрокидывает голову, и снизу его лицо кажется мне забавным. Я хихикаю.

— Правда? Здорово! Я думал, никогда не дождусь этого дня.

— Я тоже.

Ангел возвращает голову в нормальное положение и поднимает в воздух указательный палец.

— Кстати! — восклицает он. — Ты ни за что не угадаешь, что произошло с нашим Егором.

— И что же? — ухмыляюсь я.

— «Амор», — говорит он.

— Что?

— Любовь, — смеется Ангел.

— В смысле? — хмурюсь я. — То есть, как это? Любовь? Егор? Эээ...

Ангел смеется громче.

— Наш друг влюбился, Августа. Влюбился. Представляешь?

Мои глаза становятся круглыми.

— Да ладно? Серьезно? Не может быть!

— Еще как может, — усмехается Ангел.

Я нелепо улыбаюсь и представляю в голове избранницу Егора. То есть, я вообще не могу представить, потому что... потому что Егор, ну, он же такой... В общем, я думала, что его единственная любовь — это наука, и Эйнштейн, конечно же.

— И кто она? — я начинаю сгорать от любопытства.

— Ее зовут Карина, и она живет в Санкт-Петербурге, — поясняет Ангел.

— Давно они знакомы?

— Ммм, ну, около месяца.

Ого! И я узнаю об этом только сейчас? Хотя, это личное дело Егора — говорить мне, или нет. В конце концов, это мужские секреты, и мне в них нет места, как и мальчикам в девичьих тайнах.

— А где они познакомились? — спрашиваю я.

— В группе Егора. Она подписана на него. Кстати, в группе уже почти тысяча участников, представляешь?

— Вау! Классно. Егор, наверно, без ума от счастья?

— Не то слово, — хохочет Ангел. — Так вот, однажды Егор заметил комментарий, оставленный Кариной, который заинтересовал его. Он ответил. Она ответила ему, и между ними завязался очень увлекательный разговор.

— О чем?

— О спиновых матрицах Паули.

Хорошо, что Ангел не видит, какое у меня сейчас недоуменное выражение лица.

— Эмм, группа же об Эйнштейне, — бормочу я, — причем здесь... матрицы Пауля?

— Лучше не спрашивай, — сочувствующе усмехается Ангел, — потому что я сам едва понял. Но в общих чертах, Егор восхищен Кариной. Он говорил, что никогда не встречал никого умнее, кроме нее. Ну, не считая меня, конечно же. А еще Карина тоже фанатка Эйнштейна.

Я улыбаюсь, так как искренне рада за Егора. И так же мне очень интересно, кто такая Карина? Как она выглядит, где учится, сколько ей лет? Еще Ангел говорит, что она и Егор

договорились встретиться, как только начнутся каникулы. Но больше мы не разговариваем об этом. Ангел начинает спрашивать меня об оставшихся экзаменах, и я жалею ему, что мне страшно, особенно за математику. Ангел подбадривает меня, как может, но, к огромному сожалению, этого все равно недостаточно.

Когда мы подходим к месту, спасавшему меня долгие недели, месяца от темноты, то резко замолкаем. Я везу Ангела по сухой тропинке и жадно вдыхаю влажный воздух. Как же замечательно! Как же мне не хватало этого аромата!

— Почти на месте, — слышу я тихий шелест Ангела.

Он так же взволнован и одновременно рад, как я.

Возникают проблемы, когда мы сходим с тропинки, и я везу Ангела по траве. Мне тяжело, и Ангел чувствует это, но мы оба молчим, чтобы не разрушить ту хрупкую идиллию, которая, наконец, пришла в наши души.

Когда мы минуем самую тяжелую часть пути, то все проблемы и беспокойные мысли мгновенно становятся второстепенными. Мы с Ангелом замираем и даже перестаем дышать, потому что, то, что мы видим, по-настоящему восхитительно. Эта изящная простота, заключенная в распустившихся желтых одуванчиках и сочной зеленой траве, гармонично контрастирующих между собой, сводит с ума.

— Ты видишь это? — шепотом спрашивает меня Ангел.

Я киваю, но вспоминаю, что он не видит меня, поэтому заставляю себя произнести короткое:

— Да.

— Здесь так красиво.

— Безусловно.

Я везу Ангела к валуну и останавливаюсь.

— Теперь мы снова можем мечтать, — со спокойствием произносит Ангел и делает глубокий вдох.

Мы молча наблюдаем, как солнечные лучи падают на воду и заставляют ее поверхность переливаться мерцающим светом. Я медленно опускаюсь и сажусь рядом с креслом Ангела, откидываюсь назад, прижавшись спиной к валуну, и ощущаю, как внутрь меня просачивается умиротворение, которого мне так сильно не хватало.

— Я все еще могу взять тебя за руку? — неожиданно неуверенно спрашивает Ангел.

Его вопрос мгновенно возвращает меня в реальность. Я немного поднимаю голову, чтобы взглянуть на него.

— Конечно, — бормочу я, и мои щеки заливаются румянцем.

Ангел протягивает ко мне руку, я поднимаю свою в ответ, и наши пальцы переплетаются. В этот момент жизнь становится почти идеальной.

— Спасибо, — благодарит Ангел.

— За что? — я сомневаюсь в том, что могу сейчас мыслить здраво... что я вообще могу о чем-либо думать. Я не понимаю, что он спросил, так как все мое внимание сконцентрировано только на том, что мы держимся за руки.

— За то, что ничего не изменилось между нами, — поясняет Ангел.

Я смотрю на него снизу-вверх.

— А что должно было измениться? — не понимаю я.

— Ну, хотя бы то, что теперь я прикован к инвалидному креслу.

— Пфф, — я закатываю глаза и нервно проглатываю комочек в горле. — Это ерунда... ну,

В смысле что...

— Я понял, — перебивает меня Ангел и улыбается. — Я не знаю, что у вас, девчонок, в голове, но точно уверен, что никому не хочется держаться за руку с инвалидом.

Я издаю судорожный вздох.

— Мне хочется, — говорю я. — И мне совершенно не важно, инвалид ты, или здоровый. Точнее, для меня ты всегда будешь здоровым. Я уверена, что ты снова встанешь на ноги и сделаешь шаг. Определенно, все так и будет.

Ангел улыбается шире.

— Спасибо, что веришь меня, — он крепче сжимает мою ладонь. — Что не оставляешь.

— Ну да, размечтался, — я пытаюсь перевести все в шутку, но мой голос предательски дрожит от волнения. — Ты от меня так просто не отделаешься.

Ангел широко улыбается.

— Даже мыслей об этом не было.

— Вот и не думай. Никогда.

— Хорошо.

— Хорошо.

Так приятно держать кого-то за руку. Так приятно ощущать чье-то тепло.

— Не надо, — вдруг говорит Ангел.

— Что не надо? — удивляюсь я.

— Делать такое лицо, словно я самый удивительный и прекрасный человек в этом мире, — фыркает он.

Я поджимаю губы и тихо произношу:

— Но это так. Ты и есть самый удивительный и прекрасный человек в этом мире, Ангел.

Ангел тихо смеется и мотает головой.

— Что? — спрашиваю я немного обиженно. Он не верит мне? По-моему, произошло столько всего, после чего можно тысячу раз убедиться в том, что я говорю правду.

— Нет. Ничего, — отвечает Ангел. — Просто я сейчас кое-что подумал.

— Что? — снова спрашиваю я.

Ангел тянет меня за руку вверх, как бы прося встать. Я так и делаю. Встаю перед ним, он берет меня за вторую руку и смотрит своими большими теплыми глазами.

— Я думаю, что если когда-нибудь снова буду ходить, то непременно женюсь на тебе, — заявляет он безо всяких сомнений и стеснений.

У меня отвисает челюсть, разумом я понимаю, что выгляжу ужасно глупо, но ничего не могу с собой поделать. Когда шок немного отходит, я начинаю внимательно всматриваться в лицо Ангела, пытаюсь найти любой признак того, что он сейчас пошутил. Но Ангел выглядит совершенно серьезным. И слова про женитьбу не были каким-то приколом.

— Ох, — громко выдыхаю я, и у меня начинают дрожать колени.

Я молчу целую вечность, не знаю, что ответить. Моя голова пуста.

— А что мешает тебе жениться на мне так? — охрипшим от баснословного, выворачивающего наизнанку волнения голосом спрашиваю я.

— Во-первых, жених не должен быть ниже невесты, — наполовину шутливым тоном говорит Ангел и выдавливает крошечную напряженную улыбку. — Во-вторых, выходить замуж за инвалида не романтично.

Я издаю нервный смешок.

— Ты ничего не понимаешь в романтичности, — произношу я. — На пути их много преград, но они все равно вместе, не смотря ни на что... По-моему, это как раз про нас. И это романтично.

Ангел мягко смеется и закрывает глаза.

— И... на друзьях не женятся, вообще-то, — бормочу я.

— Ты больше, чем просто друг для меня, Августа, — говорит он. — И ты знаешь это.

Я киваю.

— Знаю.

Когда Ангел открывает глаза и поднимает их, чтобы посмотреть на меня, я уверена, что никогда прежде не замечала на себе подобных взглядов. Даже невозможно описать словами, какие эмоции проносятся в его глазах, невозможно отследить за ними, потому что они сменяют друг друга со скоростью света, но определенно заставляют их сиять. Сиять так, что с легкостью могут затмить все звезды нашей огромной Вселенной.

— Я люблю тебя, Августа, — медленно говорит Ангел. — И это сильнее всего на свете.

Лихорадочная дрожь проносится по всему телу, оставляя за собой неугасаемое пламя, которое пробирается к сердцу и заряжает его бесконечным запасом энергии. Где-то глубоко внутри (и я точно не знаю, где именно) происходит взрыв, мощнее ядерного, эмоций. Они разлетаются, проникают в каждую клеточку, в каждый нерв, сосуд, заполняют собой все пространство, и мне кажется, что я вот-вот взлечу.

— Я... — шепчу я. Ангел слабо вздрагивает и непроизвольно сжимает мои руки крепче. Я делаю медленный и глубокий вдох, стараясь втянуть в себя всю радость, которой пропитан воздух вокруг нас, и слабо улыбаюсь. — Я люблю тебя, Ангел. И это сильнее взаимодействия элементарных частиц.

Ангел улыбается.

Я понимаю, что если в душе моей свет, то и мир будет другим, светлым.

— **КОНЕЦ** -

Больше книг на сайте - Knigolub.net